

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ЧЕРЕПОВЕЦКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в декабре 2002 г.

№ 2 (48). Т. 2 • 2013

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Решением президиума ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6 научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26579 от 20 декабря 2006 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Аветисян И.А., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Андронов В.П., д-р психол. наук, проф. (МордГУ им. Н.П. Огарева)
Аншелес В.Р., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Васильцова В.М., д-р экон. наук, проф. (СПбГГУ)
Володина Н.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Гарбер Э.А., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (ЧГУ)
Грудева Е.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Грызлов В.С., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ЧГУ)
Денисова О.А., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
Доманский Ю.В., д-р филол. наук (ТвГУ)
Дороговцев А.П., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Егоров А.Н., д-р ист. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Ершов Е.В., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Игонин В.И., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Ильин В.А., д-р экон. наук, проф. (ВНКЦ ЦЭМИ РАН)
Кабаков З.К., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Калягин Ю.А., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Камкин А.В., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Карпов С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Коровушкин В.П., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Кузьминов А.Л., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Лаврова С.Ю., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Любов В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Маралов В.Г., д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ, зам. гл. редактора (ЧГУ)
Меркер Э.Э., д-р техн. наук, проф. (НИТУ «МИССИС»)
Милошевич З., д-р соц. наук (Институт международной политики и экономики, Белград)
Морозов А.Н., д-р экон. наук, проф. (ОАО «Системные технологии», Москва)
Осипов Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ВГТУ)
Петелин Б.В., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Плашенко В.В., д-р воен. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Рыбаков А.А., д-р искусствоведения, проф. (ЧГУ)
Сабуров Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Селин М.В., д-р экон. наук, проф. (ВГМХА)
Сергиевский Э.Д., д-р техн. наук, проф. (МЭИ)
Синицын Н.Н., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Ситаров В.А., д-р пед. наук, проф. (МГУ)
Славов В.И., д-р техн. наук (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского)
Солодянкина О.Ю., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Стенин В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Телин Н.В., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Цаплин А.И., д-р техн. наук, проф. (ПГТУ)
Цейтлин С.Н., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Черкасова М.А., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Чернов А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Черняк М.А., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Чиршева Г.Н., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Юдин Р.А., д-р техн. наук, проф., засл. изобретатель РФ (ЧГУ)
Яковлева Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР: Н.Г. МИХОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

Адрес редакции: 162600 г. Череповец, Советский пр., д. 8, к. 302, тел. 8 (8202) 51-72-40

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Белановская Е.В.</i> Разработка составов для реставрационного кирпича памятников архитектуры Вологодской области XVII – начала XX веков.....	4
<i>Владимиров А.В.</i> Моделирование процесса взаимодействия агентов в многоагентной адаптивной информационной системе с использованием аппарата цветных сетей Петри	8
<i>Любов В.К., Малыгин П.В., Попов А.Н., Попова Е.И., Дементей С.В.</i> Исследование эффективности работы отопительных установок и их использование в модульных малоэтажных зданиях в условиях Северо-арктического региона	11
<i>Любов В.К., Попов А.Н., Мюллер О.Д.</i> Исследование эффективности сжигания дров в стальных водогрейных котлах	16
<i>Мальшев Д.А.</i> Общая схема взаимодействия при развертывании операционных систем	21
<i>Синицын Н.Н., Кабаков З.К., Домрачев Д.А.</i> Математическая модель сушки коры деревьев при высокоинтенсивном нагреве	24

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Гончаренко Д.В.</i> Научно-фондовая работа как фактор реализации социальных функций советских музеев в середине 40-х – середине 80-х годов XX века (на материалах музеев Вологодской области)	29
<i>Деркач Т.В.</i> Проблемы развития инфраструктуры в Санкт-петербургской губернии в годы деятельности III Государственной думы (1907 – 1912 гг.)	33
<i>Трофимова А.И.</i> Политотделы совхозов Европейского Севера РСФСР в 1930-х гг.	35
<i>Фролова И.В.</i> «Благотворительность», «призрение», «филантропия», «милосердие»: историография понятий	39

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Плешаков П.С.</i> Предпринимательские способности населения г. Сокола.....	44
<i>Цыремпилова Е.А.</i> Парадоксы взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда в разрезе набора и выпуска специалистов (на примере республики Бурятия)	48

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Басова Е.А.</i> Специфика повествования в повести И.С. Тургенева «Вешние воды».....	51
<i>Ветров Ф.А., Ветрова Т.А.</i> Институциональные характеристики дискурса деловых журналов: конститутивный аспект ..	54
<i>Дидковская В.Г.</i> Языковая игра в текстах современной литературы	57
<i>Заваркина М.В.</i> «Канонические» жанры советской литературы 1930-х гг. и повести А. Платонова	61
<i>Кудинова Н.Л.</i> Выражение таксисной семантики одновременности средствами зависимого таксиса	65
<i>Лосева А.П.</i> Формы авторской скромности в современном русском языке	70
<i>Мельничук И.Н.</i> Феномен «Русского иностранца» в творчестве Ф.М. Достоевского	73
<i>Минец Д.В.</i> Персонажная система поэмы М.И. Цветаевой «Царь-девица» в аспекте гендерной трансгрессии: лингво-когнитивное прочтение	76
<i>Шутова Ю.Н.</i> Обратный свет Черубины де Габриак	80

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Баяндин Д.В.</i> Методика и организация учебного процесса при обучении физике на нефизических специальностях вуза в условиях ФГОС-3.....	84
<i>Ермилов В.В., Кочнев А.О.</i> Взаимодействие школ города и ЧГУ в области обеспечения безопасности жизнедеятельности подрастающего поколения г. Череповца	88
<i>Иванова И.И.</i> Использование интерактивной доски в образовательном процессе средней школы с учетом возрастных и индивидуальных особенностей учащихся	90
<i>Плешаков В.А., Кочнев А.О.</i> Исследование познавательных потребностей студентов в киберпространстве	93
<i>Сигова В.Л.</i> Ситуация выбора в учебной деятельности как условие формирования креативности обучающихся	96
<i>Тичинская О.В.</i> Состояние профессиональной подготовки специалистов в сфере школьного консультирования в высших учебных заведениях Украины	100
<i>Федосов А.О.</i> Информационно-аналитическая компетенция в структуре деятельности тренера по игровым командным видам спорта	104

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Артамонов Ю.С.</i> «Орфей и Эвридика» Тициана. К вопросу о влиянии живописи Босха в контексте венецианской школы	109
<i>Беляева Н.А.</i> Роль итальянской школы живописи в творческой судьбе Ж.О. Фрагонара	112
<i>Прохоров С.А.</i> Живопись и компьютерные технологии как необходимые составляющие архитектурной проектной деятельности	115

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Канаева Н.А.</i> Роль мотивационного и ценностного компонентов в становлении профессиональной идентичности студентов железнодорожного техникума.....	118
<i>Маралов В.Г., Табунов И.А.</i> Психологическая структура сензитивности к опасностям	122
<i>Самойлик А.А.</i> Интернет-зависимость – актуальная проблема современного общества	126
<i>Шкиль И.Е.</i> Формирование и развитие коммуникативной компетентности, и повышение уровня общения у студентов средствами арт-технологий	129

Сведения об авторах	133
Информация для авторов	137

CONTENTS

TECHNOLOGY	
<i>Belanovskaya E.V.</i> Composition development of the restoration brick of architectural monuments of Vologda region of the XVII th – beginning of the XX th century	5
<i>Vladimirov A.V.</i> Modeling the process of interaction between agents in an adaptive multiagent information system using the apparatus of colored Petri nets.....	8
<i>Lyubov V.K., Malygin P.V., Popov A.N., Popova E.I., Dementey S.V.</i> Studying the operating efficiency of heating installations and their use in modular low rise buildings in conditions of the North-Arctic region	11
<i>Lyubov V.K., Popov A.N., Muller O.D.</i> Studying the efficiency of wood combustion in the steel hot water boilers	16
<i>Malyshev D.A.</i> General scheme of interaction at deployment of operating systems	21
<i>Sinitzyn N.N., Kabakov Z.K., Domrachev D.A.</i> Mathematical model of bark drying at high-intensity heating	24
HISTORY	
<i>Goncharenko D.V.</i> Research and fund work as the factor of realization of social functions of Soviet museums in the mid 40 ^s – mid 80 ^{ies} of the XX th century (on material of the museums of Vologda region)	29
<i>Derkach T.V.</i> Problems of infrastructure development in St. Petersburg province in the years of the 3 ^d state Duma (1907 – 1912)	33
<i>Trofimova A.I.</i> Political departments of state farms of the European North of the RSFSR in the 1930 ^s	35
<i>Frolova I.V.</i> «Charity», «care», «philanthropy», «mercy»: historiography of concepts	39
ECONOMICS	
<i>Pleshakov P.S.</i> Entrepreneurial ability of the population of Sokhol	44
<i>Tsyrempilova E.A.</i> Paradoxes of co-operation of educational market and labour market in the context of specialists' enrolment and graduating (on the example of republic Buryatiya)	48
PHILOLOGY	
<i>Basova E.A.</i> Specificity of the narrative in I.S. Turgenev's story "Torrents of spring"	51
<i>Vetrov F.A., Vetrova T.A.</i> Institutional parameters of business magazine discourse: constitutive aspect	54
<i>Didkovskaya V.G.</i> Linguistic game in the texts of modern literature	57
<i>Zavarkina M.V.</i> «Canonical» genres of the Soviet literature of the 1930 ^s and A. Platonov's stories	61
<i>Kudinova N.L.</i> Expression of taxis semantics of simultaneousness by means of dependent taxis	65
<i>Loseva A.P.</i> The forms of the author's modesty in modern Russian language	70
<i>Melnichuk I.N.</i> The phenomenon of «Russian foreigner» in the works of F.M. Dostoevsky	73
<i>Minets D.V.</i> The system of characters in the poem «The tsar-maiden» by Marina Tsvetaeva in the aspect of gender transgression: lingvocognitive reading	76
<i>Shutova J.N.</i> Sunset of Cherubin de Gabriac	80
PEDAGOGY	
<i>Bayandin D.V.</i> Methods and organization of teaching Physics applied to the non-physical departments in colleges under the third generation's standards	84
<i>Ermilov V.V., Kochnev A.O.</i> Interaction of the schools of the city and the department of technosphere security in the field of providing life safety of Cherepovets younger generation	88
<i>Ivanova I.I.</i> Using an interactive board in educational process of secondary school in accordance with age and individual characteristics of students	90
<i>Pleshakov V.A., Kochnev A.O.</i> The study of students' cognitive needs in cyberspace	93
<i>Sigova V.L.</i> The situation of choice in training activity as the condition of formation of students' creativity	96
<i>Tichinskaya O.V.</i> Professional training of specialists in the sphere of school counseling at higher educational institutions of Ukraine.....	100
<i>Fedosov A.O.</i> Information and analytical competence in the structure of the team sports coach's activity	104
ART	
<i>Artamonov Y. S.</i> "Orpheus and Eurydice" by Titian. The influence of Bosch's art in the context of Venetian school	109
<i>Belyaeva N.A.</i> Role of Italian school of painting in creative destiny of J.H. Fragonard	112
<i>Prokhorov S.A.</i> Painting and computer technology as required components of architectural design	115
PSYCHOLOGY	
<i>Kanaeva N.A.</i> The role of motivational and value components in formation of professional identity of railway technical school students.....	118
<i>Maralov V.G., Tabunov I.A.</i> Psychological structure of sensitivity to threats	122
<i>Samoylik A.A.</i> Internet addiction as the current problem of modern society	126
<i>Shkil I.E.</i> Formation and development of communicative competence and increase of the level of communication among the students by means of art technologies	129
Information about the authors	133
For the authors' attention	137

УДК 691.421-431

Е.В. Белановская

РАЗРАБОТКА СОСТАВОВ ДЛЯ РЕСТАВРАЦИОННОГО КИРПИЧА ПАМЯТНИКОВ АРХИТЕКТУРЫ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В статье приведены результаты физико-механических испытаний кирпича XVII – начала XX вв., краткая технология изготовления кирпича на территории Вологодской области до начала XX в., а также составы для реставрационного кирпича по историческим технологиям.

Керамический кирпич, памятники архитектуры, разработка составов.

The article presents the results of physical and mechanical tests of the brick of the XVIIth – beginning of the XXth century, the technology of brick making on the territory of Vologda region before the beginning of the XXth century and the compositions for the restoration brick based on historical technology.

Ceramic brick, architectural monuments, composition development.

Сохранение архитектурного наследия – одна из ведущих проблем современного градостроительства. В настоящее время на территории России десятки тысяч памятников архитектуры находятся в состоянии, требующем проведения реставрационных работ. Особенно это касается каменных зданий православных храмов, разрушенных в XX в. При реставрации зданий рекомендуется использовать те же материалы и технологии, которые применялись и при их строительстве. В данной статье представлены результаты разработок составов керамического кирпича для реставрации зданий XVII – начала XX вв., расположенных на территории бассейна р. Шексны Вологодской области.

Ранее были приведены данные, свидетельствующие об использовании на рассматриваемой территории для возведения зданий храмов местных материалов для кладки – кирпича и кладочного раствора [2]. Судя по архивным источникам, в XVII – XVIII вв. рядом с будущей постройкой вырабатывали кирпич ручным способом и обжигали его в напольных печах. В XIX – нач. XX вв. по берегам р. Шексны располагалось более десяти кирпичных заводов и более ста мелких кустарных мастерских по производству кирпича. Особенно много их было в южной части современного Череповецкого района, в настоящее время занятой водами Рыбинского водохранилища. Из кирпича с использованием местных глин и были построены каменные храмы XVII – нач. XX вв. на данной территории.

По данным Департамента природных ресурсов Вологодской области на территории бассейна р. Шексны в Вологодской области имеется 27 месторождений кирпичных глин объемом более 50 млн. м³, пригодных для изготовления кирпича марки М «100-150». Также по данным Департамента имеются около 1 млрд. м³ перспективных участков. Кроме того, по

архивным источникам было выяснено, что в 1930-е гг. проводились исследования почв пришекснинского района коллективом Краеведческого музея г. Череповца под руководством М.Е. Калинина с целью выявления месторождений кирпичных глин и строительства на них заводов по производству керамического кирпича [3]. В ходе этих исследований были определены 9 перспективных участков месторождений глин объемом около 55 млн. м³. По результатам исследований Ленгипрогор 1950-х гг. указаны еще 8 перспективных участков месторождений глин, не числящихся на балансе Вологодской области, с общим запасом сырья около 7 млн. м³. В результате суммарный запас кирпичных глин на территории бассейна р. Шексны Вологодской области (с учетом перспективных участков) составляет более 1 млрд. м³. Данные месторождения в настоящее время не используются. Таким образом, здесь имеются достаточные запасы сырья для изготовления кирпича при возможной реставрации заброшенных зданий православных храмов.

Проведенные исследования физико-механических характеристик образцов кирпича XVII – нач. XX вв. показали, что предел прочности на сжатие у них составляет 4,3 – 11,3 МПа [1]. Однако можно предположить, что механическая прочность кирпича в кладке стен рассматриваемого региона выше, чем определенная в ходе испытаний, так как для исследований были отобраны кирпичи не из самой кладки, а находившиеся на земле рядом с полуразрушенными зданиями (что допускается нормами) [4], т.е. они были в наибольшей степени подвержены разрушающим факторам, таким, как: атмосферная влага, переменные температуры, грунтовые воды и т.д. – в течение, вероятно, нескольких десятилетий.

По архивным и литературным источникам конца XIX – нач. XX вв. были определены основные этапы

производства глиняного кирпича на территории Вологодской области:

1. Добыча глины.
2. Формовка кирпича.
3. Сушка кирпича.
4. Обжиг кирпича.

Глину добывали осенью, затем складывали в гряды и оставляли на зиму. Вымораживанию придавали очень большое значение, поскольку при этом качество глины значительно улучшалось благодаря ее разрыхлению. Причем, в XVIII в. глину вымораживали не менее двух лет, в XIX в. – не менее года, в XX в., судя по архивным источникам, вымораживание глины не производилось, что явилось причиной снижения качества кирпича к началу XX в. Формовку кирпича начинали производить весной с использованием деревянных форм. Для этого способа применялись формы без дна и специальные скамьи с Г-образным выступом. Сушили кирпич в специальных проветриваемых сараях. Кирпич укладывали плашмя или на ребро. При укладке на ребро промежутки между кирпичами в начале сушки выполняли около 9 см, а по мере высыхания сырца промежутки уменьшали до 3 – 4 см. Степень высыхания кирпича определялась, во-первых, по изменению цвета, во-вторых, в изломе он должен быть одноцветным, без темного пятна в середине, и, в-третьих, при ударе – издавать чистый и низкий звук. Кирпич, помещенный в сушильных сараях, во время сушки требовал очень тщательного ухода. Уход за сырцом во время сушки заключался в том, чтобы умело управлять притоком воздуха посредством щитов сушильного сарая. Эти щиты выполнялись из соломы и устанавливались в промежутке между свесом крыши сушильного сарая и землей. Самым опасным при сушке сырца являлся допуск в сушильный сарай сильного сквозного ветра, от которого сырец дает трещины. Продолжительность сушки кирпича-сырца при благоприятной погоде составляла 14 дней, причем 8 дней кирпич должен был быть расположен плашмя, а остальные 6 дней – укладывался на ребро. Хорошо просушенный сырец безопасно мог пролежать всю зиму.

Обжиг чаще всего производился в «напольных» печах, которые складывали особым способом из кирпича, предназначенного для обжига. Печь по возможности защищали от дождя и ветра. От дождя над ней строился шатер из досок, а от ветра – кругом ставили щиты. Крыша шатра должна была быть такой высоты, чтобы расстояние над сложенным сырцом было бы не менее 2 м, а лучше – 3 – 4 м. По окончании обжига печь требовала 10 – 14 дней для охлаждения, после чего приступали к разбору кирпича. В общей сложности на обжиг одной партии уходило 30 дней.

В ходе проведения рентгенофазового анализа была определена температура обжига кирпича, которая не превышала 900° С, так как муллита в исследуемых образцах обнаружено не было.

На основе проведенных исследований было принято решение об изготовлении реставрационного

кирпича по исторической технологии из местного глинистого сырья.

В качестве сырья была использована глина месторождения Нова Череповецкого района, вымороченная в течение двух лет и перетертая через сито № 5. Химический состав данной глины следующий:

SiO₂ – 62,7 %, Al₂O₃ + TiO₂ – 23,7 %, CaO – 7,25 %, MgO – 1,88 %, FeO + Fe₂O₃ – 3,82 %, Na₂O – 0,004 %, K₂O – 0,002 %.

Гранулометрический состав и область применения глины данного месторождения представлена на диаграмме В.В. Охтина (рис. 1). Состав содержит глинистой фракции 40 %, пылевидной 45 %, песчаной 15 % и изображен на рис. 1 точкой А.

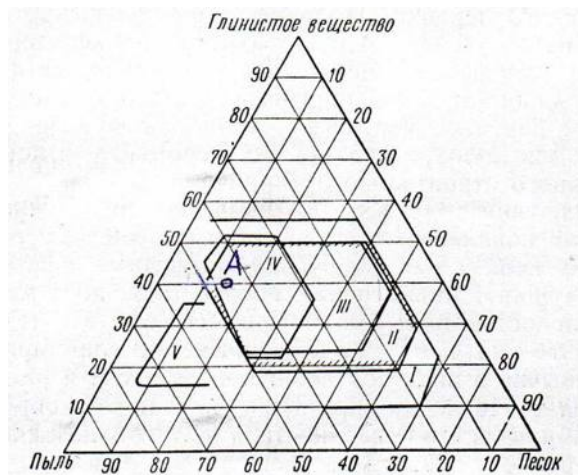

Рис. 1. Промышленное назначение глин в зависимости от их гранулометрического состава. Глины, пригодные для изготовления: I – полнотелого кирпича, II – дырчатого кирпича, III – черепицы, IV – дренажных труб, V – гончарных и других изделий, не требующих морозостойкого черепка

В качестве отошающей добавки использовался песок Коштинского месторождения Череповецкого района крупностью 0 – 1,25. Пластичность глиняной массы определялась сгибанием жгутиков из глиняного теста диаметром 1,5 – 2 см и длиной 15 – 20 см. Введение отошающей добавки производилось до получения умеренно пластичной массы.

Далее было произведено определение влажности глиняной массы, которая составила 25 %, по формуле:

$$W = \frac{100(m_1(m_1 - m_2))}{m} = \frac{100(37,8 - 32,77)}{19,88} = 25 \%,$$

где m_1 – масса бюксы с навеской до высушивания, г; m_2 – масса бюксы с навеской после высушивания, г; m – масса сухой навески, г.

Для получения умеренно пластичной массы требуется к 400 г влажной глины добавить 150 г песка (в пересчете на глину в сухом состоянии в соотношении 2/1). Пластичность определялась сгибанием жгутиков из глиняного теста диаметром 2,5 – 3 см длиной 20 см (рис. 2).

Рис. 2. Определение пластичности глиняной массы

Так как г. Череповец, расположенный на рассматриваемой территории, – крупный промышленный центр, и его предприятия (металлургический комбинат и ОАО «Фосагро») являются источником образования большого количества отходов, было решено выполнить серию составов с их использованием (рис. 3).

Рис. 3. Отходы промышленных предприятий г. Череповца

В настоящее время имеется большое количество исследований в области использования отходов металлургического и химического производства для изготовления глиняного кирпича, в частности, использование зол ТЭЦ до 40 % как отощающе-пластифицирующей добавки, пиритного огарка в количестве 5 – 10 %, применяемого для снижения температуры обжига и улучшения цветовых характеристик, граншлака в количестве 5 – 25 % как отощающей добавки, фосфогипса в количестве до 5 % для интенсификации процесса сушки. В результате были выполнены следующие составы (см. таблицу):

Таблица

Составы для выполнения реставрационного кирпича

Номер состава	Состав			R _{сж} , МПа
	глина	песок	добавки	
1	2	1	–	8,7
2	3,4	1	Зола ТЭЦ 10 %	6,8
3	2,5	1	Зола ТЭЦ 15 %	7,2
4	2,2	1	Пиритный огарок 5 %	6,32
5	1,8	1	Пиритный огарок 10 %	4,32
6	2,5	1	Граншлак 10 %	7,6
7	2,7	1	Граншлак 15 %	8,3
8	2,9	1	Граншлак 20 %	10,44
9	1,8	1	Фосфогипс 5 %	6,3

Формовка образцов кирпича выполнялась ручным способом в формах 7,07×7,07×7,07 см. Сушка производилась в нормальных тепло-влажностных условиях в течение 1 месяца. Обжиг образцов осуществлялся в муфельной печи при температуре 900 °С в течение четырех часов с постепенным подъемом температуры.

Испытания по прочности на сжатие полученных образцов показали, что наиболее высокие результаты имеют образцы с добавкой граншлака в количестве 20 % по массе (R_{сж}=10,44 МПа). Кроме того, процесс сушки образцов с добавкой граншлака происходит значительно быстрее, чем в остальных случаях.

В результате проведенных исследований в качестве составов для реставрационного кирпича были рекомендованы состав № 1 без добавок и состав № 8 с добавкой граншлака в количестве 20 % по массе, как наиболее подходящие по физико-механическим свойствам к историческому кирпичу.

Литература

- Белановская, Е.В. Долговечность кирпичной кладки памятников архитектуры XVII – начала XX вв. Вологодской области / Е.В. Белановская, В.С. Грызлов // Строительные материалы. – 2009. – № 4. – С. 113 – 114.
- Белановская, Е.В. Проблемы восстановления каменных памятников архитектуры Русского Севера / Е.В. Белановская, В.С. Грызлов // Жилищное строительство. – 2009. – № 3. – С. 20 – 22.
- Калинин, М.Е. Глины Череповецкого района / М.Е. Калинин // Архив ЧМО. – Ф. 25.
- Методика определения физического износа гражданских зданий: утв. приказом по Министерству коммунального хозяйства РСФСР 27.10.70. – М., 1970.

**МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АГЕНТОВ
В МНОГОАГЕНТНОЙ АДАПТИВНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АППАРАТА ЦВЕТНЫХ СЕТЕЙ ПЕТРИ**

Рассмотрена структура адаптивной информационной системы, агентной составляющей адаптивной информационной системы, функции агентов системы. Разработана модель процесса взаимодействия агентов в многоагентной адаптивной информационной системе с использованием аппарата цветных сетей Петри. Выделены основные составляющие модели. Исследована работа модели на разных этапах, произведен анализ основных свойств системы.

Многоагентные системы, адаптивные системы, моделирование взаимодействия агентов, цветные сети Петри, агентная архитектура, информационные системы, агентно-ориентированная архитектура.

The article considers the structure of adaptive information system, its agent component and the functions of system agent. The model of interaction between agents in an adaptive multiagent information system using the apparatus of colored Petri nets is developed in the paper. The main components of the model are defined. The model work at different stages is studied; the main properties of the system are analysed.

Multiagent systems, adaptive systems, simulation of agents' interaction, colored Petri nets, agent-based architecture, information systems, agent-oriented architecture.

В настоящее время востребовано наличие систем, способных адаптироваться под возникающие требования к их функционированию. В некоторых случаях необходимо производить адаптацию работы системы при минимальном вмешательстве человека или при его отсутствии. Важными в сфере функционирования крупных адаптивных информационных систем являются проблемы внутреннего взаимодействия компонентов, которые порождаются наличием больших объемов неупорядоченной разнородной информации.

Адаптивные информационные системы позволяют динамически учитывать предоставляемые персональные требования пользователей, перераспределять рабочие процессы между компонентами системы, реагировать на возникающие проблемные ситуации, более эффективно использовать ресурсы системы.

Опишем разработанный в процессе исследований алгоритм взаимодействия информационной системы с пользователем, а также ее структуру (см. рисунок). Выделим три сегмента в системе: административный и сервис-агентный сегмент, интеллектуальный сегмент, сегмент оперирования с данными.

Административный и сервис-агентный сегмент включает в себя инструменты администрирования базы знаний, базу данных, агента мониторинга, агента базы знаний, агента пользователя, агента базы данных, сервис формирования запрашиваемых данных, сервис извлечения данных, сервис поиска и накопления данных, сервис доступа к данным, сервис сбора данных о рабочем процессе. Интеллектуальный сегмент включает в себя: базу знаний, агента управления, модуль управления сервисами, сервис адаптации, агента адаптации. Сегмент оперирования с данными включает в себя интерфейс пользователя.

В процессе работы системы от пользователя поступает воздействие с последующим запуском соот-

ветствующих процессов по обработке данных. В ситуации, связанной с принятием определенного рода решения, получения информации из базы знаний, осуществляется взаимодействие с интеллектуальным сегментом. Происходит процесс вызова соответствующего сервиса с передачей данных, описывающих текущее состояние системы, а также запроса, который должна выполнить интеллектуальная подсистема. Механизм логического вывода информации реализуется с помощью разноцелевых сервисов и агентов. Поиск решения сервисом или агентом основывается на входных данных и информации, хранящейся в базе знаний. База знаний модифицируется экспертом через «Модуль управления базой знаний» и включает в себя базы правил, факты, информацию, описывающую интерпретацию фактов. Данный модуль также выполняет такие функции, как: контроль непротиворечивости системы правил и контроль правильности ввода новых знаний [1].

Логический элемент базы знаний включает основной набор алгоритмов для работы с фактами и правилами, механизмы логического вывода, а также принимает входные факты и запросы, проверяет, соответствуют ли переданные факты хранящейся в базе знаний логической модели предметной области, осуществляет логический вывод, исходя из входящих данных, а также формирует результаты выполнения запроса.

Графический интерфейс пользователя (GUI) обеспечивает пользовательский доступ к системе. Он принимает запросы пользователей, передает запросы сервисам и отображает соответствующие ответы на запросы пользователя, упрощает для пользователя процесс формирования запросов, выполняя необходимые операции по их подготовке, и, автоматизируя некоторые задачи, помогает пользователям быстро изучить систему.

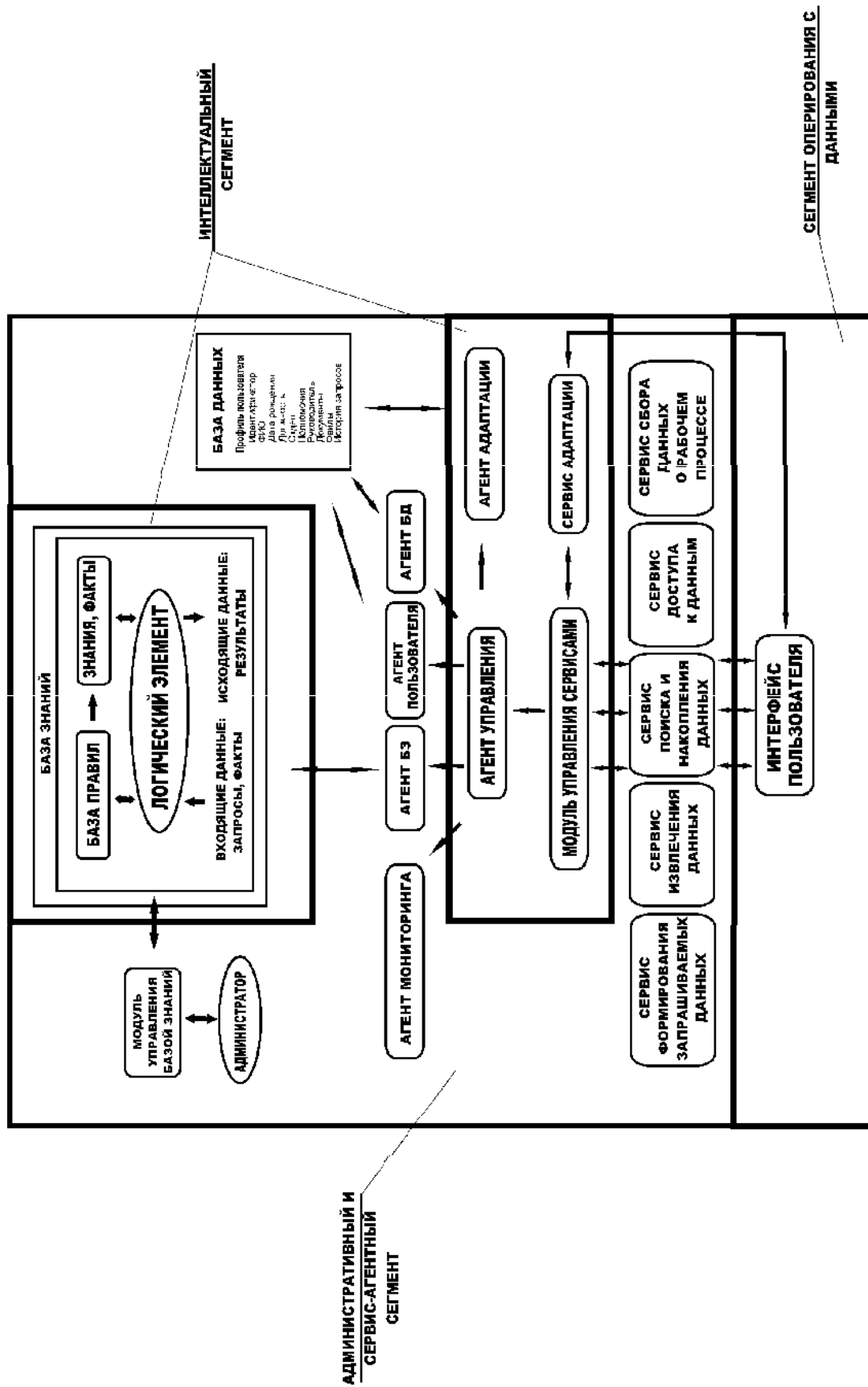

Рисунок. Структура адаптивной информационной системы

Уровень сервисов осуществляет трансляцию запросов агентов в необходимые действия по работе с распределенными данными. Они выполняет операции, включающие доступ к back-end ресурсам и форматирование данных для представления агентам.

Перечислим используемый набор агентов:

1. Сервис формирования запрашиваемых данных.
2. Сервисы извлечения данных.
3. Сервисы поиска и накопления данных.
4. Сервис доступа к данным.
5. Сервис сбора данных о рабочем процессе.
6. Сервис адаптации.

Опишем функциональные назначения сервисов.

1. Сервис формирования запрашиваемых данных предоставляет систематизированный набор информации.

2. Функция сервиса извлечения данных состоит в сравнении, анализе и синтезе информации из разрозненных фактов, размещенных в текстах.

Обнаруженная в тексте информация преобразуется в структурированный формат: выявляются целевые факты, объекты, отношения в виде, пригодном для дальнейшей автоматической обработки.

3. Сервис поиска включает в себя функции полнотекстового информационного поиска.

4. Сервис доступа к данным обеспечивают централизованный доступ к распределенным информационным ресурсам.

5. Сервис сбора данных о рабочем процессе обеспечивает возможность регистрации всех действий и событий, которые инициируют пользователи сервиса в специализированной базе данных.

6. Сервис адаптации обеспечивает модификацию интерфейсов пользователей.

При рассмотрении структуры адаптивной информационной системы стоит уделить внимание сегменту, содержащему набор разноцелевых агентов, а также моделированию их взаимодействия. Разберем далее более детально агентную составляющую информационной системы, включающую агентов исполнителей: агента мониторинга, агента базы знаний, агента пользователя, агента базы данных, агента адаптации, а также агента управления. Агент управления осуществляет координацию работы подчиненных ему агентов, постановку задач. Среди функций агентов исполнителей можно выделить следующие: подготовка и сбор необходимой информации. Агент мониторинга производит слежение за текущим состоянием агентов в системе, количеством поступивших задач. Агент базы данных предназначен для осуществления взаимодействия с базой данных, резервного копирования информации. Агент базы знаний осуществляет передачу входных запросов к базе знаний. Агент пользователя позволяет собирать информацию о действиях пользователей. Агент адаптации собирает данные о функционировании используемых компонентов системы [2].

Процесс взаимодействия между агентами в многоагентной информационной системе рассмотрим с использованием аппарата цветных сетей Петри.

В цветных сетях Петри важное место занимает

типизация данных, основанная на использовании множества цветов. Граф сетей Петри состоит из позиций и переходов. Каждый переход в цветных сетях Петри имеет такие атрибуты, как: условие запуска, время задержки и выполняемое действие. Каждая позиция имеет атрибуты: начальная маркировка и тип позиции. В позициях сети размещаются фишки с определенным типом данных [3].

Рассмотрим построение агентной составляющей и ее моделирование в среде CPN Tools на примере. В заданной ситуации определено множество цветов *tasks* с элементами *tasks_for_database_agent*, *tasks_for_adaptation_agent*, *tasks_for_user_agent*, *tasks_for_knowledgebase_agent*, *tasks_for_monitoring_agent*, *task_for_agent_coordination*, обозначающими соответствующие задачи для каждого из имеющихся агентов. Позиция *coordination service* имеет множество цветов *q* с фишкой *coordination_task*, переходящей в позицию *agent_coordination*, тем самым инициализируется процесс координации задач агентом управления. Переменные *a*, *b*, *c*, *d*, *e*, *f*, *i*, *h*, *x*, *z* используются, чтобы извлечь фишки из входных позиций и поместить новую фишку в выходную позицию.

Агент координации распределяет задачи в соответствии с указанным типом задачи. Агент мониторинга с использованием счетчиков *Counter* собирает информацию о количестве задач у каждого из агентов с целью выявления степени загруженности определенных агентов.

Если текущая задача находится в процессе обработки, то следующая задача добавляется в конец очереди *Queue*. Задачи обслуживаются по принципу: «первым пришел – первым обслужен» (FIFO). В случае отсутствия задач в очереди новые поступающие начинают обрабатываться незамедлительно.

Рассмотрим модель промежуточной стадии моделирования. Некоторое количество задач ожидают обработки агентами. Агент базы знаний, агент пользователя, агент адаптации выполняют обработку поступившей задачи. Наибольшее количество задач выполняется агентом координации.

В процессе обработки задач агентами используются следующие состояния: *knowledgebase agent free* (агент базы знаний свободен), *knowledgebase agent busy* (агент базы знаний занят), *knowledgebase agent use* (агент базы знаний используется), *user agent free* (агент пользователя свободен), *user agent busy* (агент пользователя занят), *user agent use* (агент пользователя используется), *database agent free* (агент базы данных свободен), *database agent busy* (агент базы данных занят), *database agent use* (агент базы данных используется), *adaptation agent free* (агент адаптации свободен), *adaptation agent busy* (агент адаптации занят), *adaptation agent use* (агент адаптации используется).

Также используются состояние *wait* (ожидание обработки агентом), состояние *timer 2c* (таймер на 2 с) типа Boolean, которое служит для моделирования задержки, принимая от перехода захвата агента фишку с временным штампом. Фишки, находящиеся при инициализации обработки задачи в позициях,

свидетельствующих о том, что агент свободен, в ходе работы сети отражают его состояние (свободен или занят), при этом цвет фишки содержит информацию о задаче, обрабатываемой агентом. После поступления задачи на обработку переход, свидетельствующий о том, что агент захвачен, сработать не сможет, так как нет фишки в позиции, указывающей, что агент свободен. Не разрешен также переход, демонстрирующий, что агент выполняет обработку из-за того, что фишка, имитирующая таймер, несет временной штамп, равный 2 с (2000 мс). В случае, если установлено, что нет доступных переходов, происходит наращивание счетчика глобальных часов до тех пор, пока не «откроется» переход, указывающий на то, что агент выполняет обработку, так как штамп фишки в позиции *timer 2c* окажется равен значению глобальных часов. В результате начнется освобождение агентов посредством срабатывания перехода, свидетельствующего о том, что агент выполняет обработку. Таким образом, позиция, свидетельствующая о свободе агента, приобретает фишку со значением *done* (задача выполнена), переход захвата агента активизируется, перемещая следующую фишку на позицию использования агента. Процесс обработки задач прекращается в случае, если не остается фишек в позиции *wait* [5].

При выполнении процесса моделирования сложных систем на базе аппарата сетей Петри задается определенное количество входных задач и анализируется поведение системы. На основе выходных данных формируются статистические результаты.

При анализе сложных систем с использованием аппарата сетей Петри стоит выделить такие основные свойства, как: ограниченность, безопасность, сохраняемость, достижимость, живость [4].

Анализируя свойства вышеупомянутой модели можно сделать вывод, что она:

1. Неограниченная, так как число меток в любой позиции рассматриваемой модели может превысить некоторое максимальное значения K .
2. Небезопасная, так как $K \neq 1$.
3. Несохранимая в силу непостоянства загрузки ресурсов. Число входов в каждый переход не равняется числу выходов.
4. Достижимая из-за наличия возможности пере-

хода модели из одного заданного состояния (характеризуемого распределением меток) в другое.

5. Живая, так как любой из переходов срабатывает при наличии поступающих задач.

6. Наличие данных свойств у модели вызвано заданной архитектурой, большими объемами поставленных задач.

Полученные результаты моделирования применяются при построении агентной составляющей адаптивной информационной системы, оценке качества функционирования на предприятиях или их отделах, оперирующих значительными объемами информации.

Сети Петри позволяют отражать динамические характеристики моделей. Аппарат цветных сетей Петри, реализуемый в среде CPN Tools, позволил смоделировать и проанализировать работу системы на предприятии, специализирующемся на предоставлении услуг в области создания интернет-ресурсов и их продвижении в поисковых системах, с учетом ее архитектуры, выявить наиболее загруженные элементы.

Литература

1. *Владимиров, А.В.* Общая модель взаимодействия интеллектуальных агентов в многоагентной адаптивной информационной системе / А.В. Владимиров // Вузовская наука – региону: Материалы X Всероссийской научно-технической конференции. – Вологда, 2012. – С. 104 – 106.
2. *Владимиров, А.В.* Построение адаптивной информационной системы на основе базы знаний / А.В. Владимиров // Вузовская наука – региону: Материалы IX Всероссийской научно-технической конференции. – Вологда, 2011. – С. 48 – 49.
3. *Зайцев, Д.А.* Моделирование телекоммуникационных систем в CPN Tools: учеб. пособие по курсу «Математическое моделирование информационных систем» для подготовки магистров в отрасли связи / Д.А. Зайцев, Т.Р. Шмелева. – Одесса, 2008.
4. Сети Петри. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Сети_Петри.
5. *Шахов, В.Ю.* Моделирование программно-аппаратных «реактивных» систем раскрашенными сетями Петри / В.Ю. Шахов. – Долгопрудный, 2005. – URL: <http://www.softcraft.ru/theory/mrs/index.shtml>.

УДК 662.6/9

В.К. Любов, П.В. Малыгин, А.Н. Попов, Е.И. Попова, С.В. Дементей

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАБОТЫ ОТОПИТЕЛЬНЫХ УСТАНОВОК И ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В МОДУЛЬНЫХ МАЛОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЯХ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-АРКТИЧЕСКОГО РЕГИОНА

В статье рассмотрен вопрос эффективности энергетического использования биотоплива и торфа в установках малой мощности. Приведены результаты экспериментальных исследований и тепловизионной съемки камина и модульного дома.

Камин, биотопливо, торф, тепловизионная съемка, коммунально-бытовой сектор.

The question of efficiency of energy use of biofuels and peat in low-powered installations is considered in the article. The results of experimental research and thermovision shooting of the fireplace and modular house are presented in the paper.

Fireplace, biofuel, peat, thermovision shooting, domestic household.

Эффективным направлением комплексного решения энергетических и экологических проблем при обеспечении отопительных нагрузок потребителей коммунально-бытового сектора является применение современных устройств, работающих на твердых видах биотоплива и торфе. В этом направлении большую значимость имеют работы по исследованию характеристик отечественного и зарубежного отопительного оборудования, позиционированного на рынке как высокоэффективное и при этом имеющее эргономичный дизайн и эстетичный вид. Последние два аспекта за короткий период времени приобрели большое значение в результате изменения взглядов в обществе и отказа от идеи, что эффективность решает все. Перед учеными встал вопрос о создании не только совершенной в техническом плане, но и комфортной во всех отношениях отопительной установки. Попытки создания таких устройств привели к появлению отопительных каминов, каминных вставок и кассет, которые успешно вписываются в интерьер помещений, сохраняя при этом высокий КПД. Однако при эксплуатации практически всегда выявляются те или иные недостатки, которые требуют изучения и доработки. Это может касаться как конструкции самого устройства, так и вида применяемого топлива. Грамотные решения позволяют повысить эффективность работы установок, при этом они могут заключаться всего лишь в составлении оптимальной технологической карты для котельных или рекомендаций для индивидуальных пользователей.

Научной площадкой для проведения исследовательских работ было выбрано экспериментальное деревянное модульное здание, установленное в 2007 г. при реализации международного проекта «Энергоэкономичный деревянный дом для Северо-Запада России». Объект расположен на территории Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова (САФУ) (рис. 1).

Рис. 1. Термограмма деревянного модульного здания

Дом состоит из четырех модулей, внутри и снаружи выполнена чистовая отделка и смонтированы

внутренние инженерные коммуникации, а также сантехническое, вентиляционное и кухонное оборудование. Площадь экспериментального деревянного модульного здания сравнима с площадью среднестатистической трехкомнатной российской квартиры.

В процессе длительной эксплуатации экспериментального дома в различные места по толщине стен были вмонтированы современные проводные и беспроводные датчики с автономными аккумуляторами для передачи показаний температуры и влажности на компьютер. На объекте размещено 25 беспроводных датчиков: 5 датчиков – снаружи, 7 – внутри стен, 9 – в помещениях, 2 – на чердаке, 2 – в подвале, и 39 проводных сенсоров, измеряющих температуру воздуха снаружи, внутри здания, в вентилируемом фасаде (6 сенсоров), температуру поверхностей на двух стенах (12 сенсоров), температуру поверхностей системы отопления (16 сенсоров) и системы вентиляции (5 сенсоров).

Основная система отопления здания состоит из электродкотла и нагревательных приборов, оборудованных индивидуальными устройствами регулирования. Контроль и программирование параметров теплоносителя предусмотрены только на электродкотле, и все коррективы, связанные с переменной погоды или с изменением требований, предъявляемых к микроклимату в помещениях, осуществляются вручную. Установка датчиков контроля микроклимата в помещении и использование управляющего контроллера могли бы автоматизировать процесс выбора параметров теплоносителя и исключить человеческий фактор.

В качестве резервного источника теплоты в помещении установлен отопительный камин, работающий на твердом топливе. Отопительный камин «Jotul F 373» – это современное устройство с высоким панорамным стеклом на дверце и прямоугольными термостойкими стеклами по бокам толщиной 4 мм, что позволяет увеличить пространство помещения, нагреваемое за счет радиационного теплообмена. Камин оборудован двухступенчатой системой подачи воздуха, это обеспечивает более полное сгорание горючих компонентов. Вторичный воздух поступает в камеру, предварительно разогреваясь в каналах между нагретыми стенками печи. Для удаления очаговых остатков из камина используется зольник.

Камин отличается небольшой массой (156 кг) и может быть установлен без организации специального фундамента. Устройство в нижней части оснащено теплозащитным экраном, который защищает покрытие от теплового излучения, поэтому его можно ставить даже на деревянный пол. Внешний корпус камина выполнен из чугуна, что способствует его быстрому прогреву, а внутренние стенки защищены слоем вермикулита, который является огнеупорным

материалом и исключает перегрев камеры в момент получения высоких температур при сжигании высококачественного топлива. Под качественным топливом подразумеваются дрова с содержанием влаги не более 20 %. Использование влажной древесины в качестве топлива может иметь следующие негативные последствия: отложение сажи и смолы на стеклах и стенках камина, уменьшение тепловыделения, увеличение риска возгорания в дымоходе в результате накопления сажи, трудности при розжиге и поддержании огня.

Работа устройства основывается на периодической закладке топлива в момент, когда на колоснике остаются тлеющие угли. При номинальной производительности потребление древесины составляет 1,9 кг/ч. Важным фактором, влияющим на потребление топлива, является реакционная поверхность, зависящая от размера и количества кусков топлива.

При небольших габаритах (высота × ширина × глубина: 1150 × 442 × 452 мм) номинальная мощность составляет 5,5 кВт, а КПД – 73 % при мощности 5,8 кВт. Номинальная теплоотдача достигается, когда регулятор подачи вторичного воздуха для горения открыт приблизительно на 100 % и регулятор подачи первичного воздуха для горения (на розжиг) выдвинут на 1 – 2 см. Минимальная мощность устройства 3,5 кВт, максимальная – 9 кВт.

Для хорошего горения необходима хорошая тяга. При обычных условиях необходимой и достаточной считается тяга, равная 10 – 20 Па. В создании тяги большую роль играет конструкция дымохода, и одним из основных параметров является его высота. Использование колен уменьшает тягу за счет дополнительного сопротивления. Диаметр дымохода не должен быть меньше диаметра дымоотвода, расположенного в верхней части камина, и для «Jotul F 373» составляет 150 мм. Возникновение обратной тяги из-за несоблюдения рекомендаций по конструкции дымохода приводит к задымлению помещения.

На внутренней поверхности камина во время эксплуатации может оседать сажа. Сажа является хорошим изолятором, а ее отложение приводит к уменьшению теплоотдачи установки. Если на стенках камина отложилась сажа, ее легко удалить при помощи сажеудалителя. С точки зрения санитарно-гигиенических показателей, камин является абсолютно безопасным, поскольку в открытом состоянии потребляет приблизительно 300 – 400 м³ воздуха в час, а в закрытом – около 30 м³/ч.

Комплексное энергетическое исследование проводилось с целью определения технико-экономических и экологических показателей работы отопительного камина при сжигании различных видов твердого топлива. В ходе исследований использовались дрова (еловые, сосновые, березовые, осиновые), древесные брикеты, полученные прессованием опилок и стружки хвойных пород, древесные гранулы, полученные из ели, а также гранулы с добавкой коры, еловая кора и торфяные брикеты. Для исключения влияния климатических факторов на результаты экспериментов было принято решение проводить их

при максимально близких температурах наружного воздуха, скорости ветра и отсутствии существенных осадков. Однако полной идентичности параметров метеорологических условий обеспечить не удалось, температура наружного воздуха составляла –6 ... –15 °С, скорость ветра 2...7 м/с и барометрическое давление 100,5...101,5 кПа.

Анализ работы камина выполнялся в соответствии с разработанным программно-методическим комплексом [1]. Температуры и состав дымовых газов измерялись с помощью газоанализатора «Testo-350 XL». Температуры наружных поверхностей отопительного камина и его газохода определялись пирометром «Center 350». Температуры в топке камина и температуры его внутренних стенок определялись с помощью инфракрасного пирометра «Orpris P 20 2M». В газоходе отопительного камина с помощью микроанометра замерялось разрежение. Расходы продуктов сгорания определялись с помощью пневмометрической трубки и микроанометра прецизионного прибора «Testo – 435». Расход топлива определялся по количественным показателям обратного и прямого теплового балансов.

Для сжигаемых видов твердого топлива, а также очаговых остатков, образующихся при их сгорании, выполнялись теплотехнические анализы. Теплотворная способность топлива определялась с помощью калориметра ИКА С 2000 basic Version 2. Определение влажности осуществлялось с использованием влагомера резисторного типа GMH 3850 и сушильного шкафа в зависимости от вида топлива.

Контроль за параметрами микроклимата в помещении при работе отопительного устройства осуществлялся с помощью прецизионного прибора «Testo – 435» и включал в себя определение температуры воздуха в зависимости от времени работы камина, объемного содержания диоксида углерода и относительной влажности воздуха.

Для исключения провала древесных гранул в зольник камина на колосниковую решетку была установлена дополнительная решетка с эквивалентным размером отверстий около 6 мм. Она находилась в топке камина при проведении всех экспериментов и имела удовлетворительное состояние после их завершения. Содержание горючих веществ в очаговых остатках, отобранных из зольника, составляло 3,7...15,65 %.

При существующей системе ручного регулирования режимов работы камина расход подаваемого воздуха в топку при проведении опытов не изменялся, при этом для всех режимов работы камина коэффициенты избытка воздуха в топочной камере имели высокие значения. Ступенчатое сжигание осуществлялось при полностью открытой задвижке вторичного воздуха и максимально возможной подаче первичного воздуха.

Организация ступенчатой схемы сжигания позволила обеспечить более полное выгорание горючих компонентов топлива, однако, избежать повышенных значений концентрации монооксида углерода ($K_{CO} = 450\text{--}4351 \text{ мг/м}^3$) не удалось, ввиду большого избытка воздуха в топочной камере.

Максимальный размах колебаний разрежения в

газоходе составил от 6 до 32 Па. Регулирующие устройства на газоходе отсутствуют.

Анализ условий тепловой работы камина показал, что потери теплоты с уходящими газами изменялись

от 14,73 до 91,94 % (рис. 2) в зависимости от момента времени в цикле и вида топлива. Повышенный уровень данных потерь объясняется большими значениями коэффициента избытка воздуха в уходящих газах $\alpha_{yx} = 1,10 - 14,00$.

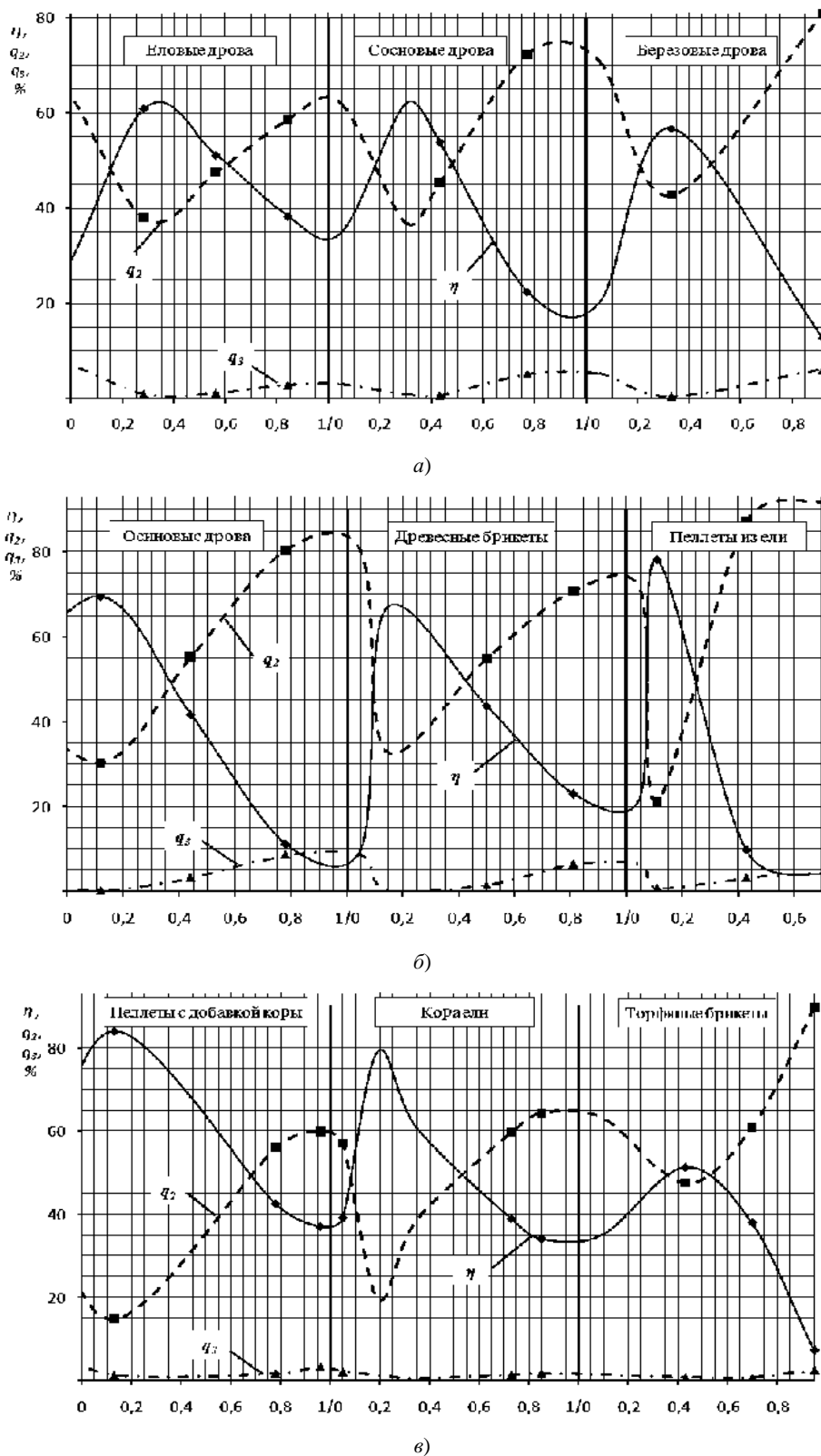

Рис. 2. Изменение КПД (η) отопительного камина, потерь теплоты с уходящими газами (q_2) и химическим недожогом (q_3) в период цикла между загрузками топлива: а – в первый; б – во второй; в – в третий день работы

Несмотря на высокие значения коэффициента избытка воздуха в топочной камере, система ступенчатого сжигания топлива позволила получить невысокие значения эмиссий оксидов азота от 26 до 216 мг/МДж. Значения эмиссий диоксида серы для всех случаев равны нулю, кроме опыта № 12, в ходе которого сжигались торфяные брикеты, значения эмиссии при этом колебались в диапазоне от 281 до 288 мг/МДж.

Значения потерь теплоты с уходящими газами от химического недожога и КПД брутто камина значительно изменялись в пределах цикла между загрузками топлива (рис. 2). Величина пиковых значений КПД брутто определяется реакционной поверхностью сжигаемого топлива и его теплотехническими характеристиками. В ходе исследований было проведено 12 опытов. Основные результаты некоторых из них представлены в таблице (см. ниже).

Тепловизионное обследование экспериментального здания, а также камина и его газохода проводилось тепловизором «Testo 881-2», позволяющем получить в реальном времени картину распределения теплоты на поверхности объекта с точностью до 0,1 °С. Встроенная цифровая камера обеспечивает

реальные изображения объектов помимо ИК-изображений.

В ходе исследований был сделан ряд снимков, позволяющих оценить работу камина (рис. 3) и энергоэффективность модульного здания (рис. 1). Проведенные исследования позволили выявить места основных утечек теплоты и оценить их уровень. Сравнение норвежского модульного здания с аналогами деревянных домов в России показало, что представленный нами дом является более энергоэффективным.

Результаты свидетельствуют, что в конструкции газохода и отопительного камина имеется ряд недостатков, которые снижают эффективность работы, а также способны при неблагоприятных погодных условиях создавать дискомфорт во время растопки. Энергоэкологические показатели отопительного камина не соответствуют значениям, заявленным в паспорте производителя, особенно в начальной и конечной фазе цикла между загрузками топлива.

Итоги исследований позволили разработать рекомендации по модернизации конструкции камина и режимам сжигания различных видов твердого топлива, а также по утеплению экспериментального модульного здания.

Таблица

Результаты энергетического обследования отопительного камина «Jotul F 373»*

Наименование величины	Обозначение, размерность	Опыт 2	Опыт 4	Опыт 6	Опыт 7	Опыт 8	Опыт 11	Опыт 12
Вид топлива	-	Еловые дрова	Березовые дрова	Осиновые дрова	Древесные брикеты	Пеллеты из ели	Кора ели	Торфяные брикеты
Масса порции	M , кг	1,34	1,42	1,43	1,42	1,40	0,90	1,40
Эквивалент. диаметр/кол-во	d_3/n ; мм/шт	73/6	54/11	52/12	74/3	8/-	11/-	66/4
Влажность топлива	W_t^r , %	13,40	10,50	26,60	8,80	9,84	15,74	11,04
Зольность топлива	A^r , %	0,28	0,28	0,23	0,14	0,33	1,62	6,89
Выход летучих веществ	V^{daf} , %	85,6	85,3	85,0	85,87	85,01	81,10	70,05
Низшая теплота сгорания	$Q_{i,r}^r$ МДж/кг	15,99	16,05	12,61	17,18	16,66	16,56	15,81
Температура воздуха на входе в камин	$t_{xв}$, °С	26,0	30,0	26,5	26,8	28,5	26,4	28,0
Температура уходящих газов	ϑ_{yx} , °С	297,2	321,2	341,5	352,8	402,5	402,0	311,7
Избыток воздуха в уходящих газах	α_{yx}	4,96	8,38	4,97	4,95	5,49	3,74	6,20
Потери теплоты: с уходящими газами	q_2 , %	48,07	61,84	55,29	52,86	66,76	45,57	66,01
с химнедожогом	q_3 , %	1,64	3,27	4,00	2,74	2,76	1,10	1,28
с мехнедожогом	q_4 , %	0,10	0,10	0,05	0,02	0,06	0,25	0,64
КПД камина брутто	η , %	50,19	34,78	40,65	44,37	30,42	53,08	32,08
Эмиссия NO _x	NO _x , мг/МДж	56	110	93	56	52	151	194
Эмиссия CO	CO, мг/МДж	1648	3147	3983	2660	2733	1002	1399

* Приведенные значения являются усредненными по циклу между загрузками топлива

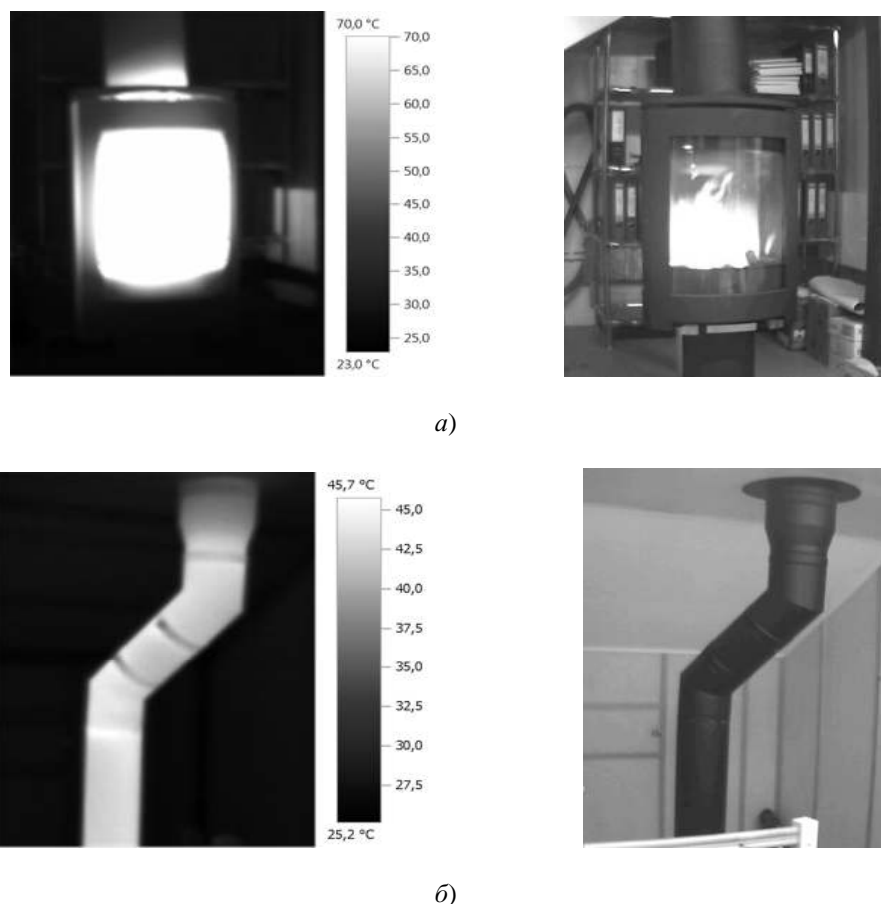

Рис. 3. Тепловизионные и реальные снимки: *а* – камина; *б* – верхней части газохода

Энергетическое использование биотоплива и торфа в теплогенерирующих установках малой мощности для модульного домостроения является актуальным и перспективным направлением как региональной, так и государственной политики.

Литература

1. Любов, В.К. Повышение эффективности энергетического использования биотоплив / В.К. Любов, С.В. Любова. – Архангельск, 2010.

УДК 697.432

В.К. Любов, А.Н. Попов, О.Д. Мюллер

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СЖИГАНИЯ ДРОВ
В СТАЛЬНЫХ ВОДОГРЕЙНЫХ КОТЛАХ**

Рассмотрены основные результаты энергетического обследования водогрейных котлов, работающих на дровах.

Водогрейный котел, топка, дрова, оксиды азота и углерода, потери теплоты.

The paper considers the basic results of energy examination of hot water boilers working on woods.

Hot water boiler, furnace, fire-wood, nitrogen and carbon oxides, loss of heat.

В городах с небольшой плотностью застройки и населенных пунктах сельской местности эксплуатируется большое количество котельных малой мощности, оборудованных водогрейными котлами различных модификаций. Котлы коммунальной энергетики

часто являются немеханизированными и обслуживаются вручную. Исследования по определению технико-экономических и экологических показателей работы объектов коммунальной энергетики в Архангельской области проводились на ограниченном ко-

личестве объектов [2] – [4], поэтому работы, выполненные на стальных водогрейных котлах КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16-95КД ООО «Ижевский котельный завод» и ЗАО «Алтайтеплокомплект», имеют значительный научный и практический интерес.

Энергетическое обследование проводилось на двух отопительных котельных. В первой котельной функционирует семь стальных водогрейных котлов марки: КВр-0,93КД – 3 шт., КВр-1,16КД – 2 шт., КВБр-1,16-95КД – 1 шт., КВм-2,33-95 – 1 шт. При проведении обследования все котлы находились в работе. С момента установки водогрейные котлы отработали от двух до восьми лет при нормативном сроке эксплуатации 10 лет. Котлы № 1 – 6 оборудованы индивидуальными водяными экономайзерами и работали на дровах (ель+береза). При этом влажность ели ($W_i^r = 52,88\%$) имела более высокие значения, чем березы ($W_i^r = 42,22\%$). Прямоточный водогрейный котел КВм-2,33-95 № 7 оснащен механической топкой с шурующей планкой (ТШПМ-2,5) и имеет встроенный экономайзер. При проведении энергетического обследования он работал на Черемховском каменном угле марки Д.

Во второй котельной установлено пять стальных водогрейных котлов, из них два – Ижевского котельного завода (КВр-1,16 КД) и три – ЗАО «Алтайтеплокомплект» (КВБр-1,16-95КД). Все установленные котлы при проведении энергообследования находились в работе. С момента установки водогрейные котлы отработали два года. Котлы оборудованы индивидуальными экономайзерами и работали на дровах (ель + береза). Влажность ели ($W_i^r = 53,92\%$) имела более высокие значения, чем березы ($W_i^r = 50,26\%$).

Установленные котлы имеют прямоугольную форму, рассчитаны на температурный график 70/95 °С, давление теплоносителя до 0,6 МПа, сопротивление по воде при номинальной мощности не более 0,15 МПа. Продукты сгорания в котельной № 1 после индивидуальных водяных экономайзеров котлов КВр-0,93КД и КВр-1,16КД поступают в общий газоход, подключенный к батарейному золоуловителю, и с помощью дымососа ДН-11,2 направляются в металлическую дымовую трубу ($\varnothing 0,82$ м, $H_{тр} = 31$ м).

В котельной № 2 продукты сгорания после водяных экономайзеров поступают в индивидуальные золоуловители инерционного типа, из которых очищенный газ направляется в общий газоход котельной. Удаление продуктов сгорания в металлическую дымовую трубу ($\varnothing 0,6$ м, $H_{тр} = 30$ м) осуществлялось с помощью дымососа ДН-9, второй дымосос находился в резерве. Направляющий аппарат работающего дымососа был полностью открыт.

Для дополнительной подачи воздуха на котлах КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16КД со стороны боковых стен установлено по одному вентилятору ВЦ-14-46 с электродвигателем мощностью 2,2 кВт. Регулирующими устройствами вентиляторы не оборудованы и при проведении энергообследования они были отключены. На газоходах после экономайзеров установлены шиберы, которые при проведении об-

следования были полностью открыты. Водогрейные котлы оборудованы ручными топками с плитчатыми горизонтальными колосниками.

Циркуляционный контур котлов КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16КД состоит из девяти водотрубных экранов: четырех внутренних и пяти наружных. Каждый экран представляет собой секцию-гребенку из определенного количества горизонтально-параллельных труб $\varnothing 159 \times 4$ мм с шагом 220 мм, заваренных с торцов общим листом и последовательно соединенных между собой тангенциально вваренными в них патрубками, обеспечивающими закручивание водного потока внутри труб. Спиральное движение воды в трубах уменьшает вероятность отложения солей и образования накипи на внутренней поверхности водяного тракта. При проведении энергообследования подогрев воды в экономайзере составлял 1,5...1,8 °С. Системы водоподготовки в котельных отсутствуют.

Минимально допустимая температура воды на входе в данные котлы составляет 60 °С, так как при более низких температурах происходят процессы конденсации и интенсивного отложения золовых и сажистых частиц на трубах конвективной части, что приводит к уменьшению жизненного цикла теплоэнергетической установки. Для уменьшения вероятности данного явления на котлах КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16КД выполнены линии рециркуляции, обеспечивающие подачу части воды после водяного экономайзера на его вход. Однако, учитывая незначительный нагрев воды в экономайзере, данная мера в холодный период года будет недостаточной. При проведении энергетического обследования арматура на линиях рециркуляции находилась в закрытом состоянии.

На подводящей и отводящей трубах каждого котла установлены запорные устройства, обеспечивающие возможность его полного отключения от системы теплоснабжения [6], имеются манометры и термометры до и после экономайзеров, а также на выходе воды из котлов. Котлы оборудованы предохранительными клапанами.

Высокая степень экранирования топок не позволяет обеспечить условия для эффективной термической подготовки, воспламенения и выгорания влажного древесного топлива.

Котлы КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16КД оборудованы импульсными трубками для контроля разрежения в топочных камерах, однако, тягонапомеры установлены только в котельной № 2. Приборы контроля разрежения за котлами отсутствовали, что является нарушением требований п.15.34 СНиП [7]. Контроль разрежения в газовом тракте котлов при проведении энергетического обследования проводился с помощью переносного манометра.

На элементах газовых трактов котлов установлены взрывные предохранительные клапаны. Все операции по обслуживанию котлов КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16КД выполняются вручную. Исходя из этого, их производительность составляет не более 85 % от номинальной. Дрова в котельную подаются через специальные проемы в наружной стене, что вызывает очень большие тепловые потери помещени-

ем котельной. При загрузке дров температура у фронта котлов снижалась до -10°C в котельной № 1 и до $+8^{\circ}\text{C}$ в котельной № 2. Диаметр чурок, загружаемых в топку котлов, был очень неоднородный, на их поверхности находился снег. Для загрузки одного котла трем рабочим требовалось от 5 до 8 мин. При этом топку загружали почти до верха. Котлы КВБр-1,16КД имеют одну загрузочную дверку, что затрудняло загрузку топлива и увеличивало ее продолжительность.

Для уменьшения потерь теплоты в окружающую среду котлы имеют теплоизоляцию, которая выполнена из прошивных матов базальтового волокна в два слоя. Поверх теплоизоляции на каркас навешиваются листы наружной обшивки. В процессе эксплуатации температура наружной поверхности обмуровки котла или его обшивки при номинальной теплопроизводительности и средней температуре воды 80°C не должна превышать температуру в помещении более чем на 30°C , за исключением участков шириной 100 мм вокруг неизолированных элементов (дверцы, гляделки и др.) [6]. У обследованных водогрейных котлов данные требования для многих участков не выполнялись даже при их работе с нагрузками значительно ниже номинальных значений и при средней температуре воды ниже 80°C .

Необходимо отметить, что на газоходах до и после экономайзеров, а также на общих газоходах котельной № 1 и корпусах дымососов тепловая изоляция отсутствует, что является нарушением требований нормативных документов [1], [5] – [7]. Теплоизоляция на трубопроводах прямой и обратной воды в пределах котельных № 1, 2 отсутствует, что увеличивает теплотери и противоречит требованиям нормативных документов [1], [5] – [7].

На водогрейных котлах КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16КД обеспечен контроль температуры газов перед экономайзерами, однако существующую систему следует дополнить датчиками контроля температуры газов после водяных экономайзеров. Отсутствие приборов контроля разрежения в топках котельной № 1 и в газовых трактах за котлами котельных № 1, 2 усложнило проведение исследовательских работ и обработку полученных результатов. Однако применение современного малоинерционного оборудования и обработка экспериментальных результатов с помощью многомодульного программно-методического комплекса [4] позволили получить данные, объективно отражающие состояние и эффективность работы водогрейных котлов.

Древесное топливо на территории котельных № 1, 2 хранится в поленищах. Периодический контроль качества топлива, поступающего в котельные, проводится. Организован приборный учет количества отпускаемой тепловой энергии. Ручное обслуживание котлов вызывало значительное изменение их технико-экономических и экологических показателей работы за период цикла между загрузками топлива, что усложняло проведение исследовательских работ и обработку полученных результатов.

При исследовании состава продуктов сгорания использовался газоанализатор «Testo – 350 XL». Ди-

оксид серы в дымовых газах котлов, работающих на дровах, отсутствовал во всех опытах. Влажность дров в котельной № 1 была ниже, чем в котельной № 2 (см. таблицу).

Для определения расходов дымовых газов использовалась пневмометрическая трубка системы ВТИ и микроанометр «Testo-435». Теплотехнический анализ топлива проводился с помощью калориметра ИКА С2000 basic Version 2. Исследование гранулометрического состава очаговых остатков проводилось с помощью анализаторов «029» и ВС 1С-15-01. Температуры наружных поверхностей обшивки и обмуровки котлов, а также газоходов определялись с помощью пирометра.

При исследовании состояния и эффективности работы стальных водогрейных котлов были проведены: наружный осмотр элементов котлов, исследование теплотехнических характеристик топлива и очаговых остатков, балансовые опыты, анализ технико-экономических и экологических характеристик работы котлов, разработка режимных карт.

В газовых трактах котлов КВр-0,93КД, КВр-1,16КД и КВБр-1,16КД в качестве измерительных сечений были приняты сечения на вертикальных участках газоходов после водяных экономайзеров. Тарировка газоходов позволила определить значения коэффициентов неравномерности распределения скорости потока.

Анализ условий тепловой работы водогрейных котлов КВр-0,93КД №2, КВр-1,16КД № 3 котельной № 1 и КВБр-1,16КД № 3 котельной № 2 показал, что потери теплоты с уходящими газами в период цикла между загрузками топлива изменяются (см. рисунок): более высокие значения они имеют в начале и в конце цикла. При этом теплопроизводительность изменялась в диапазоне: 0,350... 0,504 МВт – для котла № 2, 0,364...0,561 МВт – для котла № 3 котельной № 1 и 0,507...0,594 МВт – для котла № 3 котельной № 2. Более высокие значения потери теплоты с уходящими газами для котлов № 3 котельных № 1, 2, в первую очередь, объясняются высокими значениями коэффициента избытка воздуха в топке и, соответственно, в уходящих газах ($\alpha_{\text{гх}} = 2,25...4,0$).

Потери теплоты с химическим недожогом топлива у обследованных котлов в период цикла между загрузками топлива также изменяются (см. рисунок): более высокие значения они имеют в начале и в конце цикла. Очень высокие значения данной потери для котла № 3 котельной № 1 объясняются высокими значениями коэффициента избытка воздуха в топке и, соответственно, в уходящих газах $\alpha_{\text{гх}} = 2,74...4,0$. Чрезмерное балластирование топочных камер избыточным воздухом снижает и без того низкий уровень температур в топке и скорость протекания вторичной реакции догорания: $2\text{CO} + \text{O}_2 = 2\text{CO}_2$. Все это приводит к значительному загрязнению атмосферы вредными ингредиентами. Концентрация оксида углерода в уходящих газах, приведенная к $\alpha_{\text{гх}} = 1,4$, для котла № 3 составляла $K_{\text{CO}} = 34066...47743 \text{ мг/м}^3$.

Результаты исследования эффективности работы водогрейных котлов

Наименование величины	Обозначение, размерность	Марка котла		
		КВр-0,93КД	КВр-1,16КД	КВБр-1,16КД
Характеристика топлива: ель + береза	%	50+50		70+30
влажность на рабочую массу	W_t^r , %	47,55		52,82
зольность	A^r , %	0,42		0,38
выход летучих веществ	V^{daf} , %	85,50		85,40
низшая теплота сгорания	Q_i^r , МДж/кг	8,74		7,61
Средняя теплопроизводительность	Q , МВт	0,43	0,46	0,55
Расход воды через котел	D , т/ч	35,7	36,7	34,0
Рабочее давление воды на выходе	P_b , МПа	0,65	0,60	0,53
Температура воды на входе	$t_{вх}$, °С	52,2	50,0	50,7
Средняя температура уходящих газов	$\vartheta_{ух}$, °С	183	157	188
Потери теплоты: с уходящими газами	q_2 , %	15,80	15,89	19,01
с химнедожогом	q_3 , %	11,08	16,93	14,11
с мехнедожогом	q_4 , %	0,33	0,35	0,36
от наружного охлаждения	q_5 , %	11,27	10,31	8,50
Средний за цикл КПД брутто котла	$\eta_{бр}$, %	61,50	56,50	58,00
Теплонапряжение зеркала горения	q_R , кВт/м ²	416,1	439,5	521,0
Теплонапряжение топочного объема	q_v , кВт/м ³	259,5	273,5	324,5
Эмиссия NO _x	NO _x , мг/МДж	132,0	83,0	114,0
Эмиссия CO	CO, г/МДж	12,56	17,12	15,77

Очаговые остатки (шлак и зола) у обследованных котлов удаляются из зольников вручную. Потери теплоты с механической неполнотой сгорания имели маленькие значения (см. таблицу), что объясняются низкой зольностью древесного топлива и его крупным составом. Исследования гранулометрического состава очаговых остатков показали, что остатки имеют высокую степень полидисперсности состава ($n = 0,662...0,751$) и относятся к материалам средней крупности ($b = 0,0131...0,0214$). Содержание горючих веществ в очаговых остатках составляло $C_{шл+пр}^r = 17,58...18,27$ %. Летучая зола, уловленная в инерционных золоуловителях котлов, имела полидисперсный гранулометрический состав ($n \approx 1,34$; $b \approx 0,000494$), при этом в ней преобладали фракции с размером частиц $63 \leq \delta < 500$ мкм, на которые приходилось более 87 % (по массе), что косвенно свидетельствует о невысокой степени очистки газов. Содержание горючих веществ в летучей золе составило $C_{ун}^r = 17,3...17,51$ %.

Потери теплоты от наружного охлаждения определялись на основании результатов замеров температуры наружной поверхности обмуровки котлов с учетом температуры окружающего воздуха. Повышенные значения данной потери (см. таблицу) объясняются работой котлов с нагрузками значительно ниже номинальной, отсутствием изоляции на газохо-

дах от котлов до водяных экономайзеров в котельной № 1, низкой температурой окружающего воздуха, а также наличием зон на наружной обшивке котлов, имевших повышенную температуру. На трубопроводах прямой и обратной воды в пределах котельных № 1, 2 тепловая изоляция отсутствует, что противоречит требованиям нормативных документов [1], [5] – [7].

Потери с физической теплотой шлака для обследованных котлов составляли $q_6 \approx 0,02$ %. Наибольшие значения КПД брутто исследованных водогрейных котлов имел для временного интервала между загрузками топлива 0,2...0,5 (см. рисунок). Значения среднего КПД брутто за цикл между загрузками топлива приведены в таблице.

Полный расход дров в исследованном диапазоне нагрузок: для котла КВр-0,93КД составлял 239...332; для КВр-1,16КД – 278...389; а у котла КВБр-1,16-95КД – 455...563 кг/ч. Более высокий расход топлива для котла КВБр-1,16-95КД связан с большей влажностью дров на котельной № 2 и более низкой их удельной теплотой сгорания. Средний удельный расход условного топлива на выработку 1 ГДж при проведении балансовых опытов для котла КВр-0,93КД составлял 55,44; для КВр-1,16КД – 60,34; а у котла КВБр-1,16-95КД – 58,78 кг у.т.

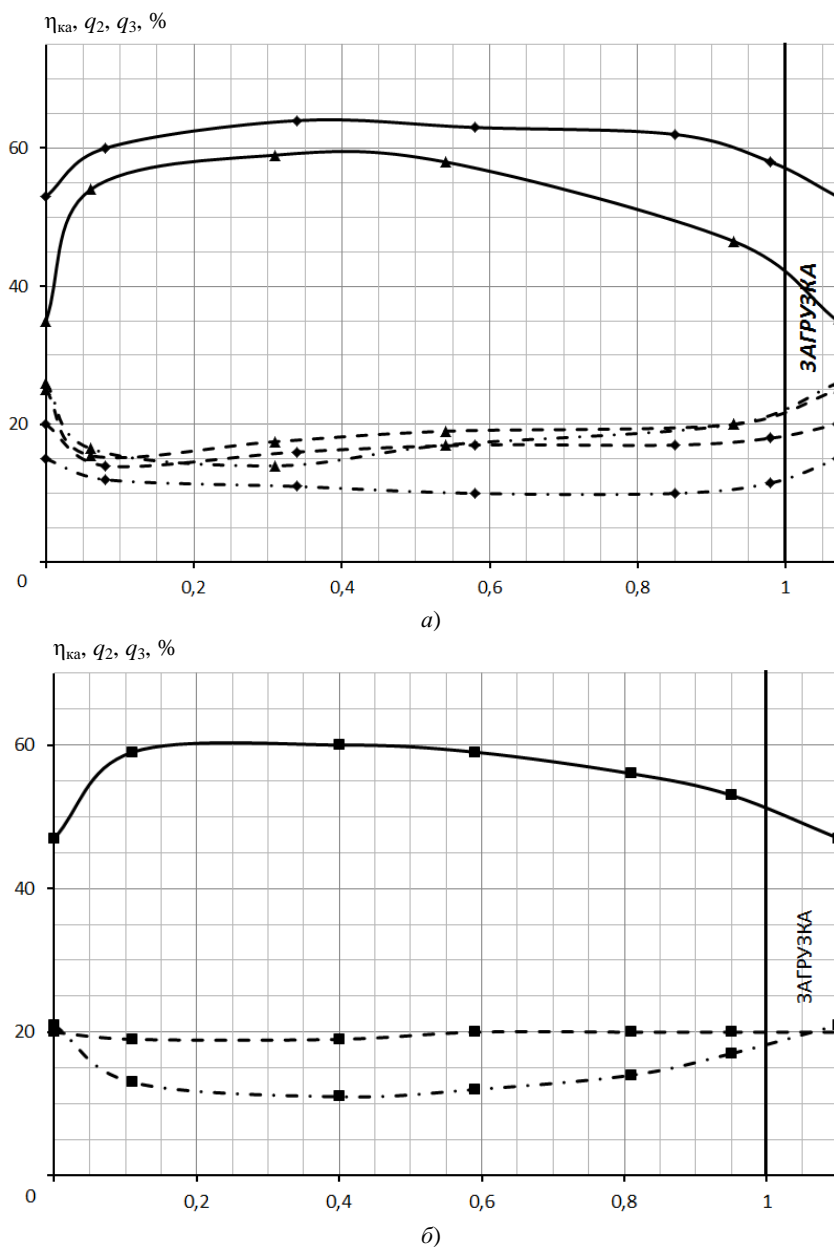

Рисунок. Изменение КПД брутто ($\eta_{ка}$), потеря теплоты с уходящими газами (q_2) и химическим недожогом (q_3) в период цикла между загрузками дров: а – котлы KBp-0,93KD №2 (◆), KBp-1,16KD №3 (▲); б – котел KBp-1,16KD №3 (■); — — $\eta_{ка}$; - - - q_2 ; - · - · - q_3

Низкий уровень эмиссии оксидов азота, особенно для котла KBp-1,16KD (см. таблицу), связан с низким уровнем температур в топке ввиду высоких значений коэффициента избытка воздуха, а также высокой степенью экранирования топки. Данные факторы, а также высокая влажность топлива явились причиной высоких значений эмиссии монооксида углерода.

Теплонапряжения топочного объема и зеркала горения обследованных котлов превысили значения, установленные их заводами изготовителями ($q_v^H = 200 \text{ кВт/м}^3$, $q_R = 348...531 \text{ кВт/м}^2$). Это связано с высоким расходом топлива ввиду того, что достигнутый эксплуатационный КПД брутто имел низкие значения.

Для повышения эффективности работы котельных № 1, 2 был разработан комплекс энергосбере-

гающих мероприятий, ранжированных по сроку окупаемости вложений, и разработаны режимные карты.

Литература

1. ГОСТ 30735-2001. Котлы отопительные водогрейные теплопроизводительностью от 0,1 до 4,0 МВт. Общие технические условия. – М., 2001.
2. Любов, В.К. Исследование эффективности работы отопительных котельных / В.К. Любов, А.Ю. Романов // Известия вузов. Лесной журнал. – 2011. – № 3. – С. 142 – 151.
3. Любов, В.К. Модернизация объектов коммунальной энергетики / В.К. Любов, А.Н. Попов // Вестник ЧГУ. – 2011. – № 2. – Т. 2 – С. 5 – 9.
4. Любов, В.К. Повышение эффективности энергетического использования биотоплив / В.К. Любов, С.В. Любова. – Архангельск, 2010.

5. Правила технической эксплуатации коммунальных отопительных котельных. – М., 1992.

6. Правила устройства и безопасной эксплуатации паровых котлов с давлением пара не более 0,07 МПа (0,7 кгс/см²), водогрейных котлов и водоподогревателей с

температурой нагрева воды не выше 388 К (115 °С). – М., 1993.

7. СНиП II-35-76. Котельные установки. Нормы проектирования. – М., 1977.

УДК 004.4

Д.А. Малышев

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент А.А. Сукощицков

ОБЩАЯ СХЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ РАЗВЕРТЫВАНИИ ОПЕРАЦИОННЫХ СИСТЕМ

В статье рассматривается упрощенная модель установки операционных систем с использованием программных средств автоматизации, базирующаяся на переосмыслении подходов к развертыванию программного обеспечения в корпоративных сетях.

Алгоритм, модель, развертывание операционных систем, программное обеспечение, корпоративные сети.

The article considers a simplified model of operating systems installation using automated software tools, based on rethinking of approaches to deploying software on corporate networks.

Algorithm, model, deployment of operating systems, software, corporate networks.

В настоящее время все более интенсивно во всех областях промышленности используются информационные технологии. Но мало кто задумывается о временных затратах на установку и поддержание работоспособности операционных систем (ОС), программ и приложений. Установка операционной системы – сложный, разветвленный процесс.

В данной статье рассмотрим упрощенную модель интенсивного подхода для установки операционных систем с использованием программных средств автоматизации [1, с. 237].

Первый этап установки операционной системы – это выбор сценария установки [1, с. 238]. Рассмотрим их более подробно.

Множество типов сценариев установки – S_{inst} .

$S_{inst} = (S_{inst}^1, \dots, S_{inst}^n)$, где $n \in \mathbb{N}$, $S_{inst}^1, \dots, S_{inst}^n$ – различные сценарии установки. На практике мы, в основном, используем следующие типы:

S_{inst}^1 – сценарий установки нового компьютера. Установка операционной системы на чистый компьютер, на котором нет операционной системы для пользователя, не имеющего существующего компьютера или пользовательского профиля в сети (рис. 1). При использовании данного сценария производится полная установка операционной системы.

S_{inst}^2 – сценарий обновления операционной системы компьютера. Обновление системы с сохранением пользовательских параметров и настроек. Данный сценарий используется для перехода на новую версию программного обеспечения.

S_{inst}^3 – сценарий обновления компьютера. Установка другого образа операционной системы на компьютер, с которым у пользователя возникают проблемы.

S_{inst}^4 – сценарий замены компьютера. Установка

операционной системы на пустой компьютер для пользователей, имеющих пользовательский профиль в сети. Все параметры и данные существующего пользовательского профиля будут перемещены со старого компьютера на новый.

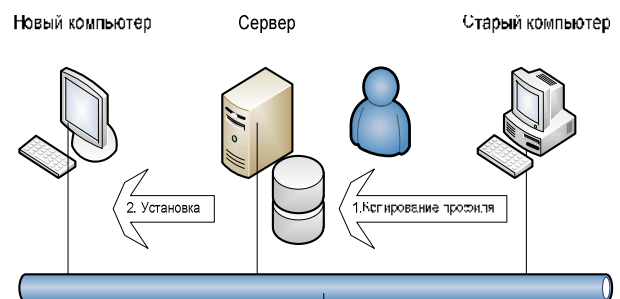

Рис. 1. Сценарий замены старого компьютера на новый

в свою очередь для каждого сценария установки в соответствии с определением Митча Туллоча¹ су-

¹ Митч Тулloch – писатель, инструктор и консультант, специализирующийся на серверных операционных системах Windows, администрировании IIS, поиске проблем в сетях и безопасности. Автор 15 книг, включая MicrosoftEncyclopediaofNetworking (Энциклопедия Сергей Microsoft) (MicrosoftPress), MicrosoftEncyclopediaofSecurity (Энциклопедия Безопасности Microsoft) (MicrosoftPress), WindowsServerHacks (Взлом Серверов Windows) (O'Reilly), WindowsServer 2003 in a Nutshell (WindowsSerber 2003 вкратце) (O'Reilly), Windows 2000 Administrationin a Nutshell (Администрирование Windows 2000 вкратце) (O'Reilly) и IIS 6 Administration (Администрирование IIS 6) (Osborne/McGraw-Hill). Митч живет в Winnipeg, Канада. Дополнительная информация о его книгах находится на web-сайте: www.mtit.com.

шествуют три фазы установки операционной системы [4, с. 90 – 91], которые видит пользователь: $F_{inst} = (F_{inst}^{prep}, F_{inst}^{inst}, F_{inst}^{hello})$.

F_{inst}^{prep} – фаза подготовки – предварительная подготовка установок.

На данном этапе происходит настройка установки – выбор режима ввода информации (ручной или автоматический), в случае автоматического ввода используется один или несколько файлов ответов. В данной фазе указывается информация о языке, формате времени, валюте, часовом поясе, раскладке клавиатуры, ключе продукта и мн. др. После того, как мы указали всю необходимую информацию, продолжается предустановочная фаза: происходит настройка диска, копирование файлов образов на жесткий диск, создание файлов ответа, которые будут необходимы для установки ОС.

F_{inst}^{inst} – фаза установки. Установка операционной системы, во время которой выполняется настройка системы для использования ее пользователем. Производится создание уникальных идентификаторов безопасности для компьютера и учетных записей пользователей.

F_{inst}^{salut} – последняя фаза установки, которая выполняет действия, подготавливающие операционную систему для использования конечными пользователями. Выполняется обработка настроек файлов ответов (если таковые имеются) и запуск приветствия – то, что видит пользователь при первом запуске операционной системы.

На первый взгляд вышеупомянутая процедура полностью описывает процесс установки операционной системы и он очень прост, но основные проблемы возникают как раз во время связи этих фаз.

Теперь рассмотрим, как осуществляется установка операционной системы с точки зрения аппаратной части компьютера. Передача конфигурации – это один из важнейших аспектов установки операционной системы, который контролируется параметрами настройки в файлах ответов, что и является основной частью установки. Таким образом, все, что происходит во время фаз установки, может быть автоматизировано. Несмотря на то, что для пользователей существует всего три фазы установки, на практике существует семь различных передач конфигураций, которые зависят от типа установки, которую мы хотим осуществить.

1. Предустановка [3]. На данной передаче конфигурации создается файл ответов – файл, содержащий ответы для диалоговых окон графического интерфейса пользователя, который используется для настройки экрана приветствия [2]. Данные этой передачи используются для настройки того, как будет вести себя среда предустановки. Она используется для загрузки системы, на которой не установлена операционная система, разбивает и форматирует ее диски, копирует образы установки на локальные диски и начинает установку ОС. В эту фазу добавляются все необходимые критичные для загрузки драйверы. Это первая фаза установки ОС. $T_{prof} = T_{prof}(T_{prof}^1; \dots; T_{prof}^n)$, где $n \in N$, $T_{prof}^1; \dots; T_{prof}^n$ – па-

раметры данной фазы, такие, как: размеры разделов логических дисков, файловая система раздела, выбор необходимого образа предустановки.

2. Обслуживание образа. Параметры этой передачи конфигурации используются для добавления дополнительных драйверов, обновлений и прочих пакетов операционных систем для образов. $T_{serv} = T_{serv}(T_{serv}^1; \dots; T_{serv}^n)$, $n \in N$, $T_{serv}^1; \dots; T_{serv}^n$ – параметры данной фазы, такие, как: драйвер сетевого адаптера, драйвер жесткого диска, выбор необходимых обновлений.

3. Уточнение. Эта передача используется для настройки специфичных параметров системы – сетевые параметры, доменная принадлежность и др. $T_{spec} = T_{spec}(T_{spec}^1; \dots; T_{spec}^n)$, $n \in N$, $T_{spec}^1; \dots; T_{spec}^n$ – параметры данной фазы, такие как сетевой адрес адаптера IPv4, имя домена и параметры доступа.

4. Обобщение. Данная фаза используется для очистки и подготовки образа для развертывания на несколько компьютеров. $T_{gen} = T_{gen}(T_{gen}^1; \dots; T_{gen}^n)$, $n \in N$, $T_{gen}^1; \dots; T_{gen}^n$ – параметры данной фазы, такие, как: параметры очистки образа от специфической информации – драйверов сетевых адаптеров, жестких дисков, видеоадаптеров, пользовательской информации.

5. Режим аудита системы. Данная передача необходима только для установки в режиме аудита – сценарии, при которых происходит добавление настроек к образу операционной системы и выполняется финальная часть установки. Все изменения происходят в учетной записи локальной системы (до того, как пользователь совершит вход в систему). $T_{sysaud} = T_{sysaud}(T_{sysaud}^1; \dots; T_{sysaud}^n)$, $n \in N$, $T_{sysaud}^1; \dots; T_{sysaud}^n$ – параметры данной фазы, такие, как: место размещения папок с пользовательскими и административными настройками.

6. Режим аудита пользователя. Данная передача, как и предыдущая, выполняется в режиме аудита, но изменения происходят только в контексте пользователя, т.е. когда пользователь совершил вход в систему. $T_{useraud} = T_{useraud}(T_{useraud}^1; \dots; T_{useraud}^n)$, $n \in N$, $T_{useraud}^1; \dots; T_{useraud}^n$ – параметры данной фазы, такие, как добавление пользовательских настроек.

7. Приветствие. Эта передача используется для настройки приветствия и соответствует фазе приветствия F_{inst}^{salut} . $T_{salut} = T_{salut}(T_{salut}^1; \dots; T_{salut}^n)$, $n \in N$, $T_{salut}^1; \dots; T_{salut}^n$ – параметры данной фазы, такие, как: тема рабочего стола и оформления системы.

При самой простой установке операционной системы мы настраиваем только параметры предустановки и приветствия, а для более сложных сценариев так же необходимо настроить и все остальные передачи конфигураций.

Тем самым мы получили, что $S_{inst}^i = (T_{prof}^{\wedge}, T_{serv}^{\wedge}, T_{spec}^{\wedge}, T_{gen}^{\wedge}, T_{sysaud}^{\wedge}, T_{useraud}^{\wedge}, T_{salut}^{\wedge})$, где S_{inst}^i – i сценарий установки, $i \in N$, $T_{prof}^{\wedge} = (T_{prof}, 0)$, $T_{serv}^{\wedge} = (T_{serv}, 0)$, $T_{spec}^{\wedge} = (T_{spec}, 0)$, $T_{gen}^{\wedge} = (T_{gen}, 0)$, $T_{sysaud}^{\wedge} = (T_{sysaud}, 0)$, $T_{useraud}^{\wedge} = (T_{useraud}, 0)$, $T_{salut}^{\wedge} = (T_{salut}, 0)$. Это означает возможность отсутствия различных передач конфигурации.

Второе множество – типы функциональных воз-

возможностей (F_{cap}). Они определяют ключевые направления установки, настройки и дополнительные работы над операционными системами и приложениями. Ручную установку ОС и приложений мы не рассматриваем.

$F_{cap} = (F_{capOS}^{auto}, F_{capOS}^{semi}, F_{capOS}^{upd}, F_{capOS}^{wuiui}, F_{capOS}^{monitor}, F_{capOS}^{backup}, F_{capPr}^{auto}, F_{capPr}^{semi}, F_{capPr}^{upd})$, где F_{capOS}^{auto} – автоматизированное развертывание ОС, которое состоит из ($F_{capOS}^{auto}_{net}(F_{capOS}^{auto}_{net}{}^1; \dots; F_{capOS}^{auto}_{net}{}^n)$, $F_{capOS}^{auto}_{disc}(F_{capOS}^{auto}_{disc}{}^1; \dots; F_{capOS}^{auto}_{disc}{}^n)$), где $F_{capOS}^{auto}_{net}$ – установка ОС по сети с параметрами ($F_{capOS}^{auto}_{net}{}^1; \dots; F_{capOS}^{auto}_{net}{}^n$). Каждый параметр соответствует изменению критериев – использование широковещательных запросов для установки на несколько компьютеров, размер пакета при установке и др.

$F_{capOS}^{auto}_{disc}$ – установка ОС с диска или флеш-носителя с параметрами ($F_{capOS}^{auto}_{disc}{}^1; \dots; F_{capOS}^{auto}_{disc}{}^n$). Как и в предыдущем случае, каждый параметр определяет критерий установки, такой, как: установка с нескольких дисков, установка с DVD или CD-дисков, установка с флеш-носителя и др.

Таким же образом определим и следующие функциональные возможности:

F_{capOS}^{semi} – полуавтоматическое развертывание ОС.

$F_{capOS}^{semi}_{net}$ – установка ОС по сети с внесением параметров вручную (например, доменное имя, имя пользователя компьютера, нажатие клавиши установки ОС, выбор установочного набора и др.).

$F_{capOS}^{semi}_{disc}$ – установка ОС с диска или флеш-носителя с ручным внесением параметров.

Таким же образом определяются следующие типы установки и обслуживания операционных систем:

- обновление ОС,
- управление обновлениями и исправлениями ОС,
- мониторинг использования ОС,
- создание резервной копии ОС.

Третье множество представляет аппаратное (техническое) обеспечение. Технические характеристики компьютерного оборудования являются очень важными, так как невозможно поставить современную операционную систему на устаревший компьютер, не соответствующий минимальным требованиям.

$F_{hard} = F_{hard}(H_{hdd}, H_{net}, H_{mem}, H_{hard}{}^1, \dots, H_{hard}{}^n)$, где $n \in N$, H_{hdd} – характеристики жесткого диска, такие, как: объем, форм-фактор, наименование модели и производителя. $H_{hdd} = H_{hdd}(H_{hdd}{}^1, \dots, H_{hdd}{}^m)$, $m \in N$; H_{net} – характеристики первого сетевого адаптера, такие, как: наименование модели и производителя, MAC-адрес и проч. $H_{net} = H_{net}(H_{net}{}^1, \dots, H_{net}{}^m)$, $m \in N$;

H_{mem} – характеристики оперативной памяти компьютера, такие, как: объем, наименование модели и производителя. $H_{mem} = H_{mem}(H_{mem}{}^1, \dots, H_{mem}{}^m)$, $m \in N$;

$H_{hard}{}^i$ – характеристики i -го технического устройства. $H_{hard}{}^i = H_{hard}{}^i(H_{hard}{}^i{}^1, \dots, H_{hard}{}^i{}^m)$, $i, m \in N$.

Пересечением множеств S_{inst} и F_{cap} является множество возможных типов установки операционных систем и приложений, а также их обновлений при

использовании различных способов развертывания.
 $T_{inst} = S_{inst} \cap F_{cap}$.

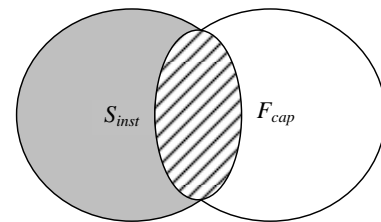

Рис. 2. Пересечение множеств S_{inst} и F_{cap}

Пересечение множеств S_{inst} и F_{cap} с F_{hard} представляет собой практическую реализацию развертывания операционных систем, приложений и их обновлений на реальную аппаратную часть с использованием проверки возможности развертывания по техническим характеристикам компьютерного оборудования. Примером может служить установка операционной системы Microsoft Windows 7 на новый компьютер, имеющий объем оперативной памяти 512 Мб, SSD жесткий диск объемом 42 Гб и подключение по локальной сети.

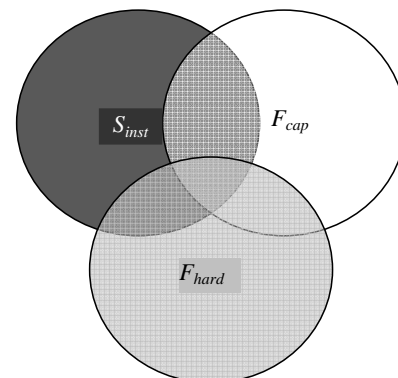

Рис. 3. Пересечение множеств S_{inst} , F_{cap} и F_{hard}

При пересечении множеств F_{cap} и F_{hard} будет проведена проверка соответствия технических характеристик компьютера и требуемых минимальных характеристик операционной системы. А при пересечении с множеством S_{inst} определен возможный сценарий установки.

Литература

1. Малышев, Д.А. Технологии развертывания операционных систем и приложений в управляемой среде / Д.А. Малышев // Материалы III ежегодных смотров-сессий аспирантов и молодых ученых по отраслям наук: в 2-х т. – Вологда, 2009. – Т. 2. – С. 236 – 241.
2. MicrosoftTechNet. Introduction to Deployment Tools 2010 Microsoft TechNet. – 2009. – URL <http://technet.microsoft.com/en-us/library/dd744570%28v=ws.10%29.aspx>
3. MicrosoftTechNet. Windows Preinstallaion Phases © 2010 Microsoft TechNet. – 2009. – URL: <http://technet.microsoft.com/en-us/library/dd799281%28v=ws.10%29.aspx>

УДК 519.63

Н.Н. Сеницын, З.К. Кабаков, Д.А. Домрачев

**МАТЕМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СУШКИ КОРЫ ДЕРЕВЬЕВ
ПРИ ВЫСОКОИНТЕНСИВНОМ НАГРЕВЕ**

В статье предложено математическое описание процесса сушки коры деревьев при высокоинтенсивном прогреве, изложен способ тестирования численной модели сушки коры с использованием точного решения задачи Стефана. Представлены результаты исследования влияния настроечных параметров численного алгоритма на погрешность результата моделирования.

Математическая модель сушки коры деревьев, тестирование, задача Стефана, погрешность решения.

The article presents the mathematical description of the process of the bark drying at high-intensity warming up and the way of testing of a numerical model of bark drying using the exact solution of the Stefan problem. The results of influence of adjusting parameters of a numerical algorithm on the modeling error are presented in the paper.

Mathematical model of bark drying, testing, Stephane's task, decision error.

В настоящее время все древесные отходы, кроме коры хвойных и лиственных пород деревьев, используются в производстве фанеры, древесно-стружечных и древесно-волоконистых плит. Кора не используется для их изготовления из-за своих характеристик. Единственный способ применения коры – применение ее в качестве топлива для теплогенерирующих установок. Однако высокая влажность коры вызывает большие трудности при ее сжигании в топках котлов без дополнительного высококалорийного топлива. В настоящее время отсутствуют высокоэффективные технологии сжигания такого материала.

В связи с этим разработка технологии высокоэффективного использования отходов производства (коры деревьев) в качестве топлива является актуальной задачей для промышленных и энергетических объектов.

Одним из способов повышения эффективности сжигания коры является ее предварительная сушка перед сжиганием. При сушке сначала происходит испарение влаги на поверхности коры, затем возникает фронт, отделяющий сухой и влажный слой. Фронт сушки перемещается от поверхности внутрь коры. Целью моделирования является определение координаты фронта и температуры поля в сухой и влажной частях. Рассмотрим процесс сушки на примере формы коры в виде пластины. Для этого приведем математическую модель одномерного симметричного процесса сушки пластины из коры, которая включает в себя сквозное уравнение теплопроводности, общее для влажной и сухой зон пластины:

$$c_{эф}(T) \cdot \rho(T) \frac{\partial T}{\partial \tau} = \frac{\partial}{\partial x} (\lambda(T) \frac{\partial T}{\partial x}), \quad (1)$$

интегрируемое в области: $0 \leq x \leq S, 0 \leq \tau \leq \tau_k$;

– начальное условие:

$$T|_{\tau=0} = T^0; \quad (2)$$

– граничное условие:

при $x = 0 \quad -\lambda(T) \frac{\partial T}{\partial x} = \alpha(T - T_{cp}); \quad (3)$

при $x = S \quad \lambda(T) \frac{\partial T}{\partial x} = 0, \quad (4)$

где ρ – плотность материала; α – коэффициент теплоотдачи; S – половина толщины пластины; T_{cp} – температура среды; T^0 – начальная температура материала; λ – коэффициент теплопроводности.

При этом выделение теплоты фазового перехода в уравнении (1) учитывают с помощью эффективной теплоемкости $c_{эф}$, задаваемой выражением:

$$c_{эф} = \begin{cases} c_1(T), & T > T_n; \\ c(T_c) \cdot \psi + c(T_n) \cdot (1 - \psi) + \frac{g \cdot L}{\Delta T}, & T_c \leq T \leq T_n; \\ c_2(T), & T < T_c, \end{cases}$$

коэффициент теплопроводности и плотность определяют по формулам:

$$\lambda = \begin{cases} \lambda_1, & T < T_c; \\ \lambda_1 \cdot \psi + \lambda_2(1 - \psi), & T_c \leq T \leq T_n; \\ \lambda_2, & T > T_n, \end{cases}$$

$$\rho = \begin{cases} \rho_1, & T > T_n; \\ \rho_1 \cdot \psi + \rho_2(1 - \psi), & T_c \leq T \leq T_n; \\ \rho_2, & T < T_c, \end{cases}$$

где $T_n = T_\phi + 19,5$, $T_c = T_\phi - 37$ – фиктивные температуры начала и окончания фазового перехода воды; $c(T)$ – теплоемкость материала; c_1 и c_2 – теплоемкость сухого и влажного слоев материала; ρ_1 и ρ_2 – плотность сухого и влажного слоев материала; λ_1 и λ_2 – коэффициенты теплопроводности сухого и влажного слоев материала; g – доля влаги в элементарном объеме материала; S – половина толщины слоя материала; L – удельная теплота фазового перехода влаги; ψ – доля влажного материала.

Величина ψ определяется по формуле:

$$\psi = \begin{cases} 1, & T < T_c; \\ \frac{T_n - T}{T_n - T_c}, & T_c \leq T \leq T_n; \\ 0, & T > T_n. \end{cases}$$

На рис. 1 показана схема расчетной области.

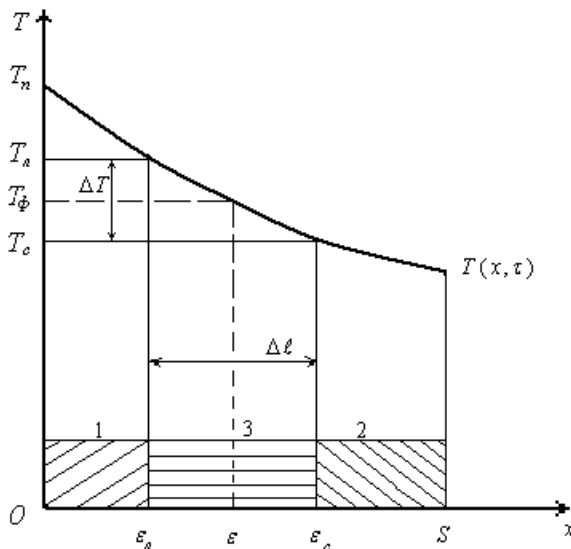

Рис. 1. Схема расчетной области
 Расчетная область: 1 – сухая зона; 2 – влажная зона; 3 – двухфазная зона; Δl – ширина двухфазной зоны; $\epsilon_c, \epsilon, \epsilon_a$ – координаты границ начала двухфазной зоны, фазового перехода, окончания двухфазной зоны соответствующих температур T_c, T_ϕ, T_n и T_n – температуры поверхности.

Система уравнений (1) – (4) в общем случае может быть решена только численным методом. При использовании метода конечных разностей (МКР) значение температур определяют в узлах расчетной области, координаты которых находят по формуле:

$x_i = (i - 0,5)\Delta x$, для дискретных моментов времени $\tau^n = \Delta\tau \cdot n$, где $i = \overline{0, N+1}$, N – количество узлов внутри расчетной области, 0 и $N+1$ – номера фиктивных узлов, находящихся за пределами области на расстоянии $\Delta x/2$; $\Delta x = S/N$ – расстояние между узлами; $n = \overline{0, [\tau_k / \Delta\tau]}$ – моменты времени ($n = 0$ – начальный момент времени); $\Delta\tau$ – расчетный шаг по времени. Для краткости температуры $T(x_i, \tau^n)$ – обозначают T_i^n .

При использовании явной схемы аппроксимации производных по координате температуру в следующий момент времени $n + 1$ в N внутренних узлах определяют по формуле:

$$T_i^{n+1} = T_i^n + \frac{\Delta\tau}{c(T_i^n) \cdot \rho(T_i^n) \cdot \Delta x^2} \times \left[\lambda_{i+\frac{1}{2}} \cdot (T_{i+1} - T_i) - \lambda_{i-\frac{1}{2}} \cdot (T_i - T_{i-1}) \right]^n,$$

где $i = \overline{1, N}$, $\lambda_{i+\frac{1}{2}} = \lambda \frac{T_{i+1} + T_i}{2}$, $\lambda_{i-\frac{1}{2}} = \lambda \frac{T_{i-1} + T_i}{2}$.

Температуру в начальный момент времени задают по формуле:

$$T_i = T^0 \text{ для } i = \overline{0, N+1}.$$

Температуру в фиктивных узлах: $i = 0$ и $N+1$ в момент времени $n + 1$ определяют по формулам:

$$T_0 = \frac{(1 - \chi) \cdot T_1 + 2 \cdot \chi \cdot T_{cp}}{1 + \chi}, \quad \chi = \frac{\alpha \cdot \Delta x}{2\lambda}, \quad T_{N+1} = T_N.$$

Расположение границы перехода воды в пар определяют в поле температуры по температуре фазового перехода влаги в цикле по $i = \overline{2 \dots N}$ из условия:

$$\begin{aligned} &\text{если } T_{i-1} \geq T_\phi \geq T_i; \\ &\text{то } \epsilon = \Delta x(i - 3/2) + \Delta x \cdot \frac{T_{i-1} - T_\phi}{T_{i-1} - T_i}. \end{aligned}$$

Численное решение при явной схеме аппроксимации является условно устойчивым. В этом случае расчетный шаг определяем по формуле: $\Delta\tau = \Delta x^2 / (k_y \cdot a)$, где $k_y \geq 2$.

Погрешность численного решения будет зависеть от настроечных параметров алгоритма N, k_y и ΔT . Необходимо эти параметры выбрать таким образом, чтобы погрешность результатов моделирования не превосходила заданную.

Для выбора этих параметров выполним тестирование численного решения задачи Стефана путем сравнения с точным решением этой задачи [1], кото-

рое известно для граничного условия I рода и включает поле температуры:

– в сухой зоне:

$$T_1(x, \tau) = T_n + (T_\phi - T_n) \cdot \frac{\operatorname{erf}\left(\frac{x}{2\sqrt{a_1\tau}}\right)}{\operatorname{erf}\left(\frac{\beta}{2\sqrt{a_1}}\right)}, \quad (5)$$

– во влажной зоне:

$$T_2(x, \tau) = T^0 - (T^0 - T_\phi) \cdot \frac{\operatorname{erfc}\left(\frac{x}{2\sqrt{a_2\tau}}\right)}{\operatorname{erfc}\left(\frac{\beta}{2\sqrt{a_2}}\right)}, \quad (6)$$

и формулу для расчета координаты границы фазового перехода воды:

$$\varepsilon = \beta\sqrt{\tau}, \quad (7)$$

где β – корень трансцендентного уравнения (8):

$$\frac{\lambda_1(T_\phi - T^0)}{\sqrt{a_1} \cdot \operatorname{erf}\left(\frac{\beta}{2\sqrt{a_1}}\right)} \cdot \exp\left(-\frac{\beta^2}{4a_1}\right) - \frac{\lambda_2 \cdot (T^0 - T_\phi)}{\sqrt{a_2} \cdot \operatorname{erfc}\left(\frac{\beta}{2\sqrt{a_2}}\right)} \times \exp\left(-\frac{\beta^2}{4a_2}\right) = \rho_2 \cdot g \cdot L \cdot \beta \cdot \frac{\sqrt{\pi}}{2}. \quad (8)$$

В формулах (5) – (8) использованы следующие обозначения: λ_1 и λ_2 – теплопроводности сухой и влажной зон материала, $a_i = \lambda_i / (c_i \cdot \rho_i)$ – температуропроводность ($i = 1$ – сухая зона, $i = 2$ – влажная зона), c_i, ρ_i – теплоемкость и плотность, T_n – температура поверхности, T^0 – начальная температура материала, $\operatorname{erf}(x) = \frac{2}{\sqrt{\pi}} \int_0^x e^{-\xi^2} d\xi$, $\operatorname{erfc}(x) = 1 - \operatorname{erf}(x) =$

$$= \frac{2}{\sqrt{\pi}} \int_x^\infty e^{-\xi^2} d\xi.$$

Выполним тестирование для пластины толщиной $5S = 0,0125$ м, нагреваемой в симметричных условиях. Исходные данные для моделирования и расчета по формулам (5) – (8) приведены в таблице.

Размер расчетной области и граничные условия для модели выберем с учетом того, что точное решение получено для граничных условий первого рода и расчетной области в виде полупространства, а задача сушки сформулирована для граничных условий третьего рода и расчетной области конечной толщины. При тестировании исследовали влияние настроечных параметров конечно-разностного решения задачи на результаты и погрешность моделирования. Результат исследования приведен на рис. 2.

Из рис. 2 видно, что при $N = 140$ численное решение практически совпадает с точным.

Таблица

Исходные данные

№ п/п	Величина, размерность	Значение величины	
		В модели	В точном значении
1	Половина толщины, 5 S, м	0,0125	∞
2	Начальная температура, °C	180	180
3	Температура поверхности, °C		20
4	Температура среды, °C	20	
5	Плотность влажной зоны, кг/м ³	821	821
6	Плотность сухой зоны, кг/м ³	718	718
7	Коэффициент теплопроводности влажной зоны, Вт/(м·К)	0,4629	0,4629
8	Коэффициент теплопроводности сухой зоны, Вт/(м·К)	0,4629	0,4629
9	Теплоемкость влажной зоны, Дж/(кг·К)	3498	3498
10	Теплоемкость сухой зоны, Дж/(кг·К)	2720	2720
11	Температуры фазового перехода, °C	100	100
12	Удельная теплота фазового перехода, Дж/кг	2256800	2256800
13	Коэффициент теплоотдачи, Вт/(м ² ·К)	10^{10}	
14	Конечное время процесса, с	245,36	245,36
15	Фиктивный интервал ΔT , °C	56,5	
16	Доля влаги, кг/кг сухой зоны	0,25	0,25

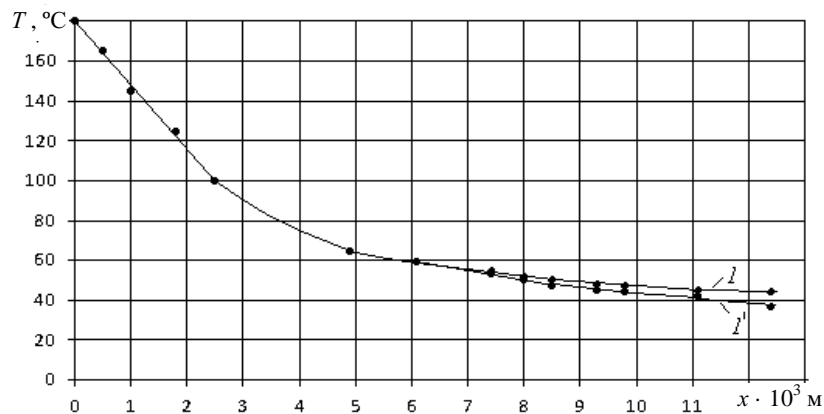

Рис. 2. Распределение температуры по толщине пластины
 1 – решение по модели; 1' – точное решение; модель при $N = 40$; $k_y = 3$;
 $T_n = 119,5 \text{ }^\circ\text{C}$; $T_c = 63 \text{ }^\circ\text{C}$; $\Delta T = 119,5 - 63 = 56,5 \text{ }^\circ\text{C}$; $\tau = 245,36 \text{ }^\circ\text{C}$

В данной работе проведено также исследование влияния количества узлов N и параметра k_y на среднеквадратичную погрешность моделирования координаты фазового перехода. Величину среднеквадратичной погрешности определяем по формуле:

$$\bar{\delta} = \frac{1}{\varepsilon} \sqrt{\frac{1}{n^*} \sum_{n=1}^{n^*} (\varepsilon_n - \varepsilon_n^*)^2} \cdot 100\%,$$

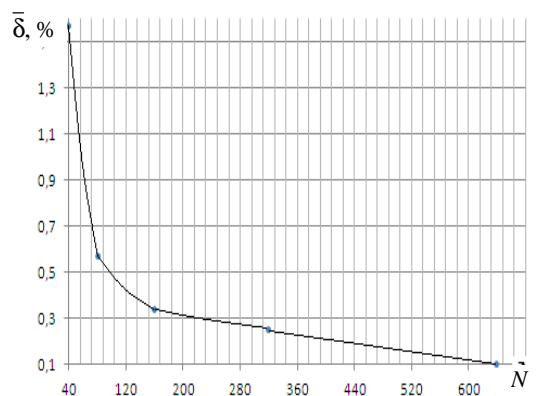
где $n^* = \tau_k / \Delta\tau$, $\bar{\varepsilon}$ – среднеарифметическое значение координаты фазового перехода воды; ε_n – результат моделирования координаты фазового перехода в момент времени n , ε_n^* – точное решение в момент времени n .

Результаты моделирования приведены на рис. 3.

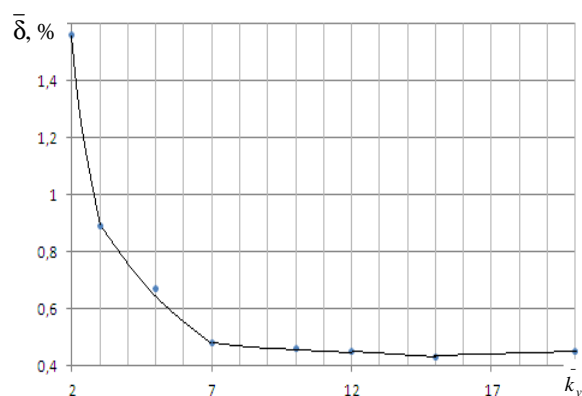
Как видно из рис. 3а, с увеличением N более 640 узлов погрешность асимптотически стремится к нулю. При увеличении k_y погрешность уменьшается. При $k_y = 15$ погрешность начинает увеличиваться. Учитывая, что при $k_y = 3$ погрешность меньше 1 % – в дальнейшем исследовании принимаем $k_y = 3$.

Исследование влияния фиктивного интервала ΔT показало, что имеется несимметричный интервал «размазывания» теплоемкости в окрестности температуры фазового перехода, при котором численное решение по динамике координаты перехода имеет наименьшее значение среднеквадратичной погрешности.

Следует отметить, что такое большое количество узлов, обеспечивающее погрешность менее 1 %, обусловлено «жестким» граничным условием I рода. При исследовании граничных условий III рода следует ожидать существенного уменьшения допустимого количества узлов.

а)

б)

Рис. 3. Зависимость средней квадратичной погрешности $\bar{\delta}$ от количества узлов N и параметра k_y при параметре ΔT в интервале температур $63 \div 119,5 \text{ }^\circ\text{C}$.
 а – параметр ΔT в интервале $63 \div 119,5 \text{ }^\circ\text{C}$, $k_y = 2$;
 б – параметр ΔT в интервале $63 \div 119,5 \text{ }^\circ\text{C}$, $N = 40$.

Увеличение количества узлов и соответствующее уменьшение шага по времени, согласно условию устойчивости, влияет на уменьшение погрешности более эффективно, чем только уменьшение расчетного шага по времени при увеличении k_y .

В результате тестирования установлено, что для уменьшения средней относительной погрешности до 1 % необходимо взять количество узлов сетки не бо-

лее 40. Следует отметить, что для менее «жесткого» граничного условия, например, III рода, это ограничение может измениться до существенно меньших N .

Литература

1. *Лыков, А.В.* Теория теплопроводности / А.В. Лыков. – М., 1967.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 069 (091)

Д.В. Гончаренко

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент Р.С. Колокольчикова

НАУЧНО-ФОНДОВАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ СОВЕТСКИХ МУЗЕЕВ В СЕРЕДИНЕ 40-Х – СЕРЕДИНЕ 80-Х ГОДОВ XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ МУЗЕЕВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья подготовлена при поддержке ФЦП

*«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009 – 2013 гг.»,
соглашение № 14. В 37.21.0487*

В статье рассматриваются основные направления научно-фондовой работы в музеях Вологодской области в середине 40-х – середине 80-х гг. XX в. На основе анализа архивных материалов выявляются особенности в научном комплектовании фондовых собраний и влияние этих процессов на реализацию социальных функций музеев.

Научно-фондовая работа, социальные функции музея, научное комплектование фондов, музей, краеведческий музей, музейный экспонат, фондохранилище.

The article considers the main trends of the scientific and fund work in the museums of Vologda region in the mid-40^{ies} – mid 80^{ies} of the XXth century. The special features of scientific acquisition of fund collection and the influence of these processes on realization of social functions of museums are identified based on the analysis of archival materials.

Research and fund work, social functions of the museum, scientific acquisition of funds, museum, museum of local lore, museum piece, fund storage.

В современной музееведческой литературе под научно-фондовой работой понимается одно из самостоятельных и основополагающих направлений музейной деятельности, главными целями которой являются: целенаправленное формирование музейного собрания, его дальнейшее сохранение, изучение и презентация. Приоритетные задачи научно-фондовой работы следующие: выявление и отбор памятников музейного значения, научное изучение музейных коллекций, организация соответствующих условий для учета и хранения музейных ценностей, проведение комплекса консервационных и реставрационных работ [20, с. 200].

Организация научно-фондовой работы в любом музее находится в неразрывной взаимосвязи с осуществлением социальных функций музея и является главным фактором их успешной реализации. От того, насколько грамотно и эффективно организована научно-фондовая работа, в конечном счете, зависит успешность реализации всех направлений музейной деятельности.

В музееведении существуют различные подходы при определении социальных функций музея, однако, в большинстве случаев выделяются две основные функции: 1) функция документирования явлений и процессов в природе и обществе через сохранение и изучение культурного и природного наследия; 2) культурно-образовательная функция [19, с. 658]. Первая из вышеназванных социальных функций му-

зея реализуется посредством научного комплектования фондов, т.е. теоретической и практической деятельности музейных сотрудников по выявлению, сбору и научной организации музейных предметов. Вторая социальная функция музея также имеет неразрывную связь с научно-фондовой работой, поскольку сама специфика культурно-образовательной деятельности музея, как одной из специфических форм культурно-просветительного учреждения, предполагает опору на музейный предмет, особым образом отобранный, изученный и атрибутированный.

К 1945 г. в фондовых собраниях музеев Вологодской области насчитывалось около 175 тыс. предметов музейного значения. Наиболее представительными коллекциями музейных экспонатов располагали: Череповецкий краеведческий музей (62 тыс. единиц хранения), Вологодский областной краеведческий музей (49 тыс. единиц хранения), Тотемский (25 тыс. единиц хранения) и Великоустюгский (14 тыс. единиц хранения) краеведческие музеи [12, л. 34].

В первые послевоенные годы состав фондовых собраний вологодских музеев все чаще подвергался резкой критике со стороны органов управления культурой как не соответствующий современным идеологическим задачам, поставленным перед музеями партией и правительством. Так, например, в вину сотрудникам Вологодского областного музея

вменялось то, что все предшествующие десятилетия музейные фонды комплектовались не по плану, а «случайными» поступлениями экспонатов из церквей, монастырей, помещичьих усадеб и археологических раскопок, вследствие чего лишь небольшая часть музейных экспонатов могла быть использована для построения правильной в идеологическом отношении экспозиции. В богатейших этнографических коллекциях областного музея в этот период преобладали женские народные костюмы, кокошники, изделия из бересты, в то время как от музейных сотрудников требовалось экспонировать орудия труда и быта, отражающие бедность и отсталость дореволюционной деревни [3, л. 1].

Подобная критика привела к изменению подходов к методике и тематике комплектования музейных фондов и акцентированию собирательской работы музеев на материалах, отражающих успехи социалистического строительства в крае. Музейные собрания в массовом порядке стали пополняться материалами о механизации колхозных скотных дворов, о новых породах высокопродуктивного рогатого скота, о динамике роста урожайности и т.п. Одним из главных источников комплектования фондов становятся серии фотографий, отражающих работу промышленных предприятий, передовых колхозов и лесопунктов [1, л. 7], [2, л. 45, 73 – 75].

Стремление сконцентрировать собирательскую работу музеев на преимущественном показе успехов в развитии социалистической промышленности и сельского хозяйства при крайне слабой научной проработанности вопросов комплектования фондовых собраний нередко приводило к курьезным случаям. Так, в 1950 г. в фонды Никольского краеведческого музея поступила серия образцов новой продукции местной артели «Красный пищевик», состоявшая из фруктовых пряников (400 гр.), сладкого морса (250 гр.) и нескольких видов конфет (по 100 гр. каждого вида). В этом же году фонды Тотемского краеведческого музея пополнились образцами корнеплодов, турнепсом и брюквой [13, л. 119], [15, л. 122, 128].

Низкое число подлинно музейных предметов поступающих в фонды, их однотипность не могли не отразиться на качестве создаваемых музейных экспозиций, которые в первое послевоенное десятилетие строились преимущественно на вспомогательном материале не музейного значения [21, л. 43].

Серьезной проблемой, препятствовавшей во второй половине 40-х – начале 50-х гг. успешному комплектованию фондов, являлось слабое взаимодействие музеев и местного краеведческого сообщества по вопросам сбора музейных ценностей. Разгром краеведческого движения в стране в 1930-е гг., репрессии в отношении многих видных краеведов, ликвидация краеведческих организаций – все это привело к тому, что большинство музеев не имело вокруг себя сильного краеведческого актива и, соответственно, не могло рассчитывать на помощь краеведов в проведении собирательской работы. Это обстоятельство, а также крайне малочисленные музейные штаты и отсутствие финансовых средств на проведение экспе-

диционной работы приводило к тому, что большинство музеев не имело возможности полноценно комплектовать свои фонды.

В сентябре 1946 г. в соответствии с указанием Комитета по делам Культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР в музеях страны началась широкомасштабная инвентаризация фондовых собраний в целях выявления реального состояния системы учета и хранения музейных ценностей [18, с. 238]. Приказом по Вологодскому областному отделу Культурно-просветительной работы от 12 ноября 1946 г. музеям области устанавливались жесткие сроки ее окончания: Вологодскому, Тотемскому и Череповецкому – до 1 января 1948 г., остальным музеям области – до 1 января 1947 г. [21, л. 182]. Определение столь сжатых сроков сверки музейных экспонатов показывало полное непонимание органами управления культурой реально сложившейся ситуации в фондовом хозяйстве музеев. По всей видимости, областной отдел Культурно-просветительной работы имел крайне слабое представление об объеме накопленных музеями за предшествующие десятилетия музейных коллекций, условиях их хранения, состоянии учетной документации, а самое главное – о наличии в музеях квалифицированных специалистов, способных в столь сжатые сроки выполнить колоссальный объем работ по сверке наличия экспонатов с учетной документацией.

В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в большинстве музеев области всей фондовой работой заведовал лишь один научный сотрудник, который помимо основной деятельности постоянно привлекался к оформлению новых экспозиций, проведению экскурсий, чтению лекций и другим видам музейных работ. Отсутствие в музейных фондохранилищах систем отопления делало невозможным проведение работ по сверке в зимний период, что также в немалой степени сказалось на сроках ее завершения. Из-за указанных трудностей музеи области сумели завершить сверку экспонатов с учетной документацией лишь в начале 1950-х гг. [12, л. 7].

Завершившаяся инвентаризация фондового хозяйства позволила органам управления культурой и музейным работникам определить степень эффективности реализации одной из главных социальных функций музея – сохранения музейных ценностей для будущих поколений. Несмотря на имевшие место нарушения требований существовавших инструкций о порядке учета и хранения экспонатов, нищенское финансирование, острый кадровый дефицит и трудные военные годы, музеям области удалось практически полностью сохранить свои во многом уникальные фондовые собрания. По итогам сверки в Вологодском областном музее из более чем 50 000 экспонатов, занесенных в инвентарные книги, в наличии не оказалось лишь 187, в Великоустюгском краеведческом музее из 13572 единиц хранения оказались утраченными только 51 [14, л. 28], [15, л. 12]. Подобная статистика являлась характерной и для

других музеев области, что позволяет сделать вывод о высокой степени ответственности музейных работников в деле сохранения доверенных им музейных ценностей.

Начавшиеся в середине 1950-х гг. общие процессы демократизации советского общества привели к заметным изменениям в развитии музейного дела в стране, что не могло не отразиться и на научно-фондовой работе музеев. В годы хрущевской «оттепели» происходят существенные изменения в тематике и путях комплектования фондовых собраний, в организации научного изучения музейных коллекций, в системе учета и хранения экспонатов.

Одним из главных факторов, определивших появление новых направлений в научном комплектовании фондов, явилась подготовка к празднованию 40-летней годовщины Октябрьской революции. Как ни странно, но в преддверии столь знаменательной для советского общества даты выяснилось, что музеи области практически не располагают подлинными материалами, отражающими процесс установления советской власти в крае и соответственно не могут в полной мере осветить этот процесс в своих экспозициях [23, л. 8]. Причина подобного положения вещей – политика сталинских репрессий, борьба с «врагами народа», среди которых зачастую оказывались и бывшие революционеры, закрытость партийных архивов в предшествующие десятилетия.

Изменившаяся политическая ситуация в стране и новые директивные указания органов управления культурой привели к разрыванию во второй половине 1950-х гг. широкой кампании по сбору экспонатов, освещающих события Октябрьской революции в крае, борьбу за диктатуру пролетариата и первые шаги Советской власти. Проводя работу по комплектованию фондов, музейные работники устанавливали тесные контакты с участниками революции, регулярно выступали с обращениями по радио и в местной печати с призывами к населению об оказании помощи в сборе экспонатов, изучали материалы центральных и местных архивов [4, л. 4 – 5].

Вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг. стало временем небывалого роста общих объемов ежегодно поступающих в музейные фонды экспонатов. В рассматриваемое десятилетие фонды Вологодского областного и Череповецкого краеведческого музея ежегодно пополняются в среднем на 3 – 5 тыс. предметов. Не отставали от ведущих музеев области и другие краеведческие музеи, в которых также наблюдалась тенденция к стремительному росту фондовых поступлений. К примеру, в 1958 г. фонды Вытегорского краеведческого музеяполнились на 1748 предметов, что в два раза превышало число поступлений за предыдущий, 1957 г., и в 10 раз превышало объем экспонатов поступивших в музей в 1955 г. [24, л. 52].

Стремительный рост объемов проводимой собирательской работы никак не подкреплялся увеличением финансирования и укреплением кадрового потенциала музеев. В погоне за количественными показателями сотрудники музеев зачастую забывали об

элементарных принципах отбора предметов при проведении работ по комплектованию фондов. В результате в фондохранилища музеев поступало множество второстепенных и однотипных предметов, не имевших музейной ценности, но позволявших музейному руководству успешно отчитаться перед вышестоящими органами о высоких показателях проведенной собирательской работы.

В то же время конец 1950-х – первая половина 1960-х гг. становятся временем появления принципиально новых направлений в комплектовании фондов, связанных с изучением дореволюционного прошлого края. Вологодский, Череповецкий, Тотемский и ряд других музеев области приступили к организации этнографических и историко-бытовых экспедиций. В результате музейные фонды пополнились внушительными коллекциями экспонатов по народному творчеству и крестьянскому быту конца XIX – начала XX вв.: образцами крестьянской одежды и обуви, вышивками, набойными досками, предметами домашнего обихода и орудиями труда [5, л. 9], [6, л. 3].

Новым направлением в научном комплектовании музейных фондов в этот период стала организация музеями научных экспедиций для обследования памятников архитектуры и действующих церквей с целью выявления, взятия на государственный учет и вывоза в музейные хранилища произведений древнерусской живописи и скульптуры [17, л. 54].

В эти годы одной из главных проблем в научно-фондовой работе являлась ситуация, при которой темпы сбора новых экспонатов заметно опережали возможности музеев по научной обработке, изучению и презентации уже имеющихся коллекций. Научные работники музеев зачастую слабо ориентировались в огромной массе фондовых собраний. Характерной являлась ситуация, при которой отсутствовали деловые связи между сотрудниками отдела фондов и экспозиционных отделов. В Вологодском областном музее в рассматриваемый период сложилась практика, при которой сотрудники экспозиционных отделов не представляли в фондовый отдел соответствующих запросов о необходимых им предметах, а сотрудники фондов, не имея подобной информации, комплектовали фонды случайными предметами [25, л. 25 – 26].

Для характеристики музейной деятельности в нашей стране в период с середины 1960-х по середину 1980-х гг. в специальной музейведческой литературе зачастую используются такие понятия, как «музейный бум» или «музейный взрыв», суть которых отражает стремительный рост интереса различных категорий населения к музею как форме культурно-просветительного учреждения. В эти годы на научно-фондовую работу музеев по-прежнему существенное влияние оказывает политика партии и правительства, выражавшаяся в стремлении использовать музеи для пропаганды советской действительности и советского образа жизни. В соответствии с директивными указаниями советских и партийных органов музейные сотрудники должны были сосредоточить

основные усилия на отражении в фондовых собраниях тем, связанных с усилением роли партии в жизни советского общества, созданием материально-технической базы коммунизма, повышением материального благосостояния советских людей [9, л. 10 – 13].

Однако, несмотря на возрастающее идеологическое давление, период «музейного бума» становится временем стремительного подъема интереса со стороны музейных работников и общественности к вопросам дореволюционной истории края, к изучению этнографических и археологических материалов, к делу охраны памятников истории и культуры.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. во многих музеях области складывается своеобразная практика научного комплектования фондов. Выполняя директивы вышестоящих органов о доминирующей роли отделов Советского периода, музейные работники зачастую ограничивались сбором фотоматериалов, грамот и дипломов, отражающих советскую действительность, а основные кадровые и финансовые ресурсы музеев направляли на изучение тем, далеких от современности.

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. в научно-фондовой работе музеев главный акцент делался на всестороннем изучении и сохранении уникальных фондовых собраний. Музеями области проводилась целенаправленная работа по формированию специализированных фондов звукозаписей, микрофильмов, продолжается пополнение и систематизация фондов негативов, что оказывало положительное воздействие на совершенствование форм экспозиционной и научно-просветительной работы [10, л. 14].

Анализ тематического состава поступающих в музейные фонды экспонатов позволяет сделать вывод о том, что с конца 1960-х гг. начинается процесс постепенного снижения доли предметов, характеризующих советскую действительность, объем которых в предшествующие десятилетия доходил до 60 – 70 % от общего числа фондовых поступлений. Так, если в 1970-е гг. фонды Вологодского областного музея ежегодно пополнялись на 45 – 50 % экспонатами по отделу Советского периода, то в первой половине 1980-х гг. объем подобных предметов сокращается до 20 – 25 % [7, л. 19], [8, л. 8]. Аналогичная ситуация характерна и для музея крупного промышленного центра с динамично развивающейся промышленностью – Череповецкого краеведческого музея, в собирательской работе которого традиционно большое внимание уделялось отражению успехов советской экономики. Однако к середине 1980-х гг. и здесь наблюдается изменение приоритетов в тематике научного комплектования фондов. Доля экспонатов по отделу Советского периода снижается к этому времени до 17 – 20 % от общего числа фондовых поступлений [11, л. 1].

Таким образом, научно-фондовая работа в период

с середины 1940-х по середину 1980-х гг. XX в. являлась одним из определяющих факторов реализации социальных функций советских музеев. На формирование приоритетов в научно-фондовой работе музеев традиционно большое влияние оказывала общая политическая ситуация в стране и директивные установки партии и правительства. Если в первое послевоенное десятилетие музеи области были вынуждены акцентировать собирательскую работу на преимущественный показ успехов социалистического строительства в крае, то с середины 1950-х гг. общие процессы демократизации советского общества привели к заметному расширению тематики научного комплектования фондовых собраний. Начиная со второй половины 1960-х гг., несмотря на возрастающее идеологическое давление, музейные работники в значительной мере пересматривают подходы к комплектованию музейных фондов. Научно-фондовая работа все более акцентируется на выявлении, сборе, научном изучении и сохранении подлинно музейных ценностей, отражающих многовековую историю, культуру и традиции региона, что становится одним из главных факторов успешной реализации социальных функций музеев.

Источники и литература

1. Архив Вологодского областного краеведческого музея (Архив ВОКМ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 104.
2. Архив ВОКМ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 115.
3. Архив ВОКМ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 131.
4. Архив ВОКМ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 263.
5. Архив ВОКМ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 349.
6. Архив ВОКМ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 373.
7. Архив ВОКМ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 781.
8. Архив ВОКМ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1097.
9. Архив Череповецкого Музейного объединения (Архив ЧерМО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 96.
10. Архив ЧерМО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 136.
11. Архив ЧерМО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 321.
12. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 4794. – Оп. 1. – Д. 82.
13. ГАВО. – Ф. 4794. – Оп. 1. – Д. 389.
14. ГАВО. – Ф. 4794. – Оп. 1. – Д. 186.
15. ГАВО. – Ф. 4794. – Оп. 1. – Д. 391.
16. ГАВО. – Ф. 4794. – Оп. 1. – Д. 461.
17. ГАВО. – Ф. 4795. – Оп. 6. – Д. 71.
18. Златоусова, В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945 – 1985 гг.) / В.И. Златоусова // Музей и власть. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 226 – 297.
19. Музейное дело России / под ред. М.Е. Каулен, И.М. Косовой, А.А. Сундиевой. – М., 2010.
20. Основы музееведения: учеб. пособие / отв. ред. Э.А. Шулепова. – М., 2010.
21. Череповецкий центр хранения документов (ЧЦХД). – Ф. 922. – Оп. 1. – Д. 109.
22. ЧЦХД. – Ф. 922. – Оп. 1. – Д. 116.
23. ЧЦХД. – Ф. 922. – Оп. 1. – Д. 162.
24. ЧЦХД. – Ф. 922. – Оп. 1. – Д. 185.
25. ЧЦХД. – Ф. 922. – Оп. 1. – Д. 222.

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ГОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (1907 – 1912 ГГ.)**

Научная статья посвящена проблемам развития инфраструктуры в Санкт-Петербургской губернии в годы деятельности III Государственной Думы. В данной работе определяется уровень развития инфраструктуры в Петербургской губернии в начале XX в., анализируются законопроекты, которые обсуждались на заседаниях III Государственной Думы.

Инфраструктура, III Государственная Дума, Санкт-Петербургская губерния, Министерство Путей Сообщения, Комитет Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог, казенное шоссе, железные дороги, земство, законопроекты.

The article is devoted to the problems of development of infrastructure in St. Petersburg province in the years of the 3^d State Duma. The level of infrastructure development in St. Petersburg province of the beginning of the XXth century is defined. The bills discussed at the meetings of the 3^d State Duma are analysed in the paper.

Infrastructure, III State Duma, St. Petersburg province, Ministry of Communications, State Committee of waterways and highways, government roads, railways, zemstvo, bills.

В начале XX в. инфраструктура играла важную стратегическую роль и оказывала большое влияние на экономический рост края. Общее протяжение шоссейных дорог в Петербургской губернии в начале XX в. превышало 1 тыс. верст, в губернии было 325 грунтовых дорог (не считая проселочных). На территории губернии проходило четыре транзитных трассы: Московская, Варшавская, Нарвская, Выборгская. Часть шоссе содержалась на государственный счет, остальная часть находилась под контролем губернского земства. На основании Положения 22 июня 1902 г. Комитета Министров казенные шоссе ведомства путей сообщения в пределах Санкт-Петербургской губернии были переданы во временное, сроком на 25 лет, управление Санкт-Петербургского губернского земства с пособием от казны. Из отчета начальника Санкт-Петербургской губернии за 1901 г. следует, что «деятельность земства не вполне удовлетворительна. Для приведения в полную исправность всей сети местных путей сообщения остается сделать еще многое» [7, л. 11].

Дороги в губернии были запущенными и неухоженными. Общая протяженность шоссе, требующих перестройки, была определена в 55 верст. Из доклада Санкт-Петербургской земской управы можно сделать вывод о том, что «состояние наших дорог уже описано нами, и Вы изволите видеть, что оставить их в таком положении невозможно. Архангельский тракт, соединяющий Санкт-Петербург с Архангельском, едва ли не самый худший в губернии» [6, л. 67]. Министр Путей Сообщения Рухлов С.В. в своем докладе отмечал плохое качество шоссейного покрытия, в частности: «щебеночная кора не только на пучистых местах, но на участках шоссе, признаваемых относительно здоровыми, крайне слаба и загрязнена посторонними примесями» [4, л. 13]. Многие участки шоссе нужно было перестраивать заново. Также он отметил, что «земство ежегодно расходует совершенно непроизводительно большие

суммы на поддержание разными паллиативными мерами расстроенных участков шоссе» [4, л. 11]. Основным препятствием неудовлетворительного состояния дорог был недостаток средств и крайняя медлительность их ассигнования.

В начале XX в. стала разветвляться сеть железных дорог. Их общая протяженность составляла свыше 1 тыс. верст. По территории губернии проходили Николаевская, Варшавская, Балтийская железные дороги, которые через Тосно были связаны с Николаевской. Создавались новые рельсовые пути. Они были проложены через Шлиссельбургский, Новоладожский, Лужский, Ямбургский и Царкосельский уезды и оказывали благоприятное влияние на развитие отдаленных от экономических центров местностей. Несмотря на строительство новых железных дорог, ощущался недостаток вагонов в пассажирских поездах. Особенно остро это чувствовалось в подвижном составе Балтийской железной дороги. Губернская газета «Нарвский листок» писала о недостатке вагонов в пассажирских поездах:

«Наиболее ощущался этот недостаток летом и особенно накануне праздников. В связи с отсутствием свободных мест, значительной части пассажиров пришлось остаться в Санкт-Петербурге в ожидании следующего поезда. В Нарве по прибытии поезда наши извозчики брались с боя» [1, с. 3]. Поэтому перед депутатами III Государственной Думы встала задача выработки и проведения в действительность более определенных планов по развитию инфраструктуры: увеличение кредитов на строительство и ремонт шоссе, улучшение материального положения земства, общее улучшение обстановки.

В течение короткого времени III Государственной Думой обсуждалось несколько законопроектов по эксплуатации шоссейных дорог. Земство на ремонт дорог в Санкт-Петербургской губернии запросило отпустить из казны 600 тыс. руб. Для обсуждения этого вопроса была создана межведомственная ко-

миссия, согласно решению которой, сумма была снижена до 500 тыс. руб. Земства обратили внимание Комитета Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог на то, что вышеуказанная сумма представлялась недостаточной, более того «отпуск этой суммы облегчит лишь задач земства, но не разрешит всех тех затруднений, с которыми ему долго еще придется иметь дело, в виду, с одной стороны, предварительного состояния казенных шоссе петербургской губернии вообще и, с другой стороны, вследствие предъявляемых к ним требований, которые с каждым годом, в особенности по мере развития автомобильного движения, повышаются все более и более» [4, л. 15].

Согласно запросам земства, из государственного казначейства были выделены средства по перестройке пяти участков Санкт-петербургских казенных шоссе. Особое внимание было уделено Царскосельскому шоссе, так как оно вело к Царской резиденции и летом 1907 г. планировалась автомобильная гонка Царское Село – Москва. Ввиду этих причин земство начало работы по перестройке пучистого участка, протяжением 100 погонных сажений, на шоссе Царское Село – Колпино еще в 1906 г. Пучисые, с впадинами и горбами участки дороги появлялись осенью или весной от совокупного влияния сырости и мороза. Чтобы предохранить шоссе от этих повреждений, пучистые или неровные места застилали хворостом и убирали его после просушки.

Подобная работа по перестройке двух неровных участков Петергофского шоссе была включена земством в смету на содержание казенных шоссе в текущем 1907 г. Санкт-Петербургское губернское земское Собрание ходатайствовало о возможно быстром начале ремонтных работ. Также Собрание отмечало, что «откладывать эту работу нежелательно, так как вследствие громадного движения по Петергофскому шоссе является неизбежным дальнейшее ухудшение участков, что, в свою очередь, удорожит работы по их исправлению» [2, л. 4]. Государственной Думой был одобрен законопроект, и Государственным Советом принят закон об отпуске из государственного казначейства в 1909 г. 9464 руб. в безвозвратное пособие петербургскому губернскому земству на работы по перестройке поврежденных мест на Царскосельском и Петергофском шоссе. Помимо этого были выделены средства на перестройку шоссе Пулковое – Гатчино и Пулковое – Лигово, Гдовского шоссе, Московского шоссе: перегон Средняя Ргатка – Ям Ижоры. На проведение этих работ из государственного казначейства было выделено в 1912 и 1913 гг. по 150605 руб. 50 коп. в год на исправление пучистых и осевших мест на казенных шоссе Санкт-Петербургской губернии.

В III Государственной Думе обсуждался вопрос об убыточности Островской заставы, которая была учреждена в 1838 г. в г. Остров, в месте соединения Островского шоссе с Двинским. После передачи значительной части казенных шоссе местного значения в заведывание земств (на основании правил 1882 г.) доход казны от шоссейного сбора начал постепенно

падать и казна несла убыток по содержанию заставы. О прекращении взимания дорожного сбора ходатайствовали местные органы ведомства путей сообщения, городские общественные правления, местная губернская администрация, и, наконец, отдельные лица из состава местного населения. Согласно закону от 11 апреля 1911 г. в Петербургском округе путей сообщения из-за убыточности содержания для казны застава была упразднена. Упразднение этой заставы облегчило населению способы передвижения, очень важного в интересах экономического развития региона.

Особое внимание было уделено строительству новых железнодорожных путей, что способствовало промышленному развитию региона. Одним из вопросов, который обсуждался на заседаниях III Государственной Думы, было строительство соединительной линии между русскими и финляндскими железными дорогами. Этот проект разрабатывался совместно с Финляндским Сеймом еще в 1899 г. Часть путей проходила по территории Петербургской губернии. Данная линия имела большое экономическое и военное значение. Согласно проекту, одобренному органами Управления железными дорогами, «указанная ветвь назначается для воинского движения с дорог, а также для пассажирского движения. Этим же путем будет совершаться и весь коммерческий обмен между прилегающими к линии дорогами: Северо-Западными и Санкт-Петербургско – Витебской с Финляндской Соединительной линией» [3, л. 4]. Вопрос о строительстве соединительной линии железных дорог рассматривался Особой комиссией во главе с графом Игнатьевым. Проблема поиска средств для строительства обсуждалась с 1904 по 1907 гг., несмотря на то, что часть затрат на постройку брало на себя финляндское казначейство. Окончательно вопрос о стоимости работ был решен в 1908 г. Министр Путей Сообщения представил на рассмотрение Государственной Думы вопрос о строительной стоимости работ. В результате «стоимость всех работ по постройке Финляндской Соединительной ветви составила 1 717 200 руб., т.е. на 497 800 руб. меньше, чем было предположено по первоначальным соображениям» [3, л. 4]. После обсуждения этого законопроекта в Комиссии по Пулям Сообщения расценочная ведомость была вновь изменена и количество выделенных средств было вновь уменьшено, и «общая сумма составила вместо 1 717 200 руб. в сумме 1 682 932 руб» [3, л. 5]. Средства были выделены в 1911 г., а окончание работ планировалось к началу 1913 г. Общая протяженность Соединительной линии по установленному направлению составляло 24567 верст. При этом сети железных дорог сообщались лишь одной линией Санкт-Петербург – Гельсингфорс, не имеющий до Выборга никаких ответвлений, «что признается совершенно недостаточным» [5, л. 16]. Поэтому правительством было признано необходимым устройство еще второй магистральной линии Николайстадт – Санкт-Петербург, для осуществления нужно было построить новые рельсовые пути, один из участков –

Расули – Санкт-Петербург, находился на территории Санкт-Петербургской губернии. В Финляндском сейме вопрос о строительстве магистрали был приоритетным. Согласно мнению Правительства «наибольшее местное значение имеет головной участок линии Санкт-Петербург – Расули, в виду развития дачной жизни, которая до сих пор остается почти неиспользованной» [5, л. 45]. Предложения частных предпринимателей по устройству электрической тяги на этом участке были отклонены правительством. Участок Санкт-Петербург – Расули, пролегающий в пределах Санкт-Петербургской губернии, должен был быть построен за счет государственного казначейства. По данным журнала Совета Министров «общая стоимость работ составила 7 079 000 руб. и постройка могла бы быть закончена к концу 1914 г.» [5, л. 44].

Рассмотренные III Государственной Думой законопроекты по вопросам развития инфраструктуры носили умеренный характер. В прежних темпах продолжался ремонт шоссе. Количество выделенных средств хватало на минимальное удовлетворение срочных нужд по ремонту шоссе. Размер необходимых средств зачастую занижался. В отли-

чие от шоссе дорог, которые были подчинены земству, железные дороги находились на казенном обеспечении. В III Государственной Думе обсуждался вопрос об устройстве важного соединительного узла между русскими и финляндскими железными дорогами. Было признано необходимым устройство нового рельсового пути Николайстадт – Санкт-Петербург. Наметился прорыв в железнодорожном строительстве. Железные дороги играли важную стратегическую роль, способствовали экономическому развитию Санкт-Петербургской губернии, содействовали активному заселению пригородных территорий и развитию дачной жизни.

Источники и литература

1. Нарвский листок. – 1901. – № 41.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1278. – Оп. 2. – Д. 727.
3. РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 2. – Д. 1406.
4. РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 2. – Д. 1411.
5. РГИА. – Ф. 1278. – Оп. 2. – Д. 2206.
6. РГИА. – Ф. 1341. – Оп. 118. – Д. 684.
7. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. – Ф. 253. – Оп. 7. – Д. 48.

УДК 94(47).084

А.И. Трофимова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор М. А. Безнин

ПОЛИТОТДЕЛЫ СОВХОЗОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РСФСР В 1930-Х ГГ.

В статье рассматриваются основные направления деятельности политотделов совхозов на Европейском Севере России в 1930-е гг., показывается их роль в организации и развитии совхозного сектора аграрной экономики.

Политотделы, совхозы, Северный Край, кадровые чистки.

The article considers the main activities of political departments of state farms in the European North of Russia in the 1930^s and their role in organization and development of state-farm sector of agrarian economy.

Political departments, state farms, Northern Region, personnel purge.

Политотделы – оригинальное советское изобретение. Впервые они появились в середине 1918 г. на фронтах Гражданской войны, а ликвидированы только в 1991 г. В отдельные периоды истории, когда обычные гражданские институты не справлялись с ситуацией и не могли осуществлять нужные партии мероприятия в той или иной сфере, тогда создавались чрезвычайные органы управления – политические отделы (политотделы).

В 1932 – 1933 гг. в совхозном секторе аграрной экономики сложилась чрезвычайная обстановка. Активно строящиеся совхозы не справлялись с организацией и управлением крупным хозяйством. Самой острой проблемой была почти безвыходная ситуация с кадрами. Нехватка рабочих рук, сильная текучесть персонала, отсутствие квалифицированных работников, неблагонадежность имеющихся – все это стави-

ло под угрозу само существование совхозного сектора. Кроме того, процветало воровство, а на территориях, отводимых совхозам, проживала масса недозволенного населения. В январе 1933 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение о создании политотделов в МТС и совхозах [37, с. 21 – 32]. В совхозах политотделы действовали до 1940 г. [30, с. 163 – 170] Создавались они не во всех северных совхозах, только в наиболее крупных и значимых в хозяйственно-политическом отношении, республиканского и союзного значения. В пригородных совхозах, оленесовхозах политотделов не было. Всего же на Европейском Севере РСФСР был создан 21 политотдел: 17 – в совхозах Вологодской области, 3 – Архангельской области, 1 – в совхозе «Им. X-летия Коми обл.» [5].

Основной задачей политотделов совхозов и МТС,

что было определено на январском Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 г., являлось очищение совхозов от «классово-враждебного элемента», а также борьба с «вредителями», ворами, саботажниками [28, с. 521], что было подтверждено приказом ПУНСа (Политического Управления Наркомата Совхозов) № 42 от 15 февраля 1933 г. [7, л. 1]. Для решения этой задачи политотделы наделялись особым статусом. Согласно этой же резолюции, начальник политотдела совхоза, являясь одновременно заместителем директора совхоза по политработе, осуществлял полное руководство партийной и комсомольской работой и нес полную ответственность за партийно-политическую работу совхоза перед секретариатом обкома или крайкома ВКП(б).

Наравне с директором начальник политотдела был ответственен за полное и своевременное выполнение плана сдачи товарной продукции [28, с. 522 – 523]. На Европейском Севере России фактов снятия с должности начальника за развал хозяйственной работы неизвестно, а вот директоров совхозов за это увольняли регулярно [10, л. 11], [18, л. 24, 25, 29], [19, л. 209], [22, л. 44]. Для обеспечения непрерывной деятельности политотдела начальник не имел права выезжать за пределы вверенного совхоза без особого на то разрешения ПУНСа, СевКрайкома / Обкома или ЦК ВКП(б) [7, л. 11]. В отпуск сотрудники политотделов совхозов отправлялись поочередно, только с разрешения начальника ПУНСа [11, л. 11]. В период основных сельскохозяйственных кампаний отпуска политотдельцам были запрещены [6, л. 16].

Чистка партийных рядов совхозов на Европейском Севере РСФСР политотделами, инициированная вместе с созданием политотделов на селе, не состоялась ввиду крайне небольшого количества членов партии в совхозах. На Краевом совещании начальников политотделов совхозов и МТС в 1935 г. было отмечено: «Вообще, в сельской местности кто коммунисты? Директор, мы – политотдельцы, и еще человек два и все» [20, л. 169]. Выявление классового врага – «жулика с партбилетом» – происходило крайне редко и исключение из рядов партии происходило действительно по объективным причинам.

В целом же, совхозы Европейского Севера РСФСР сильно пострадали от чистки совхозных кадров. Административно-высланные, спецпереселенцы и прочие «чуждые» и «лишенцы», тысячами высылаемые из южных, западных и центральных регионов на Европейский Север, не имея возможности трудоустройства в городах, не могли и вступить в колхоз. Совхозы, испытывавшие в начале 1930-х гг. крайнюю нужду в работниках разного уровня, чаще всего брали этих людей на работу, не спрашивая об их происхождении. Кроме «чуждого элемента» других желающих трудиться и жить в крайне стесненных условиях, необустроенным бытом, скудным питанием, маленькой зарплатой при тяжелой работе почти не находилось. Политотделам не приходилось их долго искать, «чуждые» составляли большую часть работников в каждом северном совхозе.

В ноябре 1933 г. начальник политотдела совхоза «Красноборский» в своем политдонесении сообщал, что «из совхоза вычищено свыше 167 кулаков, административно высланных и прочих классово-чуждых элементов. Все они до политотдела спокойно работали в совхозе... В совхозе было более половины рабочих – классово-чуждых» [16, л. 162 об.]. В совхозе «Коротыгино» «политотдел выявил и выгнал свыше 100 классово-чуждых элементов» [29] при среднегодовой численности работников 264 человека [34, л. 15], в Холмогорском госплемрассаднике за 1933 – 1934 гг. было вычищено свыше 400 человек [13, л. 6] при среднегодовой численности 394 [34, л. 3], в «Черевково» из общей численности 378 работников было вычищено 45 % [16, л. 145]. В совхозе «Новое» вычищено 180 человек при среднегодовой численности 312 [20, л. 6], [34, л. 15], при этом 30 % оставшихся после чисток работников тоже были административно-высланными [20, л. 6]. На практике же происходило механическое переселение этих людей из совхоза в совхоз до очередной чистки.

Поскольку на работу в совхоз старались устраиваться все трудоспособные члены семей «классово-чуждых элементов», политотделы с гордостью рапортовали о выявлении «бандитских шаек», «преступных семейств», «вредительских группах» [33, с. 45], [29, с. 29], [31, с. 39] не только в своих политдонесениях, но и на страницах политотдельских газет и краевой периодической печати. Так, политотдел совхоза «Северная Ферма» выявил семейство бывшего управляющего фермой, работавшего в этом хозяйстве еще при помещике. «Эта теплая компания работала дружно: сын трактористом, дочь счетоводом, отец старшим рабочим фермы. Как и следовало ожидать, вели разлагательскую работу на ферме и спаивали рабочих» [32, с. 20]. Вина большинства вычищаемых работников была довольно сомнительной, а чаще просто придуманной. По мнению А.В. Филимонова, истинная цель совхозных чисток – приведение работников совхозов к некоему идеалу в смысле социального происхождения, имущественного положения, характера поведения, отношения к собственности [35, с. 91]. В отношении совхозного социума северных совхозов чистки имели еще и воспитательное значение. Демонстрировалось, какое значение для государства имеет совхозный сектор, насколько серьезным должно быть отношение к труду в совхозе и совхозному, т.е. государственному, имуществу.

Зачастую политотделы выявляли настоящих преступников, чем смогли приостановить захлестнувшее совхозы воровство. Расхитители социалистической собственности расценивались как классовые враги, «боровшиеся за разложение совхоза» и подлежали суду. Так, в совхозе «Победа» (бывший «Им. Контрина») за 1933 г. в народный суд было передано 10 дел по кражам совхозного имущества [16, л. 234]. Самым распространенным типом преступлений, вскрываемых политотделами, были кражи молока с ферм и урожая с полей и огородов [9, л. 24], [12, л. 86]. В совхозе «Молочное» в январе 1934 г. по-

литотдел раскрыл схему хищения молока с участием бригадира фермы, учетчика, доярок, скотника и молоковоза. Всего этой группе удалось похитить свыше тонны молока и сливок [31, с. 39]. В 1937 г. политотдел совхоза «Бушуиха» сообщал «нет никакой гарантии, что зерно, вывезенное в поле, не могут похитить, необходимо обратить внимание за контролем надоя молока, которое крадут все, начиная от сторожей, закачивая доялками» [4, л. 24]. Особое возмущение вызывали факты воровства со стороны партийных и комсомольцев [2, л. 5, 16], [21, л. 46].

Политотделы боролись с пьянством, хоть и не победив его совсем, создали общественно-нетерпимую обстановку к этому явлению, укрепили трудовую дисциплину, выгоняя из совхозов «пьяниц, лодырей, лентяев и прогульщиков», которые объявлялись «пособниками кулаку» [17, л. 49], [25, с. 49], [27], [36]. Партийно-организационная работа политотделов совхозов была направлена на усиление влияния ВКП(б) на селе. Политотделы сделали организации ВКП(б) и ВЛКСМ опорой режима в деревне, возложили на них ответственность за политическое и хозяйственное состояние трудовых коллективов. Данный аспект деятельности политотделов подробно рассмотрен в работах Богденко М.Л., Зеленина И.Е., Шевлякова А.С. [1], [24], [38], [39].

Развернувшаяся борьба политотделов за большевистское сознание всех работников совхозов проходила по нескольким направлениям: непосредственно партийная работа, включающая проведение партсобраний, организацию партийных и комсомольских ячеек по производственному принципу – на отделениях и фермах, формирование пионеротрядов из подростков, партучебу; широкое использование современных на то время средств массовой информации, как-то: выпуск стенгазет, собственных периодических газет-многотиражек¹, распространение краевой и центральной партийной и сельскохозяйственной прессы, организация обучения по громкой радиосвязи, приобщение к большевистской культуре через демонстрацию кино [8, л. 1]. Эффект этой деятельности политотделов нельзя не учитывать, поскольку трудовой энтузиазм работников совхозов

было необходимо поддерживать путем осознания причастности каждого к великому делу строительства социализма.

Вообще сфера интересов политотдела совхоза в этот период была весьма широка. Так, согласно приказу ПУНСа № 27 от 31 марта 1933 г., политотдел контролировал работу строительных организаций в совхозах [2, л. 4], согласно приказу № 30 от 5 апреля 1933 г., производил оперативную работу по взысканию задолженностей с колхозов и районных организаций в пользу совхоза, прибегая в случае необходимости к судебно-репрессивным мероприятиям [2, л. 16], согласно приказу № 51 от 13 апреля 1933 г., снимал с работы всех «прогульщиков, лодырей и рвачей» [2, л. 19], согласно приказу № 68 от 10 мая 1933 г. организовывал быт и досуг работников совхоза [2, л. 28], согласно приказу № 71 от 15 мая 1933 г., контролировал своевременную уборку, косьбу, скирдование и охрану на сенокосе [2, л. 30], согласно приказу № 42 от 8 апреля 1934 г., организовывал совместно с профсоюзом производственно-товарищеские суды в совхозах [3, л. 30], согласно приказу № 82 от 5 июня 1934 г., проводил вербовку рабочей силы из единоличников и колхозников на уборочную кампанию [3, л. 48]. Список подобных приказов очень обширен, касались они практически всей жизнедеятельности совхозов. Поскольку политотделы обладали весьма широким кругом полномочий, зачастую это обстоятельство способствовало складыванию в совхозах двоецентриа, осложнению взаимоотношений с дирекциями. Ослаблялся авторитет как директора, так и бригадиров и управляющих, при том, что они, в свою очередь, не могли влиять на деятельность политотдела. Порой конфронтация директор – начальник политотдела принимала весьма острые формы.

Вопросы организации труда, производственного обучения, формирования и укрепления постоянных отделений бригад, налаживания дисциплины труда, развития ударничества и соцсоревнования решались политотделами северных совхозов весьма эффективно. Из политдонесения по работе политотдела Коротыгинского совхоза за период с 1 по 10 мая 1933 г.: «Завели Красные и Черные доски, доски показателей, всех охватили соцсоревнованием, как бригадно, так и индивидуально. Из учащихся совхозуча создали культбригаду, которая ежедневно выступает с постановками в бригадах во время перекуров. Значительно улучшили питание рабочих, которые говорят, что так хорошо кормят впервые за четыре года. Рабочие заявляют, что теперь работать – сердце радуется» [16, л. 15]. Подобные сообщения политотделов присылались практически из каждого совхоза [15, л. 17, 57, 58], [16, л. 40, 65, 130, 145, 164, 234], [17, л. 32, 74, 78 об., 100, 112 об.].

По инициативам политотделов в совхозах открывались парикмахерские, бани, прачечные, библиотеки. Совхозные клубы стали важнейшим пунктом социо-культурной деятельности политотделов: появлялись пункты ликбеза, проводились курсы агротехнической и зооветучебы, слеты ударников, партсобра-

¹ Собственные газеты выпускались большинством политотделов совхозов (например, «Совхозная стройка» – «Бушуиха»; «За социалистическое животноводство» – совхоз им. Вл. Иванова В. Устюг; «За совхоз!» – «Черевковский»; «За социалистические кадры» – «Молочное»; «Сталинский ударник» – «Минькино») с периодичностью раз в три – пять дней, тиражом 100 – 400 экземпляров в зависимости от размера совхоза. В этих газетах широко освещались важнейшие производственные задачи совхоза, обсуждались проблемы, порицались нерадивые работники, однако основная часть газетных полос, как правило, отводилась перепечаткам из центральной прессы, чаще всего «Правды» и «Совхозной газеты». Источники: ГААО Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 2. – Д. 30. – Л. 71 об.; Д. 31. – Л. 73 об.; ВОАНПИ. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 14; Ф. 8657. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 121; Обзор печати // Большевистская мысль. – 1935. – № 21. – С. 39; ГААО Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1589. – Л. 54.

ния, демонстрировалось кино, собирались члены ОСОАВИАХИМа, СВБ, культармейцы. На особом контроле политотделов находились столовые и подсобные хозяйства, совхозрабкоопы [14, л. 269]. В крупных совхозах («Молочное», «Черевково», «Холмогорский», «Северная Ферма») организовывались школы стахановцев, вечерние школы, детские ясли. На языке тех лет все это называлось «заботой о живом человеке», чего так недоставало директорам и управляющим совхозов. Рядовые рабочие чутко воспринимали отношение к ним со стороны начальства, что значительно улучшало мотивацию труда, закрепляло постоянные кадры. На практике при помощи политотделов воплощался лозунг, выдвинутый Вл. Ивановым на краевом слете сталинских ударников животноводства: «У нас тот будет жить хорошо, тот быстро пойдет к зажиточной жизни, тот будет иметь вдоволь всего, кто будет хорошо и добросовестно работать» [25, с. 28].

Отдельные начальники, напротив, обходили стороной организационно-хозяйственную работу, как, например, в совхозе «Имени X-летия Коми АССР». Рабочие этого совхоза жаловались в 1936 г. «Борьбы с прогульщиками политотделом не ведется, выплата зарплаты задерживается больше, чем на два месяца, общественное питание не налажено, начальник политотдела Павленков никому ничего не доверяет» [26, с. 23]. В таких редких случаях оказывалась низкой трудовая дисциплина, увеличивалась текучесть кадров, соцсоревнования и ударничество не развивались, что, в конечном итоге, сказывалось на уровне производства.

Итак, политотделы сыграли значительную роль в совхозном строительстве на Европейском Севере РСФСР, особенно в свой первый призыв, в 1930-е гг. Это был настоящий, активно действующий агент партии и государства по управлению социалистической собственностью. Негативной оценки заслуживают действия политотделов по чистке совхозных кадров, что зачастую обескровливало производство, а также чрезмерное вмешательство в хозяйственную деятельность совхозов, при том, что почти никто из политотдельцев не имел специального сельскохозяйственного образования. Эти недостатки с лихвой компенсировались укреплением организации совхозов, повышением эффективности производства, развитием совхозного социума. Политотделы помогли запустить совхозный механизм, заставив каждое звено работать так, как этого требовало государство. Благодаря деятельности политотделов в северных совхозах насаждалась городские культура и быт, повышалась социальная активность всех сотрудников, прививались советские нормы морали и поведения. Особенности функционирования политотделов совхозов на Европейском Севере России проявлялись в их большей самостоятельности в силу значительной удаленности от руководства, направленности на созидательную работу, а не карательно-репрессивные действия.

Источники и литература

1. Богденко, М.Л. Совхозы СССР. Краткий исторический очерк (1917 – 1975 гг.) / М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин. – М., 1976.
2. Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ). – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 16.
3. ВОАНПИ. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 18.
4. ВОАНПИ. – Ф. 22. – Оп. 1. – Д. 60.
5. ВОАНПИ. Ф. 23 («Бушуиха»), Ф. 8657 («Воронино»), Ф. 1346 («Дикое»), Ф. 3234 («Комсомолец»), Ф. 1573 («Коротыгино»), Ф. 611 («Куркино»), Ф. 832 («Марковское»), Ф. 1616 («Минькино»), Ф. 1922 («Молочное»), Ф. 3254 («Нефедово»), Ф. 3253 («Остахово»), Ф. 833 («Победа»), Ф. 2330 («Подъем»), Ф. 3223 («Политотделец»), Ф. 8327 («птицесовхоза № 64»), Ф. 3255 («Северная ферма»), Ф. 647 («Шуйское»); ГААО Отдел социально-политической истории. Ф. 1829 («Холмогорский ГПР»), Ф. 2115 («Черевковский»).
6. ВОАНПИ. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 18.
7. ВОАНПИ. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 2.
8. ВОАНПИ. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 30.
9. ВОАНПИ. – Ф. 3234. – Оп. 1. – Д. 24.
10. ВОАНПИ. – Ф. 7852. – Оп. 1. – Д. 3.
11. ВОАНПИ. – Ф. 8657. – Оп. 1. – Д. 2.
12. ВОАНПИ. – Ф. 1921. – Оп. 1. – Д. 30.
13. Государственный архив Архангельской области (ГААО). Отдел социально-политической истории. – Ф. 1828. – Оп. 1. – Д. 17.
14. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1411.
15. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1554.
16. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 1. – Д. 1555.
17. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 2. – Д. 1424.
18. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 2. – Д. 1425.
19. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 290. – Оп. 2. – Д. 30.
20. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 179.
21. ГААО. Отдел социально-политической истории. – Ф. 296. – Оп. 1. – Д. 180.
22. ГААО. – Ф. 2059. – Оп. 1. – Д. 31.
23. За превращение Северного Края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса: сб. материалов для партийного, комсомольского, советского, профсоюзного совхозного и колхозного актива. – Архангельск, 1933.
24. Зеленин, И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928 – 1941 гг. / И.Е. Зеленин. – М., 1982.
25. Иванов, Вл. Доклад секретаря Севкрайкома ВКП(б) на краевом слете сталинских ударников животноводства 24 октября 1933 г. / Вл. Иванов // За превращение Северного Края в мощную социалистическую фабрику молока и мяса: сб. материалов для партийного, комсомольского, советского, профсоюзного совхозного и колхозного актива. – Архангельск, 1933. – С. 7 – 49.
26. Колбин, Н. За оперативное руководство / Н. Колбин // Большевицкая мысль. – 1936. – № 9. – С. 22 – 24.
27. Лесков, А. За образцовый стахановский совхоз / А. Лесков // Большевицкая мысль. – 1936. – № 9. – С. 24.
28. Материалы С.П. ВКП(б) в резолюциях и решениях. Ч. 2. – М., 1936.
29. Немков, А. Укрепить животноводческие совхозы / А. Немков // Большевицкая мысль. – 1933. – № 10. – С. 25 – 30.

30. О мерах по улучшению работы совхозов Наркомсовхозов: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП/б/ 17 марта 1940 г. // Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. – 1940. – № 6. – С. 163 – 170.

31. Обручев, С. Сила большевистской критики / С. Обручев // Хозяйство Севера. – 1935. – № 7. – С. 38 – 45.

32. Поспеловский, А. Борьба за рентабельный совхоз / А. Поспеловский // Большевистская мысль. – 1933. – № 9. – С. 20 – 25.

33. Поспеловский, А. Северная Ферма / А. Поспеловский // Большевистская мысль. – 1935. – № 2 – 3. – С. 45.

34. Российский государственный архив экономики. – Ф. 1562. – Оп. 83. – Д. 54.

35. Филимонов, А.В. Совхозы Северо-Запада России. 1917 – 1941 гг. / А.В. Филимонов. – Псков, 1997.

36. Хаб-ов Нет оправдания низким урожаям / Хаб-ов // Правда Севера. 1933. – 11 марта. – С. 2.

37. Цели и задачи политических отделов МТС и совхозов: Резолюция объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП/б/ 7 – 12 января 1933 г. // КПСС в резолюциях и решениях. – Т. 6. – С. 21 – 32.

38. Шевляков, А.С. Политотделы МТС и совхозов Западной Сибири в 1930-е годы: итоги и задачи изучения / А.С. Шевляков // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории XVII – XX вв. – Новосибирск, 1999. – С. 114 – 116.

39. Шевляков, А.С. Политотделы МТС и совхозов: Чрезвычайные партийно-государственные органы управления в сельском хозяйстве Западной Сибири в 1930-е годы / А.С. Шевляков. – Томск, 2000.

УДК 930

И.В. Фролова

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор О.Ю. Солодянкина

«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ», «ПРИЗРЕНИЕ», «ФИЛАНТРОПИЯ», «МИЛОСЕРДИЕ»: ИСТОРИОГРАФИЯ ПОНЯТИЙ

Публикация выполнена в рамках научного проекта РГНФ «Формирование провинциальной городской среды в условиях модернизации: социокультурный и экологический аспекты (Вологодская и Новгородская губернии в последней трети XIX – начала XX вв.)», № 13-31-01242

В статье рассматривается история развития понятий «благотворительность», «призрение», «филантропия», «милосердие» в России с древнейших времен до наших дней. Развитие и трансформация институтов благотворительности происходили в рамках изменений социальной и политической жизни страны. Если до XIX в. данные понятия дополняли или подменяли себя, то со второй половины XIX в. наблюдается тенденция их терминологического размежевания.

Благотворительность, призрение, филантропия, милосердие, историография, история России.

This paper considers the history of the development of the concepts "charity", "care", "philanthropy", "mercy" in Russia from ancient times to the present day. The development and transformation of the charity institutions took place in the context of changes in the social and political life of the country. These concepts complemented or substituted each other till the XIXth century. From the second half of the XIXth century they tend to be terminologically demarcated.

Charity, care, philanthropy, mercy, historiography, the history of Russia.

На сегодняшний день в российской исторической науке не сложилось четкого понятийно-терминологического аппарата, связанного с институтами благотворительности и призрения. А.А. Клецина и А.В. Орлова собрали около 10 определений понятия «благотворительность», не признав ни одно из них удовлетворительными. Этот факт свидетельствует, что проблема дифференциации семантического значения определений в области помощи и взаимопомощи носит дискуссионный характер.

Цель работы заключается в анализе исследований, посвященных обозначенной проблеме, в выявлении трансформации смысла понятий «благотворительность», «призрение», «филантропия», «милосердие» на протяжении веков.

Испокон веков на Руси подаяние нищим и забота о немощных людях расценивались как важнейший долг христианина. Данная точка зрения обосновывалась взглядом на милостыню как средство

спасения души (Иоанн Златоуст, Домострой).

В XIII – XIV вв. понятие «благотворительность» в повседневном обиходе определялось словами «благотворение», обозначающее добрые дела с указанием на присутствие [19, с. 222], и «благотворить», то есть – благотворить [19, с. 223]. В XIV – XV вв. широкое распространение получило слово «благотворец» (тот, кто делает другим добро, благодетель) [19, с. 223], которое в XVII в. сменил термин «благотворитель» при сохранении прежнего смыслового значения [19, с. 223]. Также в XVII в. стали использовать понятие «призрение», представлявшее собой попытку выделить круг мероприятий государственного регулирования в сфере благотворения. В последней четверти XVIII в. было введено в употребление новое словосочетание «общественное призрение», сущность которого заключалась в оказании специализированной помощи. Таким образом, вплоть до XIX в. не существовало четкого деления между исследуемыми по-

нятиями. Термин «благотворительность» получил распространение в лексиконе гораздо раньше термина «призрение».

Первые попытки научного обоснования терминологического аппарата в области помощи и взаимопомощи были сделаны в начале XIX в., когда началось целенаправленное изучение вопросов, касающихся становления и развития системы социальной защиты населения в России. Так, А. Стог писал, что «общественное призрение» «заключает в себе устройство пристанища для бедных, больных, вдов и сирот, доставление им и всем нуждающимся пропитания, покрова, пособия и вообще призрения», «обязанность в том народоправителей и народоправительств, входя в число первейших их обязанностей, без сомнения, и в самые древние времена не оставалась в России без должного от них внимания» [23, с. 1].

Во второй половине XIX столетия указанная проблема стала объектом изучения уже целого ряда исследователей. Описывая историю развития общественного призрения и благотворительности в России, выделяя этапы их становления, В.Ф. Дерюжинский [3], Е.Д. Максимов [14], В.О. Ключевский [8] параллельно раскрывали содержание ключевых понятий, использовавшихся в данной сфере.

Е.Д. Максимов, рассматривая историю институтов помощи и взаимопомощи, отмечал, что в 80-е гг. XVII в. с развитием системы гражданственности, благотворительность исключительно ради спасения души постепенно начала терять свое прежнее значение. Исследователь обращал внимание на то, что призрение «как отрасль государственного управления не отрицает благотворительность как проявление известного религиозного или морального настроения». «Признавая законность ее», он видел «в ней важнейший источник средств для призрения. При этом новое направление в общественном попечении о бедных стремится урегулировать и направить благотворительность, привести ее в известный порядок и более или менее подчинить ее государственным интересам, однако пока еще без всякого стеснения и насилия над благотворителями» [14, с. 27]. В итоге «к концу царского периода нашей истории зарождается новая мысль, по которой помощь общества в деле призрения должна быть не только добровольной, факультативной, но и обязательной» [14, с. 28]. Выделяя существенные признаки благотворительности, которые бы отличали ее от призрения, Е.Д. Максимов писал, что «помощь бедным была делом отдельных лиц, проникнутых идеями христианской нравственности, а не включалась в круг государственных обязанностей» [14, с. 2].

В.Ф. Дерюжинский говорил, что под «призрением бедных разумеют обыкновенно систему мер, имеющих своею задачею организовать возможно лучшую помощь бедным при наличности данных общественных и экономических отношений» [3, с. 5]. Ученый видел существенные отличия между понятиями «благотворительность» и «призрение» в том, что «в устройстве государственного призрения

более преобладает точка зрения государственных интересов, отношения к нужде как явлению общественному, а в частной благотворительности на первый план выступают индивидуальные особенности каждого нуждающегося. В основе государственного призрения лежит принцип его обязанности для всех случаев, подходящих под установленные признаки нужды; в основе же частной благотворительной деятельности лежит начало факультативности, открывающей возможности направлять помощь туда, где она признается почему-либо более необходимой или целесообразной» [3, с. 46].

В.О. Ключевский писал, что «благотворительность – вот слово с очень спорным значением и очень простым смыслом. Его очень многие различно толкуют, и все одинаково понимают» [8, с. 77]. Историк также отмечал принципиальную бескорыстность как одно из существенных свойств понятия «благотворительность».

Интересная точка зрения на данную проблему была представлена в работе известного правоведа А.Ф. Кони. Он полагал, что к частной благотворительности применимо «великое правило о правой руке, не ведающей о том, как и кому творит добро левая» [9, с. 45]. Кони доказывал, что благотворительность не терпит формализации и вмешательства государства.

В начале XX в. В.О. Матвеев доказывал, что общественное призрение организовывалось в «интересах государственного преуспевания и общественного благополучия» [15, с. 16], чем оно существенно и отличалось от благотворительности.

Таким образом, в XIX в. исследователи начали определять разницу понятий, которые использовались для описания институтов помощи и взаимопомощи. В качестве субъекта общественного призрения они определяли государство, которое создавало систему организованной помощи для решения определенного круга проблем, в то время как благотворительность, субъектом которой являлась частная инициатива, частный интерес, носила негосударственный характер и была направлена на оказание разнородной помощи. Благотворительность отличалась бескорыстностью, факультативностью, ей была свойственна нравственная обязанность имущего спешить на помощь нуждающимся [30, с. 55].

Октябрьская революция 1917 г. привела к образованию новой социально-политической системы, в рамках которой оказались разрушены практически все устоявшиеся системы социальной защиты и общественной благотворительности, им на смену пришло социальное обеспечение, являвшееся исключительно государственным делом. Слова «милосердие» и «благотворительность» приобрели негативный характер, олицетворявшие принадлежность к капиталистическому укладу жизни. Термин «благотворительность» трактовался как осознанные общественные интересы, где помощь выступает в качестве манипулирования угнетенных классов, либо как помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества

[1, с. 466], [2, с. 278]. Как и все остальные исторические события благотворительность в советский период оценивалась с точки зрения классового подхода.

Для советской историографии были свойственны два подхода к пониманию терминологического значения изучаемых понятий, характеризующие переходом от резко их негативных оценок («филантропия» – это «одно из средств буржуазии маскировать свой паразитизм и свое эксплуататорское лицо посредством лицемерной, унижительной «помощи бедным» в целях отвлечения их от классовой борьбы» [11, с. 419 – 420]) к подчеркиванию объективно буржуазной сути благотворительности («благотворительность» – «в буржуазном обществе: оказание частными лицами материальной помощи бедным из милости. Благотворитель – в условиях буржуазного общества: человек, занимающийся благотворительностью» [17, с. 45]). Тем не менее, изучать российскую модель социального призрения считалось нецелесообразным, так как это противоречило идеологическим установкам отечественной историографии.

В современной отечественной науке обозначенная проблема стала приоритетной с конца 1980-х гг. Исследователи стремились рассмотреть благотворительность с самых разных позиций: благотворительность как христианская концепция помощи [7], как сфера духовного побуждения человека [31, с. 40], как некоммерческая деятельность, направленная на оказание помощи нуждающимся [18], как специфическая поддержка, осуществляемая «без надежды на соответствующее воздаяние тех, кому она оказывается» [12, с. 8]. Тогда же стали возникать идеи о том, что «...бескорыстных подарков ...не бывает», и с этой точки зрения благотворительность выступала основой на пути укрепления своего личного статуса, власти [20, с. 17].

А.А. Клецина и А.В. Орлова, проанализировав взгляды современных исследователей на благотворительность, пришли к заключению, что «независимо от трактовки благотворительность – это всегда действие, деятельность, движение, поступок, акт. И он всегда подразумевает односторонность, направленность, полную или почти полную безыгодность и безответность» [6, с. 13]. Этим она и отличалась от системы государственного призрения.

П.И. Нещеретный рассматривал благотворительность как социальный феномен, характеризовавшийся проявлением целенаправленного внимания по отношению к людям, неспособным собственными силами обеспечить условия своего содержания. Автор выделял следующие формы, которые приобрела в своем развитии благотворительность: милостыня, общественное призрение, организованная государственная система социальной защиты населения [16].

Т.А. Катцина обращала внимание на то, что под «благотворительностью» в узком смысле следовало понимать избирательную помощь нуждающимся слоям населения из сострадания и религиозно-нравственной потребности без заботы об их дальнейшей судьбе, а в широком – призрение, т.е. обяза-

тельную и организованную деятельность по оказанию помощи с учетом реального положения нуждающихся. Исследователь считала, что примитивной формой благотворительности являлась милостыня, которой свойственны стихийность, неорганизованность, субъективность. Как правило, милостыня не предполагала проявление заботы о дальнейшей судьбе нуждающегося. Общественное же призрение, напротив, характеризовалось наличием цели, организацией деятельности, проявляющейся по отношению к получающему помощь (создание различных специализированных заведений) и к оказывающему ее (государственные и ведомственные учреждения, общественные объединения). Высшей формой благотворительности стала социальная политика государства, так как мотивами общественного призрения являлись гражданская солидарность и забота о благе нуждающихся, а, следовательно, и государства в целом [5, с. 136].

Н.В. Чернецов в диссертационной работе предлагал также различать призрение как форму частной благотворительности, известную с давних времен, и общественное призрение как организуемую государством систему помощи неимущим, как проявление обязанности власти заботиться о своих гражданах [29, с. 11 – 12].

Е.В. Дуплий, проанализировав территориально-административные органы управления – Приказы общественного призрения, учрежденные императрицей Екатериной II, обратил внимание на то, что словосочетание «общественное призрение» в активном лексиконе стало употребляться с последней четверти XVIII в. [4, с.109]. Сущность общественного призрения, по мнению исследователя, – это оказание специализированной помощи. Государство пыталось «приучить» помогать нуждающимся в цивилизованных формах, устанавливая определенные правила оказания помощи. Причем государственная инициатива преподносилась обществу не как бремя, а как звание к «человеколюбию» каждого гражданина государства. Е.В. Дуплий охарактеризовал понятие «общественное призрение» как оказание специализированной помощи со стороны общества и государства нуждающемуся населению через установленные государством органы. Причем подобная помощь Приказами общественного призрения могла осуществляться как на платной, так и бесплатной основе [4, с. 185].

М.В. Фирсов, придерживаясь идеи исследовать смысловое значение понятий «общественное призрение» и «благотворительность» во временном развитии, рассматривал «общественное призрение» как организованную систему помощи в XIX в. со стороны государства или общества нуждающемуся населению [26, с. 186], [27, с. 108]. Однако, по мнению Т.Б. Кононовой, определение М.В. Фирсова «неточно отражает семантику дефиниции» [10, с. 14], поэтому она предлагала понимать под общественным призрением установленную законом организованную помощь нуждающимся, осуществляемую «особыми лицами на основе специального законодательства из

расчета экономической государственной выгоды» [10, с. 4]. Давая такое определение, Т.Б. Кононова не учитывала этические аспекты данной проблемы, которые, несомненно, являлись значимыми людей этого столетия.

При изучении работ по истории благотворительности и призрения в Российской империи, можно согласиться с мнением М.В. Соболевой. Используя три понятийных модели, выработанных Фирсовым, – терминологической однородности, терминологического дополнения, терминологической оппозиции [27, с. 110], она писала, что если для периода до XIX в. в отношении исследуемых понятий были характерны первые две, то в последующий же период тенденция терминологической оппозиции в развитии понятий стала преобладающей, так как назрела необходимость обособить явления помощи и взаимопомощи как со стороны государства, так и со стороны частной инициативы [21, с. 425].

Ряд исследователей, например, М.Ю. Лачаева и Г.Р. Наумова, считали, что благотворительность являлась и является частью государственной системы организации помощи неимущим [13, с. 240 – 242], поэтому разводить эти два понятия не стоит.

Таким образом, проведя историографический анализ семантического значения понятий в области помощи и взаимопомощи, необходимо отметить, что если на ранних этапах своего существования появившийся социальный институт призрения самым тесным образом был связан с институтом благотворительности и явление «благотворения» долгое время включало в себя многие явления помощи и взаимопомощи, то уже в начале XIX в. стали предприниматься попытки научного обоснования используемых терминов.

Многие идеи, высказанные учеными XIX – начала XX вв., легли в основу работ современных исследователей, которые обратили внимание на определенную близость, но в то же время и на отсутствие полного совпадения между понятиями «благотворительность» и «общественное призрение». Связано это с тем, что благотворительность «не включает государственный уровень реализации программ социальной реабилитации» [25, с. 406], а предполагает безвозмездность, добровольность передачи материальных ценностей и особый «тип источника финансирования» (не из государственного бюджета, а из доходов частных лиц) [24, с. 237], [28, с. 23], [22, с. 153]. Следовательно, деятельность государства по оказанию помощи детям, подросткам, старикам, вдовам, инвалидам при данном определении не являлась благотворительностью, а образовывала систему государственного призрения или социального обеспечения. Различая социальную природу учреждений, созданных благотворителями, и тех заведений, что находились в системе государственного призрения, исследователи подчеркивали необходимость учета этого момента «для всякого исторического исследования», вместе с тем признавая, что выполнение этого требования для периода XVIII – XIX вв. является задачей непростой [22, с. 148, 153 – 154].

Феномен благотворительности по-разному пытались осмыслить, наполнить содержанием представители гуманитарных наук и отдельные исследователи на протяжении нескольких веков. Среди ученых нет единого мнения о содержании понятий «призрение», «милосердие», «филантропия», «благотворительность», их роли, субъектах, начальной точки отсчета. Формы, методы, содержание деятельности институтов помощи и взаимопомощи, а также представления о них претерпели определенную трансформацию, которая зависела от конкретных социально-экономических и политических условий.

Источники и литература

1. Большая советская энциклопедии. – М., 1927. – Т. 6.
2. Большая советская энциклопедия. – М., 1950. – Т. 5.
3. *Дерюжинский, В.Ф.* Заметки об общественном призрении / В.Ф. Дерюжинский. – М., 1897.
4. *Дуплий, Е.В.* Становление и развитие приказов общественного призрения в России (1775 – 1864): дис. ... канд. ист. наук / Е.В. Дуплий. – М., 2004.
5. *Катцина, Т.А.* Современные исследования истории благотворительности в России: трактовки, подходы, результаты и перспективы / Т.А. Катцина // Вестник Красноярского государственного университета. – 2004. – № 6. – С. 135 – 139.
6. *Клецина, А.А.* Современные социальные исследования благотворительности в России / А.А. Клецина, А.В. Орлова // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. – СПб., 2001. – С. 10 – 16.
7. *Климова, С.В.* Христианский смысл милосердия / С.В. Климова // Благотворительность и милосердие: сб. науч. трудов. – Саратов, 1997. – С. 80 – 89.
8. *Ключевский, В.О.* Добрые люди Древней Руси / В.О. Ключевский // Исторические портреты. Этюды. Дневники. – М., 1990.
9. *Кони, А.Ф.* Задачи трудовой помощи / А.Ф. Кони // Трудовая помощь. – 1897. – № 1. – С. 44 – 56.
10. *Кононова, Т.Б.* Особенности развития благотворительности в России / Т.Б. Кононова. – М., 2002.
11. Краткий словарь иностранных слов. – М., 1957.
12. *Лаврененко, Л.Я.* Социокультурная природа благотворительности и формы ее реализации (история становления и развития) / Л.Я. Лаврененко. – М., 2000.
13. *Лачаева, М.Ю.* Благотворительность // Отечественная история. (История России с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия. Т. 1: А – Д. / М.Ю. Лачаева, Г.Р. Наумова. – М., 1994.
14. *Максимов, Е.Д.* Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России / Е.Д. Максимов. – СПб., 1894.
15. *Матвеев, В.О.* Основная первоначальная единица организации общественного призрения / В.О. Матвеев // Трудовая помощь. – 1910. – № 6. – С. 14 – 16.
16. *Нещеретний, П.И.* Исторические корни и традиции развития благотворительности в России / П.И. Нещеретний. – М., 1993.
17. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1987.
18. Российская энциклопедия социальной работы. – Т. 1. – М., 1997.
19. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1. – М., 1975.

20. *Смирнова, Е.Р.* Социокультурный смысл милосердия / Е.Р. Смирнова // *Благоворительность и милосердие: сб. науч. трудов.* – Саратов, 1997.
21. *Соболева, Н.А.* Общественное призрение и благотворительность: из истории понятий / Н.А. Соболева // *Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История.* – 2008. – № 2. – С. 420 – 426.
22. *Соколов, А.Р.* Российская благотворительность в XVIII – XIX вв. (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) / А.Р. Соколов // *Отечественная история.* – 2003. – № 6. – С. 147 – 158.
23. *Стог, А.* Об общественном призрении в России: в 2 ч. Ч. 1. / А. Стог. – СПб., 1818.
24. *Ульянова, Г.Н.* Благотворительность // *Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. А – М.* / Г.Н. Ульянова. – М., 2008.
25. *Ульянова, Г.Н.* Изучение социальных аномалий, благотворительности и социального призрения в России // *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.* / Г.Н. Ульянова. – М., 1996.
26. *Фирсов, М.В.* Введение в теоретические основы социальной работы / М.В. Фирсов. – М., 1997.
27. *Фирсов, М.В.* Методологические проблемы институционализации социальной работы / М.В. Фирсов. – М., 2000.
28. *Фомин, А.Э.* Благотворительность: дискуссионное поле и исследовательские задачи / А.Э. Фомин // *Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования.* – СПб., 2001. – С. 17 – 25.
29. *Чернецов, Н.В.* Генезис и эволюция социального призрения в России (X – XIX вв): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.В. Чернецов. – М., 1996.
30. *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. IV.* – СПб., 1891.
31. *Ярская, В.Н.* Благотворительность и милосердие: сб. науч. трудов / В.Н. Ярская. – Саратов, 1997.

УДК 334.012(470.12)

П.С. Плешаков

*Научный руководитель: кандидат экономических наук,
заведующий отделом ИСЭРТ РАН С.В. Теребова*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ СПОСОБНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ Г. СОКОЛА

В статье анализируется динамика основных показателей, характеризующих деятельность малого бизнеса на территории г. Сокола Вологодской области. Оцениваются предпринимательские способности жителей города на основе опроса, проведенного специалистами ИСЭРТ РАН среди населения трудоспособного возраста в 2011 г.

Предпринимательские способности, малый бизнес, малое предпринимательство.

The article analyzes the dynamics of the main indicators of the activities of small-scale business on the territory of Sokhol of Vologda region. Entrepreneurial ability of city residents is evaluated based on the survey conducted by the specialists of ISEDT RAS among the population of working-age in 2011.

Entrepreneurial ability, small-scale business, small entrepreneurship.

В рамках разработанного Правительством РФ комплекса мер, направленных на содействие развитию экономики монопрофильных муниципальных образований, к которым относится г. Сокол Вологодской области, особое внимание уделяется поддержке малого и среднего бизнеса как фактору диверсификации экономики моногородов.

Малый и средний бизнес способствует поддержанию конкурентной среды, обеспечивает население моногородов товарами и услугами, выполняет социальные функции, создавая новые рабочие места для работников, которые высвобождаются в результате реорганизации градообразующих предприятий, обеспечивает рост налоговых доходов муниципальных образований.

Ситуация в каждом из моногородов уникальна, и общего подхода к решению их проблем нет. Для каждого города должен быть найден конкретный путь решения проблемы – репрофилирование или закрытие градообразующего предприятия, привлечение инвестиций для модернизации производства или полное прекращение старого производства и создание нового направления экономической деятельности [2], [16].

С точки зрения экономической целесообразности единого комплекса мер по поддержке российских моногородов нет и не может быть, и все же одна необходимая и обязательная мера существует – это поддержка малого и среднего бизнеса в монопрофильных городах [12], [15].

Развитие малого бизнеса можно охарактеризовать составом и динамикой численности предприятий. Так, число малых предприятий в г. Соколе в 2011 г. составило 140 ед. против 120 ед. в 2009 г., в Воло-

годской области аналогичный показатель незначительно вырос (9968 малых предприятий в 2011 г. против 9460 в 2009 г.) [3]. Вместе с тем численность работников малых предприятий муниципального образования в 2011 г. увеличилась по сравнению с 2009 г. с 1699 до 1889 человек (на 6 %) [2], [12].

В 2011 г. число малых предприятий в Соколе в расчете на 10 тыс. чел. составило 24 ед. В Вологодской области этот показатель выше в 2 раза, а показатели по Вологде и Череповцу выше в 22,5 и 15 раз, соответственно [4] (рис. 1).

Наиболее распространенными видами деятельности малых предприятий г. Сокола в 2010 г. являлись: оптовая и розничная торговля (21 % всех малых предприятий), обрабатывающие производства (18 %), а также строительство (17 %) и операции с недвижимым имуществом (17 %). По Вологодской области также преобладают эти виды деятельности малых предприятий [15] (табл. 1).

Число индивидуальных предпринимателей в городе за рассматриваемый период выросло на 35,5 % и в 2010 г. составило 1493 чел. Тенденция роста данного показателя наблюдалась и по Вологодской области [12]. Отметим, что число индивидуальных предпринимателей в Соколе в расчете на 1 тыс. чел. в том же году составило 31 чел., а по Вологде и Череповцу – 38 и 45 чел. соответственно [3] (рис. 2).

Отношение числа индивидуальных предпринимателей Сокола к общей численности трудоспособного населения города составило 6 %. Для сравнения: аналогичный показатель в городах развитых стран составляет в Германии и США – 20 %, Великобритании – 25 %, Канаде – 30 % [17].

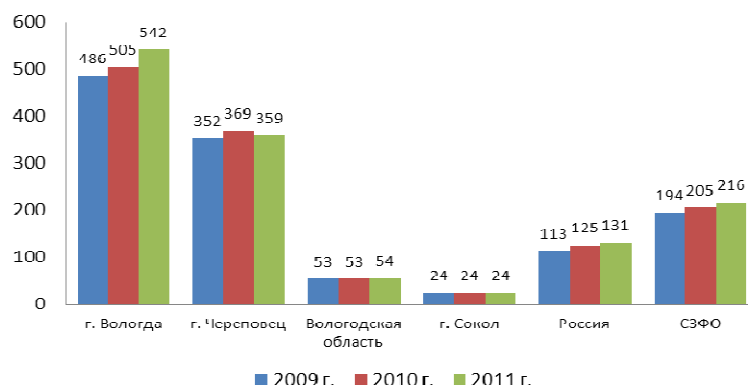

Рис. 1. Число малых предприятий, ед. в расчете на 10 тыс. чел. населения

Таблица 1

Число малых предприятий города Сокола по видам деятельности, ед.

№ п/п	Вид экономической деятельности	г. Сокол			Вологодская область		
		2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2009 г., в %	2009 г.	2010 г.	2010 г. к 2009 г., в %
1.	Всего	122	120	98,4	6365	6398	100,5
2.	Оптовая и розничная торговля	26	25	96,2	2235	2377	106,4
3.	Обрабатывающие производства	22	21	95,5	373	439	117,6
4.	Строительство	21	20	95,2	905	862	95,2
5.	Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	19	20	105,3	943	996	105,6
6.	Транспорт и связь	5	6				
7.	Предоставление прочих коммунальных и социальных услуг	4	4	100,0	141	151	107,1
8.	Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3	4	133,3	889	803	90,3
9.	Гостиницы и рестораны	3	3	100,0	233	225	96,5
10.	Здравоохранение и предоставление социальных услуг	12	12	100,0	128	140	109,4
11.	Добыча полезных ископаемых	2	2	100,0	20	19	95,0
12.	Производство, передача и распределение электроэнергии, газа и воды	4	2	50,0	44	63	143,1
13.	Финансовая деятельность	1	1	100,0	94	84	89,3

Источник: Данные отдела промышленности, транспорта и связи Администрации Сокольского муниципального района Вологодской области; Малое предпринимательство в Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2010.

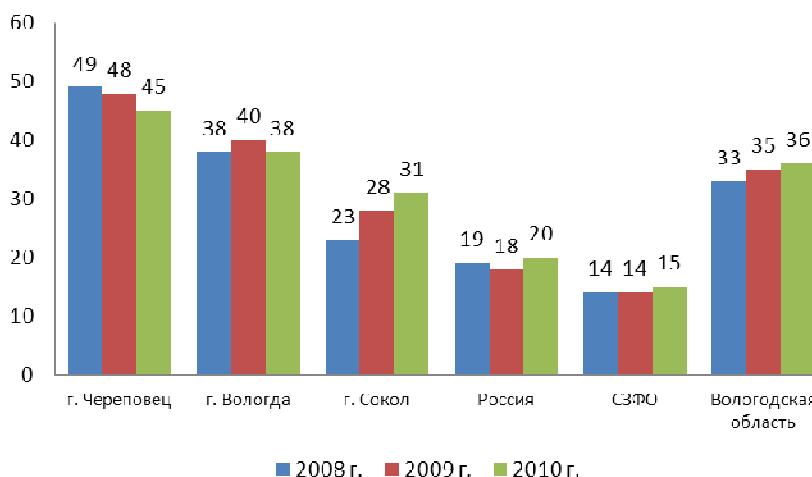

Рис. 2. Число индивидуальных предпринимателей в расчете на 1 тыс. чел. населения, чел.

Предпринимательство, как вид деятельности, предполагает наличие у человека определенного образа мышления, особого стиля и типа хозяйственного поведения, проявляющихся в творческом отношении к делу, свободном проявлении инициативы, постоянном стремлении к новаторству, поиску нетрадиционных решений и возможностей, расширению масштабов и сферы деятельности [11] и, что особенно важно, постоянной готовности к риску и поиску способов его преодоления. Все эти факторы носят название предпринимательских способностей [5], [10].

С одной стороны, наличие предпринимательских способностей является предпосылкой принятия успешных экономических решений для любого вида хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики, поскольку предполагает анализ рыночной информации и комплексную оценку факторов внешней среды, оценку рисков и принятие самостоятельных эффективных решений в отношении выбора своего сегмента рынка, поставщиков, сырья, материалов, технологий и продвижения инноваций и др. С другой стороны, оно является сильным мотивационным механизмом инициативной деятельности для лица, принимающего решения [7].

В ходе исследования рассчитан индекс предпринимательских способностей на основе методики оценки качества трудового потенциала населения [8], [15].

Значимость качеств, необходимых для ведения предпринимательской деятельности, была оценена самими бизнесменами¹ (табл. 2). Во главе списка находятся: физическое здоровье, коммуникабельность, психическое здоровье. Эти же качества большинство предпринимателей считает очень важными для занятия бизнесом [9].

Значение индекса предпринимательских способностей различных социально-демографических групп в г. Соколе колеблется от 0,636 до 0,706. Более высокими его значениями отличаются следующие социально-демографические группы по критериям: полу, возрасту, образованию и уровню достатка – женщины моложе 35 лет, с высшим профессиональным образованием, со средним и выше среднего достатком.

Поскольку среднее значение индекса предпринимательских способностей жителя г. Сокола составляет 0,667, то тех людей, у кого индекс превышает данное значение, можно считать имеющим необходимые качества для ведения бизнеса, т.е. потенциальными предпринимателями. Доля таких людей в общей численности населения города составляет 44 %.

Однако то, каким образом и в какой степени предпринимательские способности реализуются в практической сфере – в открытии новых фирм, регистрации индивидуальных предпринимателей, определяется существующими условиями, отношением населения к бизнесу и предпринимателям.

¹ В рамках опроса населения Вологодской области, проводимого ИСЭРТ РАН в 2011 г.

Распределение ответов предпринимателей на вопрос: «Каких качеств требует предпринимательство?», в баллах (0 баллов – совсем не важно; 4 балла – очень важно), 2009 г.

Рейтинг	Название признака	Доля предпринимателей, отметивших качество как «очень важное», в %
1	Физическое здоровье	61,5
2	Коммуникабельность	57,5
3	Психическое здоровье	52,5
4	Культурный уровень	47,5
5	Нравственный уровень	42,5
6	Потребность в достижении	42,5
7	Когнитивный потенциал	40,0
8	Творческий потенциал	30,0

Источник: Данные опроса предпринимателей Вологодской области в 2011 г.

Оценка этих факторов проведена на основе анкетных опросов жителей². Так, положительно относятся к предпринимательству, малому бизнесу 45 % населения г. Сокола, 20 % – отрицательно. Большинство жителей города не считает возможным заняться предпринимательством. Такую возможность видит лишь 27 % населения муниципалитета, несмотря на то, что около половины жителей (45 %) в той или иной степени не устраивает размер заработка, который они получают (27 % скорее устраивает, чем нет; 18 % – совершенно не устраивает). Полностью размер зарплаты устраивает лишь 9 % населения.

Среди причин, негативно сказывающихся на возможностях открытия и ведения своего бизнеса, жители указывают: отсутствие первоначального капитала (53 % жителей), удовлетворение текущей деятельностью (45 %); отношение к предпринимательству как к чересчур напряженной, нелегкой (32 %) и рискованной (30 %) работе.

В связи с недостатком первоначального капитала большинство жителей г. Сокола (74 %) считает, что при наличии финансовой помощи они могли бы заняться предпринимательством. Среди прочих необходимых условий жители выделяют: наличие помещений, оборудования (33 % населения); упрощение налоговой системы (33 %); снижение налогового бремени (28 %); наличие организации, помогающей открыть свое дело (27 %).

Подавляющее большинство населения г. Сокола (81 %) полагает, что главным для успешного начала

² Опрос проведен специалистами ИСЭРТ РАН среди жителей г. Сокола трудоспособного возраста в 2011 г. Всего опрошено 250 чел. Из них 50,8 % мужчин и 49,2 % женщин. Распределение по образованию: 43,2 % – среднее специальное образование (техникум и др.), 23,2 % – высшее, 18,0 % – средняя школа, в том числе ПТУ со средним образованием, 8,4 % – незаконченное высшее, 6,8 % – неполное среднее. Распределение по уровню дохода (по мнению самих респондентов): 42,0 % – люди среднего достатка, 24,8 % – бедные, 2,4 % – богатые, 1,2 % – нищие.

предпринимательской деятельности является стартовый капитал. На втором месте по значимости – особый предпринимательский склад характера (48 %), что в целом аналогично оценкам населения области (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, необходимы для успешного начала предпринимательской деятельности?», в % от числа опрошенных

Вариант ответа	% населения г. Сокола	% населения Вологодской области
Стартовый капитал	80,8	59,3
Особый предпринимательский склад характера	48,4	23,9
Личные связи в органах власти или ведомственных структурах	24,8	14,9
Наличие команды специалистов и работников нужной квалификации	19,6	14,6
Наличие четкого плана развития собственного бизнеса на перспективу	18,8	12,7
Наличие специальных знаний по управлению предприятием, маркетингу, финансовому планированию и т.д.	17,2	15,5
Личные связи и поддержка со стороны действующих предпринимателей	16,0	9,4
Возможность взять необходимое оборудование в аренду, лизинг	14,4	4,9
Предварительная договоренность с будущими поставщиками и покупателями о совместных действиях	7,2	5,3
Доступ к производственным и офисным помещениям	4,8	2,9
<i>Источник:</i> Данные опроса предпринимателей Вологодской области в 2011 г.		

Предпочтения жителей г. Сокола в отношении возможных сфер начала предпринимательской деятельности расположились следующим образом:

- сфера услуг (45 % населения);
- строительство (28 %);
- оптовая торговля (25 %);
- розничная торговля (22 % жителей);
- общественное питание (21 %) \$
- производство (19 %).

Незначительной является доля жителей города, которые хотели бы знать, где можно получить информацию по вопросам открытия и ведения своего бизнеса (всего лишь 21 %). При этом такая информация не нужна 11 % населения и 68 % затруднились дать четкий ответ.

Средняя сумма, необходимая, по мнению жителей г. Сокола, для начала своего дела, составила 511 тыс. руб. Для сравнения по Вологодской области

данная сумма составляет 1322 тыс. руб.

Таким образом, невысокий уровень предпринимательских способностей населения г. Сокола объясняются следующим:

- 1) нежелание заниматься предпринимательством (считают возможным вести свой бизнес 27 % жителей города, для сравнения: в среднем по Вологодской области так же считают 29 % населения);
- 2) низкая осведомленность жителей об организациях, в которые можно обратиться по вопросам ведения предпринимательской деятельности (осведомлены 30 %, по Вологодской области – 33 %);
- 3) нежелание быть в курсе того, куда можно обратиться по вопросам открытия своего дела (хотели бы быть в курсе лишь 21 % населения против 30 % по Вологодской области).

При наличии многочисленных сложностей для ведения бизнеса в России в целом и отсутствии реализации мер по улучшению бизнес-климата и поддержки малого предпринимательства существующие предпринимательские способности жителей города так и останутся невостребованными.

Литература

1. Буянкина, А.Н. Малый бизнес: государственное регулирование / А.Н. Буянкина. – М., 2004.
2. Гражданкин, В.А. Трансформация дефиниций «предпринимательство» и «предприниматель» / В.А. Гражданкин, О.А. Гражданкина // Известия Алтайского государственного университета. Экономика. – № 2. – 2009. – С. 163 – 166.
3. Данные отдела промышленности, транспорта и связи Администрации Сокольского муниципального района Вологодской области. Малое предпринимательство в Вологодской области: стат. сб. – Вологда, 2010.
4. Данные отдела промышленности, транспорта и связи Администрации Сокольского муниципального района Вологодской области. Число малых предприятий по видам экономической деятельности в 2007 – 2011 гг. – URL: www.gks.ru
5. Дракер, П. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы / П. Дракер. – М., 1992.
6. Ильин, В.А. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие / В.А. Ильин, К.А. Гулин, Г.В. Леонидова, В.В. Давыдова. – Вологда, 2004.
7. Кастосов, М.А. Предпринимательские способности как фактор экономического роста / М.А. Кастосов, Н.Ю. Иванова // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество) – 2006. – № 1. – С. 1 – 8.
8. Качество населения / под ред. Н.М. Римашевской, В.Г. Копниной. – М., 1993.
9. Леонидова, Г.В. Трудовой потенциал региона: заключительный отчет о НИР / Г.В. Леонидова, Е.А. Чекарева. – Вологда, 2009.
10. Макконнел, К. Экономикс. Принципы, проблемы и политика: пер. с англ. / К. Макконнел, С. Брю. – М., 1993. – Т. 1.
11. Подолякин, О.В. Оценка предпринимательских способностей населения региона / О.В. Подолякин, С.В. Терехова // Вестник ИНЖЭКОНА. Сер.: Экономика. – СПб., 2011. – № 6. – С. 112 – 117.
12. Подолякин, О.В. Условия ведения предпринимательской деятельности в регионе / О.В. Подолякин, П.С. Плешаков // Проблемы развития территорий. – 2012. – № 2. – С. 30 – 35.

13. Попов, Ю. Российское предпринимательство: социальный портрет / Ю. Попов // Человек и труд. – 1995. – № 2. – С. 21 – 26.
14. Рошин, С. Мужчины, женщины и предпринимательство / С. Рошин, Я. Рошина // Человек и труд. – 1994. – № 12. – С. 109 – 115.
15. Теребова, С.В. Предпринимательство в регионе: состояние, проблемы, перспективы / [С.В. Теребова и др.]. – Вологда, 2011.

16. Теребова, С.В. Предпринимательские способности населения: понятие и измерение / С.В. Теребова, П.С. Плешаков // Современные исследования социальных проблем – 2012. – № 9 (17). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/9/terebova.pdf>

17. Measuring Entrepreneurship. A Collection of Indicators. – URL: <http://www.oecd.org/dataoecd/43/50/44068449.pdf>

УДК 338.465.4:378 (571.54)

Е.А. Цыремпилова

ПАРАДОКСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЫНКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ И РЫНКА ТРУДА В РАЗРЕЗЕ НАБОРА И ВЫПУСКА СПЕЦИАЛИСТОВ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

Данная статья является попыткой рассмотреть «парадоксы» взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда в контексте анализа выпуска и приема специалистов по группе специальностей и направлению подготовки «Экономика и управление».

Взаимодействие рынка образовательных услуг и рынка труда, выпуск и прием специалистов.

The article considers the "paradoxes" of interaction of the educational market and the labour market in the context of the analysis of graduating and enrolment of specialists who study Economics and Management.

Interaction of educational market and the labour market, specialists' graduating and enrolment.

За последнее время система российского образования претерпела серьезные изменения в русле общих процессов развития рыночной экономики. Изменяется отраслевая направленность учебных заведений профессионального образования, которая обусловлена структурными сдвигами в экономике, развитием региональных рынков труда и конкуренции. (Одним из примеров такого сдвига на уровне Республики Бурятия является переименование в 2011 г. Восточно-Сибирского государственного технологического университета в Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления). В то же время формирование спроса на выпускников учреждений профессионального образования конкретных направлений подготовки и специальностей, подчиняясь законам рыночных отношений, зависит как от общего социально-экономического положения в стране, так и от различных факторов и условий в том или ином регионе, то есть изменения обусловлены усилением ориентации образования как на личные потребности в получении профессии, специальности, так и на спрос рынка труда. Среди других факторов, влияющих на эффективность взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг, можно выделить следующие: структура экономики и рабочих мест, уровни заработной платы и доходов населения, занятости и безработицы, структура населения, развитие различных ступеней образования и цен на образовательные услуги. Другими словами, рынки образовательных услуг и труда взаимосвязаны, взаимозависимы и, до некоторой степени, взаимоправляемы.

Данной статья является попыткой рассмотреть «парадоксы» взаимодействия рынка образовательных услуг и рынка труда в контексте анализа выпуска и приема специалистов по группе специальностей и направлению подготовки «Экономика и управление».

Востребованность профессии определяется запросами рынка труда и запросами граждан. Степень востребованности профессии (спрос) на рынке труда – понятие мобильное и изменяющееся под влиянием многих факторов: политической ситуации, перспектив социально-экономического развития, специфики региона как хозяйствующего субъекта, предпочтений граждан, изменений в технологиях и информации. Характерной чертой востребованности профессии является запрос на конкретного специалиста, вакансию:

– высокая востребованность – постоянный запрос работодателя на специалиста, востребованность не всегда гарантирует высокий заработок;

– средняя востребованность – запрос работодателя на специалиста также может быть постоянным, однако количество востребованных специалистов ограничено;

– низкая востребованность – редкий, отсутствие запроса работодателя на специалиста.

По данным Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия за 2011 г. общий выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием составил 7,4 тыс. чел., из них выпуск специалистов по группе специальностей и

направлению подготовки «Экономика и управление» – 2,9 тыс. чел., то есть порядка 39 %.

В предшествующий 2010 г. эта цифра была равна 45 % от общего числа выпускников, а в 2009 учебном году – 42 % соответственно [4]. Несмотря на несколько скачкообразное изменение числа выпускников по группе специальностей и направлению подготовки «Экономика и управление» за последние три года, тем не менее, приведенные величины – самые высокие среди других групп специальностей и направлений подготовки (см. рисунок).

Рисунок. Соотношение числа выпускников по годам

Более того, на рынке труда выпускники с высшим профессиональным образованием пользуются большим спросом. Так, в 2011 г. получили направление на работу 2,1 тыс. выпускников очных отделений (обучавшихся за счет бюджетных средств) высших учебных заведений. Удельный вес таких выпускников составил 45 %. Для сравнения: в средних специальных учебных заведениях в этом же году получили направление на работу 0,5 тыс. выпускников очных отделений, что составляет только порядка 26 % процентов от выпуска [7].

Конкурс при поступлении в государственные высшие учебные заведения по направлениям бакалавриата и магистратуры составил в 2011 г. в среднем 219 человек на 100 мест. При этом в число 6 наиболее востребованных абитуриентами направлений вошли «Управление персоналом» и «Торговое дело» [4], относящиеся к укрупненной группе специальностей «Экономика и управление».

Согласно отчету об осуществлении органами службы занятости Республики Бурятия (Агентство занятости населения и ГКУ ЦЗН районов (городов)) переданных полномочий Российской Федерации в области содействия занятости населения в 2011 г., востребованность менеджеров, управленцев и экономистов не теряет своей актуальности [5].

При этом Правительство Бурятии, реализуя план социально-экономического развития республики на ближайшую перспективу, составило прогноз, в соответствии с которым потребность в квалифицированных кадрах рабочих специальностей начального и среднего профессионального уровня подготовки на 2012 – 2015 гг. будет наиболее высока (29,6 тыс.

чел.), чего нельзя сказать о специалистах с высшим образованием – бакалаврах и магистрах – всего 8,3 тыс. чел. [1].

В связи со всем вышесказанным возникает вопрос о неких «парадоксах», существующих в системе подготовки специалистов высшего профессионального образования и их востребованностью на рынке труда. С одной стороны, существует обоснованное мнение, что республике в первую очередь нужны специалисты рабочих профессий с начальным и средним образованием, с другой – потребность реального сектора экономики в специалистах-экономистах, управленцах, юристах отнюдь не падает, а, наоборот, даже растет, если судить по количеству выпускников.

Действительно, еще 4 – 5 лет назад спрос на специалистов рабочих профессий превышал предложение в 4,5 раза, однако, на текущий момент ситуация несколько изменилась. Помимо сохраняющейся стабильно высокой потребности на рабочие специальности, вновь возникает спрос на экономистов и юристов. Это может быть связано, во-первых, с развитием рынка образовательных услуг, поскольку их качество растет в условиях жесткой конкуренции среди высших учебных заведений республики. Во-вторых, предприятия всех форм собственности и организации, работающие в реальном секторе экономики, на фоне динамично меняющихся и все более усложняющихся условий деятельности на рынке, конкуренции, появления новых форм частно-государственного партнерства требуют высококвалифицированных специалистов в области права, экономики и управления.

Таким образом, республике необходима сбалансированная политика в области подготовки специалистов разного профиля и разного уровня образования с учетом условий социально-экономического развития и перехода к прогнозному методу формирования потребности в кадрах.

Наиболее ярко это можно продемонстрировать на примере создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Байкальская гавань» (Постановление Правительства России № 68 от 3 февраля 2007 г.).

Создание туристско-рекреационных зон способствует обеспечению благоприятного инвестиционного климата в России, появлению конкурентоспособного туристского продукта, переводу индустрии отдыха и путешествий на инновационный путь развития [6].

В туристско-рекреационных зонах может осуществляться разработка месторождений минеральных вод, лечебных грязей и других природных лечебных ресурсов.

Отличия туристско-рекреационных зон от экономических:

- могут создаваться на одном или нескольких участках территории муниципальных образований;
- на момент их создания на них могут располагаться земельные участки, находящиеся в пользовании граждан и юридических лиц;
- в туристско-рекреационных зонах могут быть расположены объекты инфраструктуры, жилого

фонда и иные объекты, находящиеся в различных формах собственности, включая частную;

– земельные участки могут относиться к землям особо охраняемых территорий.

Особый интерес будут представлять туристско-рекреационные зоны (в отличие от промышленно-производственных и технико-внедренческих зон для малого и среднего бизнеса), поскольку весь бизнес здесь связан со сферой услуг.

Анализ приведенных особенностей туристско-рекреационной зоны позволяет сделать вывод о необходимости в ближайшей перспективе юристов, специалистов в области экологического законодательства, земельного законодательства, частной собственности, менеджеров и экономистов, специализирующихся в сфере услуг и туризма. Естественно, что на этапе строительства объектов Байкальской гавани и дальнейшей их эксплуатации требуются и будут требоваться специалисты рабочих профессий, но востребованность юристов и экономистов «узкой» специализации должна только расти, что подтверждается соответствующими прогнозами.

По оценке экспертов Республики Бурятия, к 2026 г. предполагаемые налоговые поступления в бюджеты всех уровней составят 55,04 млрд. руб., а туристический поток в особой экономической зоне возрастет до 1,0 млн. туристов. Количество создаваемых рабочих мест в результате функционирования туристической зоны составит 18 тыс., а с учетом мультипликативного эффекта в смежных отраслях – 34 тыс. [6].

В свете вышесказанного «парадоксы» взаимодействия рынков образовательных услуг и труда становятся еще более очевидными. В связи с внедрением новой системы выделения бюджетных мест высшим учебным заведениям на 2013/2014 учебный год проявляется расхождение между прогнозами Минэкономики Бурятии [3] о необходимости специалистов в области гуманитарных наук (экономики и юриспруденции в частности) и прогнозами Минобрнауки республики [3]. Согласно расчетам регионального Минэкономики, потребности в квалифицированных

кадрах гуманитарного направления, куда входят и экономика, и правоведение, в краткосрочной перспективе не ожидается. В то время как Минобрнауки Бурятии прогнозирует достаточно высокий конкурс на эти направления подготовки.

При этом по данным сайта bs-life.ru юрист и менеджер входят в десятку самых востребованных и высокооплачиваемых профессий России, располагаясь на третьем и десятом местах рейтинга соответственно, что объясняет такой высокий интерес к данным профессиям со стороны абитуриентов и их родителей. Результаты этого рейтинга применимы и к Бурятии. Очевидно, что для разрешения сложившейся ситуации требуется скоординированный подход соответствующих министерств, высших учебных заведений, работодателей Бурятии с учетом не только краткосрочных, но и долгосрочных перспектив социально-экономического развития республики.

Литература

1. Белобородов, С. Я б в рабочие пошел ... / С. Белобородов // МК в Бурятии. – 2012. – 2 мая. – URL: <http://ulan.mk.ru/article/2012/11/07/770754-ded-hasan..?page=37>
2. Министерство образования и науки Республики Бурятия. – URL: <http://edu03.ru>.
3. Министерство экономики. – URL: <http://economy.govrb.ru>.
4. Образование и культура в Республике Бурятия. Статистический сборник № 05-02-11 / Бурятстат. – Улан-Удэ, 2012 – С. 45 – 47.
5. Отчет об осуществлении органами службы занятости Республики Бурятия (Агентство занятости населения и ГКУ ЦЗН районов (городов)) переданных полномочий Российской Федерации в области содействия занятости населения в 2011 г. – URL: <http://bur.regiontrud.ru>
6. Туризм в России. Туристско-рекреационные зоны в России. – URL: <http://sokolov33.ru/index.php/osnovy-turizma/97-turistsko-rekreacionnye-zony-rossii>
7. Федеральная служба государственной статистики по РБ. – URL: http://burstat.gks.ru/public/sr_inform20121/Февраль%202012/v_s_ucheb.htm.

УДК 81

Е.А. Басова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н.В. Володина

СПЕЦИФИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ В ПОВЕСТИ И.С. ТУРГЕНЕВА «ВЕШНИЕ ВОДЫ»

В статье рассмотрены специфика повествования и функции пролога и эпилога в творчестве И.С. Тургенева на примере повести «Вешние воды». Взаимосвязь этих элементов в творчестве Тургенева является закономерной и носит систематический характер.

Пролог, эпилог, структура, повествование, функция, композиция.

The article considers the specifics of the narrative and the function of prologue and epilogue in I.S. Turgenev's works on the example of the story "Torrents of Spring". The relationship of these elements in Turgenev's works is considered to be logical and is of systematic character.

Prologue, epilogue, structure, narrative, function, composition.

В конце 1860-х – первой половине 1870-х гг. Тургенев написал ряд повестей о далеком прошлом: «Бригадир», «История лейтенанта Ергунова», «Несчастливая», «Странная история», «Степной король Лир», «Стук, стук, стук», «Вешние воды», «Пунин и Бабурин», «Стучит» и др. Повесть «Вешние воды» стала наиболее значимым произведением этого периода.

Повесть предшествует эпиграф – четверостишие из старинного русского романа:

Веселые годы,
Счастливые дни -
Как вешние воды
Промчались они.
[11, с. 255]

Судя по этому рамочному компоненту текста, речь пойдет о любви, о молодости, причем, о воспоминаниях, связанных с ними.

Эпиграф задает лирическую эмоциональную тональность, настраивает читателя на размышления о быстротечности человеческого бытия, мимолетности любви и счастья. В повести есть пролог, композиционно выделенный самим Тургеневым, и эпилог, который включает в себя две последние главы. Повествование в основном действии построено как воспоминания главного героя, Дмитрия Павловича Санина, о событиях тридцатилетней давности, случившихся в его жизни, когда он путешествовал по Европе.

Повествование в прологе ведется от третьего лица. Повесть начинается с определения времени происходящих в настоящий момент событий и описания состояния героя: «...Часу во втором ночи он вернулся в свой кабинет. Он выслал слугу, зажегшего свечки, и, бросившись в кресло около камина, закрыл лицо

обеими руками» [11, с. 255]. На протяжении всего пролога имя героя не называется; для его обозначения используется личное местоимение «он», а непосредственное представление главного действующего лица происходит только в конце этого фрагмента текста: «Но нужно сперва сказать его имя, отчество и фамилию. Его звали Саниным, Дмитрием Павловичем» [11, с. 256]. В прологе нет ни описания его внешности, ни рассказа о роде занятий, назван только возраст Санина – ему пятьдесят два года. Основным содержанием этого сюжетного элемента повести является описание душевного, психологического, эмоционального состояния персонажа. Все свидетельствует о том, что Санин находится в состоянии глубокого скепсиса: испытывает чувства разочарования, горечи и даже «отвращения к жизни» [11, с. 255]. Сначала это становится ясно из непосредственно авторской характеристики героя; затем – из размышлений Санина, представленных в тексте как органическое сочетание слов автора и несобственно-прямой речи. Повествователь говорит о самом процессе этого размышления, его психологической окраске: «...медленно, вяло и злобно» [11, с. 255] – и далее развернуто изображает содержание этого процесса мысли героя. Размышления Санина о собственной судьбе соединяются здесь с оценкой жизни человека в целом: «Никогда еще он не чувствовал такой усталости – телесной и душевной <...> никогда еще то «отвращение к жизни» – с такой неотразимой силой не овладевало им, не душило его <...> горечь едкая и жгучая, как горечь полыни, наполняла всю его душу. Что-то неотвязчиво-постылое, противно-тяжкое со всех сторон обступило его, как осенняя, темная ночь; и он не знал, как отделаться от этой темноты, от этой горечи. На сон нечего было рассчитывать: он знал, что он не заснет» [11, с. 255].

В прологе представлена точка зрения взрослого, опытного, мудрого человека. На подобные размышления и оценки он не способен в молодости. Психологическое состояние Санина, как показывает Тургенев, приводит его к размышлениям о своем прошлом и настоящем; и его мысли окрашены той же эмоциональной тональностью. Он принимается анализировать – «о суете, ненужности, о пошлой фальши всего человеческого» [11, с. 255]. Эпитеты, характеризующие сам характер размышлений героя, указывают на неудовлетворенность жизнью, на сожаление о том, как сложилась его судьба. Санин вспоминает разные периоды своей жизни, невольно переходя на уровень обобщений, и все больше убеждается в бессмысленности человеческого существования: «Везде все то же вечное переливание из пустого в порожнее, то же толчение воды, то же наполовину добросовестное, наполовину сознательное самооболащивание... – а там вдруг, уж точно как снег на голову нагрянет старость – и вместе с нею ... страх смерти... и бух в бездну!» [11, с. 256]. В размышлениях героя возникает метафора, уподобляющая человеческую жизнь морю: «он воображал себе это море невозмутимо гладким, неподвижным и прозрачным до самого темного дна; сам он сидит в маленькой, валкой лодке – а там, на этом темном, илистом дне, наподобие громадных рыб, едва виднеются безобразные чудища: все житейские недуга, болезни, горести, безумие, бедность, слепота... Он смотрит – и вот одно из чудищ выделяется из мрака, поднимается выше и выше, становится все явственнее, все отвратительно явственнее. Еще минута – и перевернется подпертая им лодка! Но вот оно опять как будто тускнеет, оно удаляется, опускается на дно – и лежит оно там, чуть-чуть шевеля плесом... Но день урочный придет – и перевернет оно лодку» [11, с. 256]. Изображение видений, подсознательного – примета позднего периода творчества Тургенева, в частности, его «таинственных повестей». Осмысливая «тургеньевский опыт «мистических прорывов» в область сверхчувственного» [3, с. 120], В.Н. Топоров находит его основу в духовной природе самого писателя: «... источник мистического был внутри самого Тургенева... <...> Это мистическое чаще всего открывалось Тургеневу в таинстве жизни и смерти, а одной из частых и конкретных форм проявления мистического были сны...» [10, с. 47].

В завершающей части пролога автор описывает случайный порыв Санина, действие, которое оказывается почти подсознательным: он присел к письменному столу, стал рыться в своих бумагах, в старых женских письмах, «собираясь сжечь этот ненужный хлам» [11, с. 256]. Вдруг он «слабо вскрикнул» [11, с. 256]: в одном из ящиков была коробочка, в которой лежал маленький гранатовый крестик. Он сел в кресло у камина – и опять закрыл руками лицо. «...И вспомнил он многое, давно прошедшее... Вот что он вспомнил...» [11, с. 256]. Крестик, упоминаемый в прологе повести, оказывается художественной деталью, несущей предельно важную эмоциональную и содержательную нагрузку. Он явился поводом

для воспоминаний героя о давнем событии его прошлого, событии, которое, как становится ясно в эпилоге, было лучшим в его жизни. Отметим, что детали выполняют в произведениях Тургенева функцию «хранителей памяти». Так, например, герой повести «Ася», господин Н.Н., всю жизнь хранил высохший цветок гераниума, который Ася некогда бросила ему из окна.

Главным событием основной части «Вешних вод» является рассказ о пережитой в молодости любви героя. Первая глава является экспозицией, в которой уточняется, что Санину тогда было двадцать два года, «он был с небольшим состоянием, но независимый, почти бессемейный» [11, с. 257]. События повести совершаются в течение нескольких месяцев, летом 1840-го г., когда Санин, возвращаясь из Италии, ненадолго останавливается во Франкфурте. Там Санин влюбляется в прекрасную итальянку Джемму Розелли и внезапно изменяет ей. Оказывается, что любовь к Джемме была главным событием его жизни, а связь с Полозовой – поворотом к «безрадостному существованию» [11, с. 257].

Основная сюжетная линия в повести раскрывается в традиционной для творчества Тургенева последовательности: вначале – краткая экспозиция, рисующая среду, в которой живут герои, дальше – завязка, затем действие развивается, влюбленные преодолевают препятствия на пути к своему счастью, наконец, наступает момент наивысшего напряжения действия (объяснение героев), за которым следует катастрофа, а после нее эпилог [см.: 11].

В основе повести традиционный любовный треугольник. Герой оказывается не в состоянии совершить решительный поступок и подчиняется страсти. В каком-то смысле именно он терпит главное поражение, теряя настоящую любовь и не приобретая ничего взамен.

В начале повести Санин выглядит героически: он спас жизнь Эмилию, дрался на дуэли за честь девушки. Измена Джемме, следовательно, не может быть мотивирована нравственной испорченностью Санина. Причины ее другие: герой «Вешних вод» не сумел разглядеть истинное чувство в виду своей молодости, неопытности, отсутствия уверенности в себе. То, что Санин оказался рабом страсти после пережитой любви к Джемме, вероятно, свидетельствует о способности этого человека слепо подчиняться течению жизни и ее капризам. Подчеркивается стихийность чувств, страсти, любви. С точки зрения здравого смысла, такая женщина, как Полозова, хитрая, жестокая, расчетливая, без моральных принципов, не достойна любви. Асю, Джемму любить легко, порочную женщину любить сложно, и герой это понимает. Подобная ситуация описана Тургеневым и в других его произведениях, например, в повести «Бригадир», герой всю жизнь любит жестокую, властную женщину, становясь ее рабом.

Описание портрета Санина появляется лишь в XIV главе: «Во-первых, он был очень и очень недурен собою. Статный, стройный рост, приятные, немногие расплывчатые черты, ласковые голубые глаз-

ки, золотистые волосы, белизна и румянец кожи – а главное: то простодушно-веселое, доверчивое, откровенное, на первых порах несколько глуповатое выражение, по которому в прежние времена тот час можно было признать детей степенных дворянских семей, хороших баричей... наконец, свежесть, здоровье – и мягкость, мягкость, – вот вам весь Санин» [11, с. 280].

Портрет героя и привлекателен, и ироничен. Автор изображает Санина в основной части повести человеком добрым, участливым и в то же время неглубоким, поверхностным. Его можно и осудить, и пожалеть.

В Джемме Тургенев воплощает образ девушки искренней и непосредственной. В образе Полозовой Тургенев стремился подчеркнуть коварство, жестокость и изменчивость ее натуры. Так, например, глаза ее названы «алчными»; в обращении к Санину автор использует выражение «приказала она почти грубо» [11, с. 280]; и в характеристике, которую Мария Николаевна дает сама себе во время первой беседы с Саниным, звучит фраза: «Я людей не щажу» [11, с. 280] и др. Марья Николаевна – личность властная, волевая. На это обратил внимание И. Анненский, когда говорил, что красота у Тургенева – «самая подлинная власть» [1, с. 134]. Среди мужчин – жертв этой красоты – Анненский называет и Санина.

Любовь в произведениях Тургенева – «многомерное понятие» [9, с. 187], с которым связаны тайна и страдание, болезнь и смерть, неотвратимый рок и красота. Она предстает как «роковая страсть или как возвышенное романтическое чувство, в идеале вмещающая в себя природно-естественное и духовное» [9, с. 187]. В «Вешних водах» Тургенев развивает ту же философию любви как силы, подчиняющей себе человека, порабащивающей его, что и в повестях «Первая любовь», «Бригадир» [см: 4, 6, 7, 8, 10]. В то же время автор восхищается красотой любовного чувства, несмотря на то что, по его мысли, чувство это не приносит человеку счастья и часто ведет его к гибели, если не физической, то нравственной. XXVIII глава повести «Вешние воды» начинается метафорическим сравнением: «Первая любовь – это та же революция: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбит и разрушен в одно мгновение, молодость стоит на баррикаде, высоко вьется ее яркое знамя – и что бы там впереди ее ни ждало – смерть или новая жизнь – всему она шлет свой восторженный привет» [11, с. 323 – 324].

Эпилог повести мотивирован основной частью. Композиция эпилога представляет собой две главы, которые разделены структурно. Эпилог начинается словами, которые возвращают читателя и рассказчика в настоящее время, время рассказывания: «Вот что припомнил Дмитрий Санин, когда в тишине кабинета, разбирая свои старые бумаги, он нашел между ними гранатовый крестик» [11, с. 377]. Таким образом, крестик – художественная деталь, важная для развития сюжета, так как он служит поводом для воспоминаний. Содержание эпилога можно условно

разделить на несколько частей. Во-первых, описываются чувства героя, которые он испытывает уже по прошествии многих лет после произошедших событий. Дается точка зрения повествователя: «Стыд душил его — даже и теперь, столько лет спустя; он страшился того чувства неодолимого презрения к самому себе, которое, он в этом не мог сомневаться, непременно нахлынет на него и затопит, как волною, все другие ощущения, как только он не велит памяти своей замолчать» [11, с. 378].

Сравнение силы чувства стыда Санина, которое он испытывает в момент воспоминания, с «волной» свидетельствует о душевных переживаниях и осознании своей ошибки. Во-вторых, лаконично описаны дальнейшие события, завершающие в смысловом отношении сюжетную линию с Джеммой и Полозовой: «дрянное, слезливое, лживое, жалкое письмо, посланное им Джемме, письмо, оставшееся без ответа...» [11, с. 378], позорное бегство из Франкфурта вслед за Полозовой, «житье в Париже и все унижение, все гадкие муки раба, которому не позволено ни ревновать, ни жаловаться и которого бросают наконец, как изношенную одежду... Потом – возвращение на родину, отравленная, опустошенная жизнь» [11, с. 378].

Слово «воспоминания» является ключевым в эпилоге, они «всплывают» как кадры в голове Санина. Здесь подключается точка зрения самого героя в форме несобственно-прямой речи, появляется его оценка, происходит совмещение двух мнений. Кульминацией эпилога является авторский текст: «Чаша переполнилась – довольно!» [11, с. 378], в результате которого появляется ряд вопросов: «Каким образом уцелел крестик, данный Санину Джеммой, почему не возвратил он его, как случилось, что до того дня он ни разу на него не наткнулся? Долго, долго сидел он в раздумье и – уже наученный опытом, через столько лет – все не в силах был понять, как мог он покинуть Джемму, столь нежно и страстно им любимую, для женщины, которую он и не любил вовсе?..» [11, с. 378]. Суть жизненного откровения героя заключается в том, что «счастье любви столь же трагически мгновенно, как и человеческая жизнь, однако она и есть единственный смысл и содержание этой жизни» [5, с. 57]. Воспоминания и нахлынувшее чувство отворачивания к себе возбуждают в Санине желание действий, он объявляет друзьям, что уезжает за границу. События, описанные в последней главе, относятся к настоящему времени, и повествование ведется от лица автора. Герой возвращается во Франкфурт спустя тридцать лет. Город, увиденный Саниным, изменился до неузнаваемости: «Санин бродил как ошалелый по местам, когда-то столь знакомым, и ничего не узнавал» [11, с. 378]. После долгих поисков герой узнает, что Джемма вышла замуж и переехала в Нью-Йорк. Ему удается раздобыть ее адрес. После стольких лет бездействия Санин был решителен как никогда в жизни. Он пишет письмо Джемме, в котором просит прощения за свой поступок, рассказывает ей свою жизнь, «одинокую, бессемейную,

безрадостную; закликает ее понять причины, побудившие его обратиться к ней, не дать ему унести в могилу горестное сознание своей вины – давно выстрадавшей, но не прощенной – и порадовать его хотя самой краткой весточкой о том, как ей живется в этом новом мире, куда она удалась» [11, с. 378]. Через шесть недель томительно ожидания Санин получает ответ. Это означало, что он прощен. Автор описывается эмоциональное состояние героя в этот момент: «Слезы так и брызнули из его глаз» [11, с. 378]. По прошествии стольких лет Санин чувствует спокойствие и умиротворение, он получил прощение благодаря своей решительности и искренности, чего ему так не хватало в молодости. Сладость испытанного чувства окрылило Санина. Он отсылает дочери Джеммы, Марианне, как две капли воды похожей на мать, в качестве подарка «гранатовый крестик, обделанный в великолепное жемчужное ожерелье» [11, с. 378].

Эта художественная деталь, появившаяся в прологе повести как повод к воспоминанию об истории первой любви, играет важную роль и в эпилоге. Гранатовый крестик дает возможность Санину отблагодарить Джемму за надежду на прощение и обретение спокойствия [2].

Финал повести остается открытым: «Слышно, что он продает все свои имения и собирается в Америку» [11, с. 378].

УДК 070

Ф.А. Ветров, Т.А. Ветрова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСКУРСА ДЕЛОВЫХ ЖУРНАЛОВ: КОНСТИТУТИВНЫЙ АСПЕКТ

*Работа выполнена в рамках федеральной целевой программы
«Научные и научно-педагогические инновационной России» на 2009 – 2013 гг.,
соглашение № 14.132.21.1044*

Статья посвящена анализу базовых институциональных характеристик компонента медиадискурса – дискурса деловых журналов.

Дискурс, медиадискурс, деловой журнал.

The article is devoted to the analysis of basic institutional characteristics of the component of media discourse that is the discourse of business magazines.

Discourse, media discourse, business magazine.

Дискурс СМИ принято рассматривать как дискурс институциональный (в терминологии В.И. Карасика), что позволяет фиксировать трафаретность коммуникации, ролевые установки агентов и клиентов, символические действия. Хотя современные СМИ постепенно приходят к стиранию грани между обыденным и институциональным общением (безусловно, не последнее место здесь занимают он-лайн

1. *Анненский, И.* Символы красоты у русских писателей / И. Анненский // Анненский И. Книги отражений. – М., 1979.

2. *Голубков, В.В.* Художественное мастерство И.С. Тургенева / В.В. Голубков. – М., 1955.

3. *Ермакова, Н.А.* Ландшафт смерти в произведениях И.С. Тургенева / Н.А. Ермакова // Критика и семиотика. – Новосибирск, 2010. – № 14.

4. *Курляндская, Г.Б.* Концепция любви в творчестве Тургенева / Г.Б. Курляндская // Спасский вестник. – Тула, 2005. – Вып. 12.

5. *Курляндская, Г.Б.* Эстетический мир И.С. Тургенева / Г.Б. Курляндская. – Орел, 1994.

6. *Недзвецкий, В.А.* Любовь – крест – долг... (повесть И. С. Тургенева «Ася») / В.А. Недзвецкий // От Пушкина к Чехову. – М., 1999.

7. *Петровский, М.А.* Таинственное у Тургенева / М.А. Петровский // Творчество Тургенева: сб. ст. / под ред. И.Н. Розанова, Ю.М. Соколова. – М., 1920.

8. *Пустовойт, П.Г.* И.С. Тургенев – художник слова / П.Г. Пустовойт. – М., 1987.

9. *Сенькина, Ю.Н.* Тургеневская концепция любви в интерпретации ученых / Ю.Н. Сенькина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – № 101. – СПб, 2009.

10. *Топоров, В.Н.* Странный Тургенев (Четыре главы) / В.Н. Топоров. – М., 1998.

11. *Тургенев, И.С.* Вешние воды / И.С. Тургенев // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 8. – М., 1980.

СМИ и в целом Интернет-коммуникация). Поскольку материалом нашей статьи являются тексты печатного издания, то вопрос институциональности – персональности не мешает нам использовать базовую схему анализа конкретного дискурса В.И. Карасика (компоненты институционального дискурса) для анализа масс-медийного дискурса в части деловых СМИ: 1) участники, 2) хронотоп, 3) цели, 4) ценно-

сти (в том числе и ключевой концепт), 5) стратегии, 6) материал (тематика), 7) разновидности и жанры, 8) прецедентные (культурогенные) тексты, 9) дискурсивные формулы [10].

В целом, функционирование деловых журналов оказывается естественно обусловленным всеми параметрами, формирующими масс-медийный дискурс. При всей привлекательности для исследователей масс-медийного дискурса его высокая дискретность и конвергентные тренды делают практически невозможным полное представление характеристик этого типа дискурса.

Цели. Масс-медийный дискурс принципиально синкретичен, в нем опосредованы все иные типы дискурсов (и уже это не дает возможности в рамках одного исследования определить все жанрово-стилистические и прочие нюансы его воспроизводимости), однако выстраиваются они (дискурсы) согласно основной цели масс-медиа как социального института – воздействия на массовую аудиторию через информирование и, естественно, оценку передаваемой информации.

Массовая коммуникация с позиций дискурсивного подхода обусловлена не отражением некой единой ментальности (различные СМИ ориентированы на разные идеологии) или тематической общностью (политематичность СМИ), а именно целью коммуникации – «стремлением воздействовать на реципиента, подготовить его к адекватному, с точки зрения отправителя информации, социальному взаимодействию» [24, с. 9].

Целевое назначение делового журнала определяется потребностями аудитории в получении информации об экономике. И здесь важна читательская целевая установка не просто на получение информации, но на то, чтобы принять информацию к вниманию и учесть при выработке решений (в первую очередь экономического порядка): следовать или не следовать рекомендации журналиста / журнала / эксперта [7, с. 21].

Таким образом, дискурс СМИ может быть охарактеризован как самостоятельное коммуникативное явление с такими особенностями, как: масс-ориентированность, интенциональность, национально-культурная специфика, идеологичность, информативность и субъективность [18].

Деловые СМИ обладают и рядом специфичных трендов, в частности, общей *стратегией* специализации информационных потоков и унифицирования способов работы с информацией. Тем самым, общие варианты убеждающей стратегии, характеризующие масс-медийный дискурс, в рамках деловых журналов акцентируют структурирование больших информационных пластов. В том числе структурирование касается самих текстов. Публикации в деловых СМИ чаще всего обладают жесткой структурой («перевернутая пирамида»), что позволяет читателю спланировать время чтения, по замечанию авторов монографии «Деловая журналистика» [7, с. 589].

Ценности. Основной ценностью дискурса средств массовой информации, в том числе и делового,

является признание законов общественной жизни, «привнесение» образов власти в область жизнедеятельности индивидов [8]. Деловые СМИ связаны, прежде всего, с деловой информацией, которая определяет принятие решений в условиях быстро меняющейся деловой среды. Хотя А.В. Вырковский в ходе своего исследования приходит к выводу, что «российские деловые журналы уделяют значительно большее внимание – по сравнению с американскими аналогами – непрофильным для деловых журналов темам: в частности, развлекательным и политическим» [4, с. 3]. Но все же деловая пресса, в первую очередь, призвана обеспечивать информационные потребности в сфере бизнеса (разнообразных клиентов этой сферы и с разной мотивацией). К примеру, Д.А. Мурзин определяет деловую информацию «важной составной частью той информационной среды, в которой формулируются ответственные решения в сфере экономики, бизнеса и политики» [15, с. 109].

Утилитарность и прагматичность коммуникации оказывается определяющей, поскольку деловой журнал определяется функционалом предварительной обработки информации, структурирования информационных потоков. Ценностная характеристика делового дискурса обусловлена *материалом*, тематической направленностью, содержательным фокусом конкретных изданий и групп изданий. В целом, ценность этого дискурса можно определить вслед за Р. Овсепяном как содействие «формированию нового экономического мышления в различных слоях общества» [19].

Безусловно, важна специфика *жанрового поля* деловой периодики, которое представлено не уникальными позициями, однако с явным превалированием аналитических материалов разного плана. К наиболее распространенным жанрам исследователи относят:

- новостные жанры: короткая новость, расширенная новость, информационное интервью;
- жанры рациональной публицистики: ньюс-фиче, комментарий, аналитическая статья, экспертное интервью, обзор рынка, авторская колонка, рейтинг, прогноз, рекомендация, кейс;
- жанры эмоциональной публицистики: репортаж, личностное интервью [4, с. 588].

Обратим внимание на то, что реализация тематики в рамках любого жанра в деловом издании сопряжена с поисками адекватной формы изложения. В этом смысле термины выделяются и становятся признаками *дискурсивной формульности*. Широкое использование терминов в деловой журналистике связано именно с тематикой и, прежде всего, с ее узостью. По сравнению с другими типами журналистики одними из самых насыщенных терминологией, по мнению авторов монографии «Деловая журналистика», являются тексты на финансовые темы [4, с. 567].

Участники коммуникации. Любая коммуникация определяется адресантно-адресатными отношениями. Специфика предъявления этих отношений во многом обуславливает характер социальной практи-

ки, в рамках которой развивается практика дискурсивная. Адресная ориентированность дискурса определяется для СМИ традиционно как дистантная, ретральная (передача сообщения неизвестному и не определенному количественно получателю информации), с индивидуально-коллективным субъектом (под этим подразумевается не только соавторство, но и общая позиция канала) [2], [5], [13].

Принципиальная диалогичность дискурса СМИ [9] позволяет определить его как совокупность авторских текстов, раскрывающих элементы индивидуальной картины мира [14], с одной стороны, и как адресный масс-ориентированный, с другой. Индивидуально-коллективный характер деятельности журналиста в целом подчеркивается исследователями журналистики [6], [11], [12], [25] как базовый элемент профессиональной деятельности, особенно с возрастающей ролью технических средств обеспечения деятельности журналиста.

Адресант в масс-медиа, как правило, профессионально связан с публичной речевой деятельностью и ее рамками [3], хотя отсутствие строгой регламентации и цензуры позволяет более свободно и при этом публично выражать индивидуальное мнение (вопрос, естественно, спорный, поскольку коммерциализация накладывает не меньшие цензурные рамки, только фиксируются они в других параметрах).

Так, А. Остахов (известный калининградский журналист) определяет роль журналиста в деловом издании: «Квалифицированность, скорее всего, вызвана близостью журналистов к источникам информации, лучшей тематической подготовкой (нередко сотрудниками редакции становятся профессиональные финансисты). <...> Короткий обмен мнениями с коллегами позволяет корректировать свою точку зрения, но практически не влияет на авторскую позицию. На мой взгляд, журналист был и остается профессиональным дилетантом, который вчера готовил материал о строителях, сегодня – об аудиторах. И степень дилетантизма обратно пропорциональна специализированности издания, в котором он сотрудничает» [20, с. 67]. Тем самым, адресант чаще всего связан с экспертными позициями, статусными характеристиками.

При этом дискурс деловых СМИ предполагает не всегда совпадающие роли коммуникантов. Это может быть общение как в рамках специалист – специалист, так и специалист – неспециалист [25, с. 86 – 87]. То есть адресатом может являться и серьезный профессионал, и начинающий бизнесмен, и просто человек, интересующийся проблемами экономики и бизнеса. В то же время исследователи предлагают варианты аудиторных характеристик. В частности, С. Корконосенко определяет аудиторию так: «Деловая пресса – печать, освещающая солидный бизнес и предназначенная для него» [11, с. 110].

Д. Мурзин настаивает, что аудитория деловой прессы не ограничивается лишь руководителями: «Ядро целевой аудитории деловой прессы составляют специалисты, т.е. лица, причастные не к принятию, а к подготовке, выработке решений. Это, преж-

де всего, люди из групп организаторского труда – образованные, социально активные, работающие во всех сферах народного хозяйства, в науке (в первую очередь прикладной) и на государственной службе. Среди читателей деловой прессы немало студентов высших учебных заведений» [17, с. 107].

Интересную схему потребителей деловой информации предлагают авторы монографии «Деловая журналистика», полагающие, что деловая журналистика в настоящее время становится актуальной для любой аудитории. В частности, исследователи выделяют следующие аудитории: топ-менеджмент (принятие решений), специалисты (выработка решений) и домохозяйства (инвестиции) [4, с. 15].

Такое расширенное понимание аудитории связано с масштабами экономических отношений, которые затрагивают все новых читателей. Это вкладчики, пайщики, акционеры, трейдеры, те, кто может отвечать не за выработку глобальных трендов, но которым «информация деловых СМИ позволит принимать взвешенные решения, направленные на получение дохода, достижение профессионального успеха» [4, с. 15].

Отдельного внимания заслуживает и категория тех читателей, которые стремятся быть в курсе бизнес-информации, хотя напрямую, финансово, они могут быть и не связаны с получением подобной информацией [1], [4]. Эта категория не в последнюю очередь стимулирует деловое издание к универсальной подаче материала.

Интересен в этом смысле *хронотон* дискурса деловых СМИ. Поскольку зачастую предполагается очень кратковременная коммуникация с читателем, по крайней мере, основного корпуса текстов издания. В частности, Д. Мурзин указывает на временные рамки в 30 мин., которые отводит менеджер среднего звена на чтение деловой прессы [16, с. 216]. И здесь важна не только довольно жесткая структура, но и универсальность формы.

Адресат в дискурсе деловых медиа оказывается имплицитно включен в представления о специфике коммуникации, действует прогностически относительно общих фоновых знаний с адресантом [22].

Деловые СМИ предполагают сконцентрированность информации в тексте. В этом смысле жанров-стилистическая норма деловых СМИ ориентирована на утилитаризм и предполагает лаконичность, даже лапидарность, естественно, без ущерба достоверности. Тексты чаще небольшие по объему (если не иметь в виду практико-аналитические статьи) [22], характерна четкость и лаконичность языка, общепринятость терминологии и последовательность изложения [24].

Принято говорить о высокой степени «привычности» общения в этом типе дискурса: повышенная чувствительность к ожиданиям адресата позволяет работать с привычными когнитивными и речевыми стереотипами. В частности, профессор Т.А. Ширяева утверждает, что «читатель стремится найти в публикации не только новую информацию, но и родственную ему концептуальную систему» [25, с. 87]. Отме-

тим также важный момент – прием свертывания, характерный для делового дискурса СМИ. По сути, происходит отбор ключевых слов, порождающих интерпретативные смыслы, которые позволяют реализовывать конатативную функцию (предполагающую адекватное усвоение) и функцию волюнтаривную (воздействия).

Итак, функционирование деловых медиа подчиняется как общим законам функционирования системы СМИ, так и специфическим законам делового дискурса, определяется содержательными характеристиками, выраженными в тематике.

Литература

1. Бочаров, А. Журнальная периодика России / А. Бочаров, М. Шостак, Л. Калашникова. – М., 1996
2. Вакуров, В.Н. Стилистика газетных жанров / В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев, Г.Я. Солганик. – М., 1978
3. Воронцова, Т.А. О соотношении понятий публичный дискурс – язык СМИ – публичная речь / Т.А. Воронцова // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2008. – Вып. 3. – С. 17 – 21.
4. Вырковский, А.В. Сравнительный анализ моделей деловых журналов США: на примере «Форчуна», «Форбса», «Бизнес уика», «Эксперта», «Денег», «Смарт Мани» : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.В. Вырковский. – М., 2007.
5. Граудина, Л.К. Культура русской речи / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М., 1998.
6. Гуревич, С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра / С.М. Гуревич. – М., 2004.
7. Деловая журналистика / отв. ред. А.В. Вырковский. – М., 2012.
8. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М.Н. Володина. – М., 2003. – С. 116 – 133.
9. Дускаева, Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / Л.Р. Дускаева. – Пермь, 2004.
10. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград, 2002.
11. Корконосенко, С.Г. Основы журналистики / С.Г. Корконосенко. – М., 2007.

12. Лазутина, Г.В. Основы творческой деятельности журналиста / Г.В. Лазутина. – М., 2000

13. Медведева, С.Ю. Специфика языка печати как средства массовой коммуникации / С.Ю. Медведева // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М., 1986

14. Мезенцева, В.Ю. Медийный дискурс: социокогнитивная рамка / В.Ю. Мезенцева // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. – Вып. 4. – Ставрополь; Пятигорск, 2006.

15. Мурзин, Д.А. Деловая пресса / Д.А. Мурзин // Типология периодической печати / под ред. М. В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М., 2007.

16. Мурзин, Д.А. Очерк типологии деловой прессы / Д.А. Мурзин // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10.: Журналистика. – 2003. – № 2. – С. 215 – 219.

17. Мурзин, Д.А. Деловая пресса / Д.А. Мурзин // Типология периодической печати / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. – М., 2007.

18. Никитина, К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием / К.В. Никитина // Управление общественными и экономическими системами. – Орел, 2006. – № 2. – URL: www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2006/2/Nikitina.doc. (дата обращения: 15.09.2011)

19. Овсепян, Р. История новейшей отечественной журналистики / Р. Овсепян. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Ovsep/_08_a.php (дата обращения: 15.09.2011)

20. Остахов, А. Деловая журналистика – неотъемлемый элемент хозяйственной деятельности / А. Остахов // Деловая пресса России: настоящее и будущее. – М., 1998.

21. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. – М., 2000.

22. Тертычный, А.А. Аналитическая журналистика / А.А. Тертычный. – М., 2010.

23. Харченко, В.К. Поведение: от реального к идеальному / В.К. Харченко. – Белгород, 2005.

24. Черепанова, Л.Л. Дискурс региональных СМИ: психолингвистический аспект: автореф. ... дис. канд. филол. наук / Л.Л. Черепанова. – Пермь, 2007.

25. Ширяева, Т.А. Соотношение типов институционального делового дискурса и видов модели его адресованности / Т.А. Ширяева // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. – Вып. 6. – Ставрополь; Краснодар, 2008.

26. Шостак, М.И. Журналист и его произведение / М.И. Шостак. – М., 1998.

УДК 811.161.2

В.Г. Дидковская

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье анализируются основные приемы игрового использования фразеологизмов в текстах современной массовой литературы как отражение основных процессов, характеризующих функционирование русского языка нового времени.

Массовая литература, языковая игра, фразеологизм, трансформация.

The present article is devoted to the analysis of the phenomenon of linguistic game presented by the different transformations of phraseological units in modern literature.

Mass literature, linguistic game, phraseological unit, transformation.

Феномен языковой игры является самым популярным объектом исследования в трудах, посвященных языку «текущего момента». Она изучалась и изучается в художественных текстах как явление авторской и персонажной сферы, а в работах конца XX – начала XXI вв. признается яркой приметой всех типов и форм современного текста: игры с языком «стали реализовываться повсеместно, и в особенности – в языке средств массовой информации» [5, с. 6].

Она является «важной составляющей, неизменным компонентом русской языковой действительности» [4, с. 28 – 29]. Многогранность языковой игры, часто «уводящая» ее за пределы языковой деятельности, повлияла на то, что в лингвистической литературе термин *языковая игра* наполняется разным содержанием. Вероятно, поэтому в работах последних лет наблюдается стремление сформулировать максимально общее, «всеобъемлющее» определение этого феномена. Т.А. Гридина предлагает рассматривать языковую игру как особую форму «лингвокреативной деятельности, отражающей стремление говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей – при понимании условности совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на «опознание» реципиентом негласно принятых правил ... общения» [3, с. 26].

Широкая трактовка языковой игры представлена и в словарной статье *Языковая игра* в словаре-справочнике «Культура русской речи»: «Языковая игра – творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / стилистической / речеповеденческой / логической нормы) использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [7, с. 802].

Таким образом, языковая игра как форма человеческой деятельности имеет общие свойства: обязательно содержит эстетический момент; часто сопряжена с комическим эффектом, т.е. рассчитана на то, чтобы развеселить, рассмешить собеседника; и, наконец, она использует свойства языковой системы, но своеобразно, постоянно нарушая его нормы [9].

Среди много- и разнообразных функций языковой игры выделим две, имеющие непосредственное отношение к нашей статье: языкотворческую и оценочную. Языкотворческая функция с направленностью на поиск новых средств выражения, новой образности как нельзя лучше выражает общее стремление к свободе выражения, к обновлению культурно-речевых образцов. Кроме того, игровая природа языкотворчества проявляется в стремлении говорящего (пишущего) развлечь себя и собеседника (читателя), получить «удовольствие от текста» [1, с. 470]. Оценочная функция языковой игры обуславливает ее использование для выражения и направленного моделирования определенного социального отношения и поведения. Эти качества и функции языковой игры обуславливают ее широкое использование в средствах массового общения, одной из форм которого является массовая литература. Действительно, сегодня процесс получения удовольствия от текста в боль-

шей степени связан именно с текстами массовой литературы, не требующей от читателя навыков медленного чтения, активной мыслительной работы, обширных культурных знаний [16, с. 133]. В то же время «момент игры» усиливает экспрессивность, обостряет диалогичность и эмоциональность, характерные для нее (Е.А. Земская).

Из многочисленных определений массовой литературы выбираем следующее: это высокотехнологичный синтез искусства и бизнеса, возникающий вследствие все более глубокой интеграции культуры и искусства в рыночные отношения. Ее специфическими чертами являются: ориентированность на массового читателя, что имеет следствием занимательный характер массовой литературы; переосмысление традиционной поэтики, результатом чего явились «вторичные» условные правила, по которым ведется «игра» с читателем и др. [8, с. 50 – 51].

Одно из первых мест в корпусе массовой литературы принадлежит детективу. Приоритетность детективного жанра по-разному оценивается исследователями современной беллетристики: тон этих оценок варьируется от «горько-иронического» («детективизация» всей страны, форма психотеррора, инструмент давления на общество [см.: 10, с. 181]) до сдержанно-аналитического. Так, анализируя векторы развития женского детектива, М.А. Черняк отмечает, что популярность детектива обусловлена объективными причинами, а именно тем, что он стал жанром, «наиболее оперативно ответившим на вызов времени – попытку осмысления современной эпохи», с помощью которого «русская литература начала 1990-х нашла свой путь «к народу» [16, с. 179]. Разноречивость оценок современного детектива связана с разнокачественностью самих детективных романов. Если часть из них, безусловно, относится к разряду «детективного чтения», то произведения Б. Акунина, Д. Донцовой, Д. Корецкого, А. Марининой, Т. Устиновой и др. уже стали классикой отечественного детектива. Их авторы хотя и являются деятелями «транзитивного типа», то есть Пишущими, по определению Р. Барта, но в их деятельности по производству детективных текстов ремесло одушевляется интеллектом, а «чем выше интеллект Пишущего, ... тем меньше расстояние, отделяющее его от Писателя» [1, с. 19]. Интересно отметить, что сами создатели современных детективов стремятся соотнести свои тексты с произведениями детективной классики, включая имена их авторов и героев в свои тексты:

Дело оказалось сложнее, чем Сергей предполагал поначалу. Кажется, именно так и бывает с классическими сыщиками из детектива. Сначала они уверены, что дело не стоит выеденного яйца: «Это дело на одну трубку, Ватсон». Потом они «заходят в тупик»: «Никогда в жизни у меня не было такого сложного дела, Ватсон». Потом они начинают «приближаться к разгадке»: «В темноте забрезжил свет, Ватсон»

Т. Устинова, Развод и девичья фамилия

Для таких авторов слово служит не только средством достижения цели (производство очередного текста), но и объектом творческой деятельности; ее основу составляет «традиционный и естественный интерес говорящего к собственному языку как к инструменту общения и самовыражения» [15, с. 237].

Следует отметить, что хотя современный отечественный детектив как жанр массовой литературы внутренне неоднороден, однако, все его «варианты» (исторический, политический, иронический, шпионский детектив, детектив-мелодрама и др.) в равной мере рассчитаны на удовлетворение «потребительских ожиданий» массового читателя, мотивированы привычными для него способами общения с текстом. Читатель современного детектива стремится получить удовольствие, разгадывая сюжетные хитросплетения романа, или, как пишет У. Эко, погружаясь в игру, фрагменты и правила которой ему хорошо знакомы. Поэтому интерес говорящего (в нашем случае Пишущего) к слову ограничен возможностями массового читателя, который стремится получить информацию, «читать код» без особых психоэмоциональных затрат со своей стороны.

Языковая игра как осознанное, намеренное нарушение нормы в специальных коммуникативных или художественных целях позволяет создателям детективных текстов реализовать свою авторскую индивидуальность, ощутить себя «мастерами слова», оставаясь в границах языковой компетенции массовой читательской аудитории. В этом отношении фразеология предоставляет обширный материал для языко творчества, что вполне объяснимо как образной природой фразеологизмов, так и их принадлежностью к общенациональному языковому фонду, единицы которого усваиваются носителями русского языка естественным путем и используются ими в разных формах коммуникации. Поэтому преобразования фразеологизмов, связанные с формой, значением, коннотативными и культурными компонентами их содержания, опознаются и осознаются читателями и, как правило, достигают того коммуникативного и стилистического эффекта, на который были рассчитаны. В филологических исследованиях последних лет к основным приемам современной языковой игры обязательно относят трансформацию фразеологизмов, что вполне объяснимо как их собственными свойствами, так и высокой степенью внешней узнаваемости, их связью с общим фондом языковых знаний автора и его читателя. Заметим, что у некоторых авторов языковая игра осуществляется преимущественно как «игра с фразеологизмами» и становится главным средством дискурсивизации текста [2, с. 15].

Фразеологическая игра во всем разнообразии ее приемов используется в детективных романах Т. Устиновой, где она становится главным средством приближения письменного модуса дискурса к устному, создает «эффект устности», живой беседы между автором и адресатом текста. Такое использование фразеологизмов соответствует ориентации современной беллетристики на «разговорность» и активизации в литературном нарративе нетрадиционных

способов повествования. Эти новые качества прозы, в свою очередь, обусловлены основными факторами, определившими функционирование русского языка нашего времени, в числе которых усиление личностного начала в речи, расширение сферы спонтанного общения, изменение важных параметров протекания устных форм массовой коммуникации, стремление выработать новые средства выражения, новые формы образности [12, с. 12 – 14].

Поиск новых языковых форм, создающих эффект спонтанной, не скованной правилами, экспрессивной современной речи, приводит к «оказионализации» фразеологизмов [13, с. 20] в текстах романов Т. Устиновой. В них использованы почти все приемы их оказионального преобразования, первое место среди которых, безусловно, занимают трансформации общезыковой формы (изменения в компонентном составе фразеологизмов, объединение нескольких единиц, сокращение компонентного состава и др.): как *Мамай проскакал* (как Мамай прошел, воевал), *к гадалке не ходи* (к бабке не ходи), *как бычок на веревочке* (ср. поговорку Быть бычку на веревочке), *втлупаться в историю* (попасть, влипнуть в историю), *не понимать антимионий* (разводить антимионии), *обходить острые углы и подводные камни* и др. Такой прием, как образование оказионального фразеологизма по общезыковой модели, обновляет и «оживляет» в тексте малоэкспрессивные обороты *под носом* (у кого) и *на глазах* (у кого):

Аркадий Воздвиженский подхватил Машу под локоток и поволок ее к французскому окну, за которым скучал милиционер ... в фуражке с высокой тульей, но перед самым выходом на лужайку писатель затормозил. Говорить под самыми ушами милиционера было дико ...

(Саквояж со светлым будущим)

Он пошел в гостиную, чтобы не звонить из кухни на глазах у Валентины. Нет, не на глазах. На ушах, точнее будет.

(Развод и девичья фамилия)

Некоторые внешние трансформации фразеологизмов, например, изменение нормативной сочетаемости, сопровождаются изменениями в их семантике: *У меня все болит, – пожаловался он, – все кости ноют! ... Я не хочу вставать! Я устал, как сапожник! Я вымотался! Может человек устать, в конце концов?!*

(Закон обратного волшебства)

Присутствующая в языковой памяти читателя модель лексической сочетаемости этого оборота (пьян, напился как сапожник) окрашивает речь персонажа в комические тона и в то же время программирует иронически-пренебрежительное восприятие этого персонажа читателем.

В некоторых случаях преобразования фразеологизмов, связанные с актуализацией их синтаксической формы, приводят к буквализации их прочтения в тексте. Это создает экспрессию живого говорения в

ситуации, когда собеседники следуют каждый своей коммуникативной стратегией:

Тебе нужно заниматься своим здоровьем – сообщила Мика – серьезно! Ну что это такое, ты же молодой, не пьешь, а на тебе лица нет! – А что на мне есть? – И щeka! Что у тебя со щеккой? – Шел, упал, очнулся – закрытый перелом, – сказал Илья Решетников и потрогал щeku.

(Закон обратного волшебства)

У меня есть свежий чай, только что заварила. Выпейте чаешечку. ... Когда усталость берет свое... – Мое усталость не берет, – пробормотала Кира, – я железная.

(Развод и девичья фамилия)

Такая трансформация фразеологизмов является не просто их окказиональной перестройкой, но особым приемом языковой игры, направленным на то, «чтобы не быть скучным, усилить непринужденность общения, развлечь себя и собеседника, а для этого выразиться необычно» [11, с. 174].

Наиболее интересным способом трансформации фразеологизмов в текстах Т. Устиновой является разделение их на фрагменты, которые затем включаются в состав других синтаксических структур. Как правило, деформированная единица становится исходной для развертывания внутреннего монолога одного из персонажей, что позволяет создать эффект спонтанной речи. Этот прием основан на том, что компоненты фразеологизма или их сочетания начинают жить отдельной жизнью, восстанавливается их исходное значение, оживляется и переосмысливается в соответствии с реалиями современной жизни внутренняя форма всей единицы:

...значит, мир устроен совсем по-другому. Не так, как это представлял себе Хохлов до того, как все случилось! Это значит, что все люди, даже самые близкие, на самом деле волки, и он просто не видит их оскаленных хищных пастей, прикрытых привычной овечьей шкуркой! Впрочем, у людей нет никакой овечьей шкурки, что за глупость! Они просто люди и, вполне возможно, их испортил квартирный вопрос...

(Гений пустого места)

Весь текст, в который развертывается фразеологизм, оказывается расшифровкой этой внутренней формы, источник которой автор предлагает искать не в библейском тексте, а в «мире животных». В других случаях основой текстового развертывания становится семантика обыгрываемой единицы, как, например, в абзаце:

Голос Весника словно выдернул его на поверхность. Он был рыбой, плавал себе в теплой воде, шевелил плавниками и думал свои рыбы думы, а Весник – подлец! – зацепил его острым крючком за губу и дернул вверх, и нет теперь пути назад, в безопасный и теплый пруд, пахнувший ряской, и те-

перь путь только вперед, в ад, на сковородку, сродни той, на которой черти в аду поджаривают грешников!

(Саквояж со светлым будущим)

Узнаваемость фразеологизма как рыба в воде в приведенном фрагменте затруднена многоплановыми преобразованиями, однако его семантика «свободно, непринужденно, хорошо (чувствовать себя где-либо)», несомненно, служит основой словесного развертывания текста.

Игровой, шутливый характер использования фразеологизмов постоянно подчеркивает сама Т. Устинова, сопровождая необычные контексты их употребления авторскими указаниями на несерьезность речевых интенций персонажей:

Он сказал, – выпалила Маша, и Родионов остановился, не донеся до рта кружку, – что вы не должны ехать в Киев. Что вы должны остаться в Москве, иначе будут вам полные вилы. – Как же вилы? – удивился Родионов. – Раньше ты говорила – вроде грабли! – Вот вы шутите, Дмитрий Андреевич, а на самом деле...

(Саквояж со светлым будущим)

Шуточное переосмысление фразеологизмов должно, по замыслу автора, создать эффект современной речи, с ее раскованностью, ироничностью, смешением стилей:

Родионов пожал плечами. Чем дальше в лес, подумалось ему, тем больше дров. Нет, не так. Чем дальше в лес, тем яснее пень, так будет по-современному.

(Там же)

Таким образом, игровое использование фразеологизмов в текстах романов Т. Устиновой соответствует общим тенденциям функционирования русского языка, таким, как устность, непринужденность, экспрессивность, которые закономерно отражаются в текстах массовой литературы. Но в этом явлении можно видеть, как представляется, и выражение общезыковых закономерностей, проявляющихся в своего рода взаимообусловленности языковой игры и фразеологии. Это пересечение таких разных языковых явлений обеспечивается, по замечанию В.М. Мокиенко, их парадоксальностью. Языковая игра – это словесный парадокс, нарушение привычного, устойчивого, целью которого является создание экспрессивности высказывания и целого текста. Фразеология по своей природе – тоже лингвистический парадокс, основанный на противоречиях между раздельной формой и целостным содержанием ее единиц. Экспрессивность, обусловленная образностью и оценочностью, является одним из категориальных признаков фразеологизмов, что и обеспечивает их использование в качестве активных «участников» языковой игры.

В целом же игра со словом и фразеологизмом предстает как яркий и характерный признак совре-

менного русского текста и всей современной языковой ситуации, которую характеризует использование игровых приемов во всех сферах общения, поэтому его можно рассматривать как проявление общей «карнавализации языка», обусловленной карнавализацией самой жизни [5, с. 72].

Литература

1. Барт, Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Сост. и общ. ред. Г.К. Косикова. – М., 1989.
2. Белова, В.М. Дискурсивные слова в мемуарах монтанского типа: семантика, функции, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.М. Белова. – Вологда, 2011.
3. Гридина, Т.А. Языковая игра как лингвокреативная деятельность / Т.А. Гридина // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе. – Екатеринбург, 2002. – С. 26 – 27.
4. Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амри. – М., 2009.
5. Костомаров, В.Г. Старые мехи и молодое вино: Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века / В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвинова. – СПб., 2001.
6. Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России: сб науч. статей / сост. И.Л. Савкина, М.А. Черняк. – СПб., 2009.

7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / [под ред. Л.Ю. Иванова и др.]. – М., 2003.

8. Нецименко, Г.И. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы, тенденции развития / Г.И. Нецименко // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98 – 132.

9. Норман, Б.Ю. Игра на гранях языка / Б.Ю. Норман. – М., 2006.

10. Пращерук, Н.В. «Детективизация современной прозы»: к вопросу об онтологии процесса / Н.В. Пращерук // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России. – СПб., 2009. – С. 181 – 186.

11. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1983.

12. Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995): [сб. науч. трудов / Институт русского языка РАН]. – М., 2000.

13. Третьякова, И.Ю. Оказиональная фразеология / И.Ю. Третьякова. – Кострома, 2011.

14. Тульчинский, Г.Л. Массовая литература в современном обществе: эволюция жанра – к персонологичному фэнтези / Г.Л. Тульчинский // Культ-товары: Феномен массовой литературы в современной России. – СПб., 2009. – С. 50 – 57.

15. Химик, В.В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен / В.В. Химик. – СПб., 2000.

16. Черняк, М.А. Феномен массовой литературы / М.А. Черняк. – СПб., 2005.

УДК 821.161.1

М.В. Заваркина

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И.А. Спиридонова

«КАНОНИЧЕСКИЕ» ЖАНРЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1930-Х ГГ. И ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА

Статья подготовлена в рамках проекта «Создание и развитие деятельности Центра новых филологических исследований» Программы стратегического развития на 2012 – 2016 гг. «Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития»

В статье дана попытка сравнительного анализа «канонических» жанров советской литературы 1930-х гг. (очерк и производственный роман) и повестей А. Платонова. Делается вывод, что повести содержат ряд типологических признаков указанных жанров. Однако выбранный традиционный для русской классической литературы жанр повести с ее «установкой» на человека позволяет Платонову дать иную трактовку темы строительства социализма и свидетельствует о сложной анти-утопической стратегии писателя.

Творчество А. Платонова, жанр повести, производственный роман, очерк, социализм.

The article presents the comparative analysis of «canonical» genres of the Soviet literature of the 1930th (the sketch and the production novel) and A. Platonov's stories. The author comes to a conclusion that stories contain some typological signs of genres of Soviet literature; however, the traditional genre of the Russian classical literature (story) with the concentration on the man allows the writer to give different interpretation of the theme of building socialism and testifies to a difficult anti-utopian strategy.

A. Platonov's works, story genre, production novel, sketch, socialism.

Повести А. Платонова начала 1930-х гг. написаны в сложный переходный период: НЭП сменяется индустриализацией, коллективизацией, первыми «пя-

тилетками» – продолжается активное строительство социализма. Параллельно идет государственное оформление советской литературы – непосредствен-

ной участницы новой жизни, вырабатывается метод социалистического реализма, ведущий к политизации и идеологизации искусства. В 1934 г. будет образован единый Союз советских писателей, при котором восторжествует концепция социального заказа. В 1930-е гг. оптимизм новой строящейся жизни и в литературе требовал вывести на первое место производственную тему. Формируются два производственных «метажанра» советской литературы: очерк с производства и производственный роман.

Огромную роль в становлении и развитии жанра советского очерка сыграл М. Горький, который в 1929 г. организовал журнал «Наши достижения», базировавшийся на издании современных очерков. Главную задачу этого жанра Горький видел в том, чтобы «рассказать широким массам рабочих и крестьян СССР о той громадной стройке, которая повсеместно кипит в нашей стране» [3, т. 25, с. 59]. Выполнять эту задачу помогает сконцентрированность на «действительных фактах» [3, т. 25, с. 59], однако Горький был против «сухих», «протокольных» отчетов. Очерк, по мнению Горького, стоит между исследованием и рассказом, он может иметь «полубеллетристическую» форму [3, т. 26, с. 385]. Основу конфликта в очерке составляет борьба старого с новым, преодоление трудностей, при этом Горький подчеркивал, что эта борьба не должна быть самоцелью, так как главная цель очерка – показать достижения [3, т. 25, с. 61]. Следовательно, на первое место выходит вопрос о подборе материала, о приемах типизации, авторском отношении к описываемым событиям. Уже название жанра, в основе которого связь с глаголом «очерчивать», указывает на задачу автора – показать, очертить важные в его понимании стороны события, а значит, оценить. Горький затрагивает и вопрос о художественной правде: «Какая правда важнее? Та правда, которая отмирает, или та, которую мы строим? Нельзя ли принести в жертву нашей правде некоторую часть той, старой, правды? На мой взгляд, можно <...> Нам необходимо утверждать свою» [3, т. 26, с. 63 – 64]. Таким образом, писателям предлагается «выбирать» типическое из положительного опыта новой жизни, показывать «торжество» социализма. В этом была агитационная сила очерка как «боевого» жанра, делающего его «оружием политической борьбы».

В производственном романе, как и в жанре советского очерка, тоже складывается жесткая каноническая структура. Одним из зачинателей жанра был Ф. Гладков (роман «Цемент», 1925). Расцвет жанра приходится на 1930-е гг.: «Гидроцентраль» М. Шагинян (1930 – 1931), «Соть» Л. Леонова (1930), «Время, вперед!» В. Катаева (1932), «Люди из захолустья» А. Малышкина (1938) и др. Производственный роман избирает особую зону исследования действительности, поэтому некоторые исследователи считают, что правомернее было бы назвать этот жанр «производственной повестью» [2], [12], так как роман все-таки нацелен на существование внутри произведения различных сюжетных линий. Однако, в отличие от повести, производственный роман «сокращает до минимума пресловутую дистанцию вре-

мени», так как он нередко создавался по «горячим следам», другими словами содержанием романа становится «неготовая современность» [9, с. 179].

Структурно-композиционным центром производственного романа является образ стройки (завода, электростанции, колхоза, города). Взаимодействие стройки и человека образует специфический «психологический» мир производственного романа, в котором стройка воздействует на героя, «воспитывает», переделывает его, в этом проявляется воспитательная функция советской литературы, призванной быть «учебником жизни». С другой стороны, индивидуальная судьба человека в отрыве от стройки почти не интересует авторов производственных романов, поэтому принято говорить о нарочитом антипсихологизме производственного романа и приоритете общественных интересов над личными как его главной теме. Специфика конфликта в производственном романе состоит в противостоянии нового социалистического порядка и отживающего старого, поэтому и образная система строится по принципу бинарной асимметрии: всегда присутствует противостояние положительного героя + коллектив – отрицательно-му герою, с обязательной победой «правого дела», «добра» над «злом», «перевоспитанием» отрицательного героя.

Специфика платоновского жанровосприятия в первой половине 1930-х гг. заключается в том, что, обращаясь к традиционному жанру русской литературы – повести, он использует содержательные и формальные возможности жанров советской литературы. Несмотря на то, что у Платонова как такового производственного романа не было (не считая не дописанного «Технического романа»), повести «Котлован» и «Ювенильное море» содержат ряд типологических признаков этого жанра. В повести «Впрок» писатель использует художественные возможности жанров очерка и хроники. Философские мотивы в повести «Джан» вводят это произведение в более широкий культурно-исторический контекст, но тема строительства новой жизни актуализирована и здесь. Однако развитием сюжета, образной системой, языковой фактурой Платонов «ломает» рамки жанров советской литературы и выходит из «тупика» утопии. В этом помогает писателю, как нам кажется, в том числе и выбранный жанр повести; через наложение жанровых «инвариантов» советской литературы на жанр повести рождается антиутопическая стратегия Платонова.

Так, повесть «Котлован» открывается конфликтом, традиционным для производственного романа – конфликтом общего и частного: Вощева увольняют с «механического завода» «вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда» [12, с. 21]. В советском романе этот конфликт решался однозначно в пользу приоритета общего над частным. В «Котловане» Вощев тоже думает «о плане общей жизни» [12, с. 23], а не своей, но «план» Вощева совсем не похож на планы пятилеток: «Я мог бы выдумать что-нибудь, вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность» [12, с. 23]. Как заметила Т.А. Никонова, начиная с

1920-х гг. советская литература «культивировала сильного духом, харизматичного, волевого героя», даже если изображался физически слабый человек (Левинсон у А. Фадеева, Павел Корчагин у Н. Островского) [10, с. 143]. Платонов же ставит в центр героя сомневающегося, ощущающего физическую и духовную слабость без истины, без лично добытого смысла жизни, в силу чего он не может жить по «готовым» законам, спущенным сверху. На языке социально-государственной утопии, реализуемой в жанре производственного романа, с Вошевым разговаривают в завкоме: «Завод работает по готовому плану треста» [12, с. 22], «Если все мы сразу задумаемся, то кто действовать будет?» [12, с. 23] и т.д.

Главная цель производственного романа – показать не душевные переживания героя, а действия в рамках «генеральной линии». Это, по мнению Н. А. Анисимова, и привело в итоге к разрушению жанра: психологизм не входил в концепцию героя производственного романа [2, с. 12]. Произведениям Платонова некоторые исследователи также отказывают в психологизме. В творчестве писателя, действительно, есть герои, подобно Копенкину в «Чевенгуре», со «стертыми» о революцию лицами. «Они скорее варианты идеи человека, – замечает Л.В. Карасев, – нежели действительно самостоятельные люди» [6, с. 44]. Однако за персонифицированным существованием идеи в художественном пространстве произведений писателя, во-первых, можно увидеть антижанровую, антипроизводственную направленность нарочитого непсихологизма Платонова. Во-вторых, Платонов прибегает к иным приемам, в частности: пейзаж дается Платоновым не как цельная развернутая картина, а так, как его воспринимает человеческое сознание, и становится психологической характеристикой героя. Платонову помогает избежать «антипсихологизма» производственного романа и выбранный жанр повести. Если в рассказе на первое место выходит случай, отдельный эпизод из жизни человека, а роман стремится к «универсальному воплощению действительности в искусстве» [5, с. 44], то повесть ставит в центр повествования человека, его проблемы. Сюжеты повестей Платонова антропоцентрические, в отличие от производственного романа, где сюжет фокусируется на «деле», «стройке». Тем не менее, в начале повести Вошев имеет черты героя, характерного для производственного романа: он нуждается в «перевоспитании», сам Вошев надеется, что участие в строительстве «общепролетарского дома» поможет ему обрести долгожданную истину. Однако, используя каноническую фабулу, Платонов на уровне сюжета разрушает идеологический канон.

Сюжетообразующую роль в произведениях Платонова играет мотив пути. Данный мотив можно рассматривать и с позиций фольклорно-сказочных сюжетов: путешествие героя в поисках счастья. Однако понятие «счастье» в обыденном его значении у Вошева отождествляется с «сытостью», «буржуазным делом», отчего «только стыд начнется» [12, с. 31]. Таково счастье в понимании «идеологических при-

способленцев» Пашкина и Козлова. Вошев, судя по опубликованной динамической транскрипции рукописи, ищет иное счастье: «Мое счастье <-> истина» [12, с. 181]. Появление и функционирование понятия «истина» имеет в тексте статус «сюжетного события», и именно сюжет поиска истины и разрушает каноническую фабулу производственного романа. В этом специфика развития сюжета в повестях Платонова, который становится сюжетом «приключения идеи».

Поиск истины приводит героя на котлован, где рабочие пытаются найти истину в процессе труда. На котловане, являющемся моделью социалистического мира, оживает мифологическое сознание, не различающее мысль и действие и понимающее истину как нечто материальное. В строительстве «общепролетарского дома» для героев важна не столько цель, заявленная в планах треста, сколько процесс стройки. Находясь на пограничной стадии несотворения, котлован обретает ритуальное значение для строителей. Мотив «незаконченной стройки» также является свидетельством разрушения канонической фабулы советского производственного романа. В повести не достигнута конечная цель, – дом не построен; вместо оптимизма строящейся и построенной новой жизни воцаряется смерть: котлован превращается в «погребальную яму».

Платонов когда-то мечтал о новом типе человека «со смещенным центром», душой которого были бы сознание-ум, интеллект. В «Котловане» писатель приходит к выводу, что итогом «смены» стала не обретенная истина, а душевная пустота. «Котлованная» судьба героя приводит его не к «перевоспитанию» и «прозрению истины», а к разочарованию и к новой перемене в финале, которая в итоге оказывается возвращением: герой снова на распутье. Однако у А. Платонова возвращение всегда оказывается началом нового пути, пусть даже начинается он из тупика утопии.

Платонов заканчивает «Котлован» публицистической припиской «от автора», она становится своеобразным переходом к повести «Впрок», в первоначальном варианте которой (он обсуждался в июле 1930 г. при Наркомпросе РСФСР (ОГИЗ)) было вступление «От составителя». Несмотря на то, что во вступлении Платонов просит не отождествлять автора с рассказчиком, ему «не верят»: в «душевном бедняке» критики увидели все того же «сокровенного» и «усомнившегося» платоновского героя, а в проведенном Платоновым разграничении между собой и героем – попытку спрятаться за образом юродивого, чтобы «прикрыть классово враждебный характер своей “хроники”» [17, с. 206]. Первоначальный вариант повести был отклонен рецензентами и отправлен на исправление. Среди «недоработок» называли и жанровую неопределенность произведения: «“Впрок” нельзя назвать ни очерком, ни рассказом, ни сатирой, ни реалистической прозой» [18, с. 285]. Синтез художественной и очерково-хроникальной форм и лирико-сатирического пафоса оказался неприемлем для идеологов советского искусства.

Обращаясь к жанрам хроники и очерка, Платонов

использовал их структурные возможности, позволяющие не только включать историческое время в художественный сюжет произведения, но и сделать главным композиционным приемом путешествие героя, помогающее развернуть «панораму» колхозного строительства. «Душевный» бедняк Платонова – это герой, который, как и Вошев в «Котловане», находится между двумя мирами – «старым» и «новым». Однако ищет он уже не столько истину (в отличие от Вошева), сколько правду, только правду, которую он видит, оказалась ненужной. Горячее желание автора и героя поведать о том, как много можно взять «впрок» для дела социализма из опыта народной жизни, было оценено как антисоветская пропаганда.

После разгрома повести «Впрок» Платонов предпринимает ряд попыток объясниться: отправляет письма Сталину и в редакции «Правды» и «Литературной газеты»; отвечает на вопросы анкеты «Какой нам нужен писатель» для рапповского журнала «На литературном посту», наконец, пишет письмо М. Горькому. 1 февраля 1932 г. был проведен творческий вечер А. Платонова, на котором он признался, что «начал писать другие вещи», «начал ломать самому себе кости», «начал писать большое произведение» [15, с. 100]. Вероятно, речь шла о «**Ювенильном море**», как говорится в примечаниях к стенограмме вечера. В этой повести Платонов снова использует (как и в случае с «Котлованом», но только более очевидно) каноническую форму производственного романа, однако наполняет «правильную» форму «не тем» содержанием.

В образе Вермо писатель возвращается к тому типу героя, который был характерен для его ранних научно-фантастических рассказов. Сомневающегося, ищущего истину или правду героя (Вошев, «душевный бедняк») сменяет оптимистичный, уверенный, действующий в «духе времени и идеи» Вермо. Повесть была опубликована только в 1986 г., некоторые исследователи увидели в ней поворот писателя от неприятия режима к смирению и даже одобрению, называли повесть «самой оптимистической» [8]. Однако платоновские вера-сомнение отразятся уже на уровне имени главного героя («верно» / «дерьмо»). Платонов иронически, соединяя «фантастику с бытом» (Е. Замятин), обыгрывает тему революционного преобразования, когда созидание вольно или невольно подменяется уничтожением. Вполне «реконструктивная» мечта Вермо – открыть новые источники энергии и «достать ювенильную воду», т.е. решить проблемы мелиорации в совхозе, – постепенно приобретает гротескно-уродливый характер. Сюжет «Ювенильного моря» вписывается и продолжает сюжетную модель котлована, строительство которого было мнимым, созидание снова заменяется разрушением: утопическая фабула получает антиутопическое разрешение на сюжетно-повествовательном уровнях [подробнее см.: 1].

Не надеясь опубликовать повесть, Платонов понимает, что «русская тема» на какое-то время для него исключена и обращается к теме «восточной». В 1933 – 1934 гг. он дважды ездил в Туркмению для

участия в создании коллективной книги о советском Востоке. Результатом поездок стал ряд статей, рассказ «Такыр» и повесть «**Джан**», которая итожит тему социализма в повестях Платонова 1930-х гг. В ней наблюдается эволюция сквозного героя произведений писателя: герой-странник, Назар Чагатаев, – образ «сердечного» человека, его путь – это возвращение от «идеологического отцовства», олицетворяющего социалистическую идею, к матери, олицетворяющей природно-родовое, семейное начала, от ума – к душе и сердцу. Герой ищет не истину или правду, а счастье (слово «джан» трактуется писателем, как «душа, которая ищет счастье»). Чагатаев приходит к выводу, что народ должен сам выбирать свой путь, достаточно того, что он накормил его и возродил к жизни. Герой мечтает соединить, казалось бы, несоединимое: духовное и телесное, истину и счастье, идею и жизнь, свободу и хлеб насущный. Таким образом, государственная утопия в повести корректируется авторским утопическим сознанием, что тоже свидетельствует о сложной антиутопической стратегии Платонова.

Согласимся с Н. Корниенко, что проза Платонова «уничтожила идеологическое ядро советского романа 30-х гг», «вызов был брошен всей советской литературе и формулой “нового человека” Назара Чагатаева, который вспоминает мир и язык материнской родины» [7, с. 129]. Мысль о роли традиционной семьи в становлении личности, общества, государства будет художественно-философски раскрыта Платоновым позже, в его рассказах конца 1930-х («Среди животных и растений», «Жена машиниста» и др.), где тема «социализм и семья» наполняется «своим, вступающим в напряженный диалог, все чаще – конфликт с эпохой, содержанием» [14, с. 280] и связано это, в том числе, полагает И.А. Спиридонова, со все более возрастающим влиянием на писателя творчества А.С. Пушкина: «Для Платонова Пушкин – высший авторитет не только в художественном творчестве, но и в понимании истории. Домашние (“семейные”) обстоятельства позволяют Платонову по-новому увидеть и показать современного человека и современную историю» [14, с. 281].

Итак, главной темой повестей А. Платонова 1930-х гг. стала тема строительства новой жизни на всех «фронтах». Однако в ее решении писатель уходит от «канонических» жанров советской литературы (очерк и производственный роман) и обращается к традиционному для русской классической литературы жанру повести с ее «установкой» на человека. Если в государственной реализации социалистической утопии человек из «цели» превратился в «средство» ее осуществления, то у Платонова иное понимание роли личности и народа в истории: народ не должен играть роль строительной жертвы под фундамент социализма, он полноправный участник новой жизни, имеющий право на сомнение. К такой трактовке темы А. Платонова приводит не только «память жанра», но и внутреннее чутье художника, которое словами самого писателя можно назвать «чутьем правды» [13].

Литература

1. Алейников, О.Ю. Повесть А. Платонова «Ювенильное море» в общественно-литературном контексте 30-х гг. / О.Ю. Алейников // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. – Воронеж, 1993. – С. 71 – 80.
2. Анисимов, Н.А. Особенности психологизма русской советской прозы 30-х годов («производственный роман» и проза А. Платонова): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Анисимов. – Одесса, 1989.
3. Горький, М. Собрание сочинений: в 30 т. / М. Горький. – М., 1949 – 1955.
4. Гюнтер, Г. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова / Г. Гюнтер. – М., 2012.
5. Захаров, В.Н. Система жанров Достоевского (типология и поэтика) / В.Н. Захаров. – Л., 1985.
6. Карасев, Л.В. Смех и стыд у Платонова / Л.В. Карасев // Человек. – 1993. – № 5. – С. 40 – 48.
7. Корниенко, Н.В. Наследие Андрея Платонова – испытание для филологической науки / Н.В. Корниенко // «Страна философов» Андрея Платонова. – В. 4. – М., 2000. – С. 117 – 137.
8. Коробков, Л. Нетерпение. О повести Андрея Платонова «Ювенильное море» / Л. Коробков // Подъем. – 1986. – № 2. – С. 119 – 126.
9. Кузнецов, М.М. Советский роман: статьи, портреты / М.М. Кузнецов. – М., 1986.
10. Никонова, Т.А. Андрей Платонов в диалоге с миром и социальной реальностью / Т.А. Никонова. – Воронеж, 2011.
11. Пискунов, В. Сокровенный Платонов. (К выходу в свет романа «Чевенгур», повестей «Котлован» и «Ювенильное море») / В. Пискунов, С. Пискунова // Литературное обозрение. – 1989. – № 1. – С. 17 – 29.
12. Платонов, А. Котлован: текст, материалы творческой биографии / А. Платонов. – СПб., 2000.
13. Платонов, А. Чутье правды / А. Платонов. – М., 1990.
14. Спиридонова, И.А. Тема семьи в рассказах Платонова 1930-х гг. / И.А. Спиридонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. – В. 5. – М., 2003. – С. 277 – 290.
15. Стенограмма творческого вечера А. Платонова во Всероссийском Союзе советских писателей 1 февраля 1932 г. // Памир. – 1989. – № 6. – С. 97 – 118.
16. Урбан, А. Сокровенный Платонов / А. Урбан // Звезда. – 1989. – № 7. – С. 180 – 193.
17. Фадеев, А. Об одной кулацкой хронике / А. Фадеев // Красная новь. – 1931. – № 5 – 6. – С. 206 – 209.
18. <Четыре внутренних рецензии на рукопись «Впрок»> // Андрей Платонов. Воспоминания современников. – М., 1994. – С. 281 – 285.

УДК 81'36

Н.Л. Кудинова

**ВЫРАЖЕНИЕ ТАКСИСНОЙ СЕМАНТИКИ ОДНОВРЕМЕННОСТИ
СРЕДСТВАМИ ЗАВИСИМОГО ТАКСИСА**

Статья посвящена рассмотрению функционирования релевантных компонентов частных когнитивно-функциональных моделей зависимого таксиса в процессе реализации семантики одновременности.

Зависимый таксис, семантическая функция, когнитивно-функциональная модель.

The article is devoted to the description of functioning of relevant components of particular cognitive-functional models of dependent taxis in the process of realization of semantics of simultaneity.

Dependent taxis, semantic function, cognitive-functional model.

Цель данной статьи – проанализировать действие центральных и периферийных компонентов зависимого таксиса в реализации семантики одновременности.

Поставленная цель предусматривает решение следующих конкретных задач:

- 1) описание функций зависимого и независимого таксиса;
- 2) выявление центральных и периферийных компонентов зависимого таксиса;
- 3) формирование общей когнитивно-функциональной таксисной модели (КФМ), реализующей таксисные семантические функции;
- 4) выделение на основе общей КФМ частных КФМ, служащих для выражения одновременности в рамках зависимого таксиса;
- 5) анализ функционирования компонентов част-

ных КФМ в процессе реализации семантики одновременности.

Материалом для исследования послужили около 10000 примеров, полученных методом сплошной выборки из произведений британских и американских авторов конца XX – начала XXI вв. Общий корпус исследованного материала составил 1200 страниц.

Мы рассматриваем таксис как функционально-семантическую категорию (ФСК), охватывающую различные средства выражения хронологических отношений между двумя и более событиями в рамках единого временного периода. В соответствии с принципами функциональной грамматики, ФСК как инвариант конституируется комплексом семантических функций (СФ), коррелирующих с ней как варианты единого смыслового содержания. К так-

сисным СФ относятся: предшествование, одновременность, следование.

ФСК таксиса и комплекс конституирующих ее СФ¹ составляют план содержания **функционально-семантического поля (ФСП)² таксиса**, формируемого различными средствами (морфологическими, синтаксическими, лексическими), объединенными функцией выражения временных отношений между действиями в рамках целостного временного периода, охватывающего комплекс действий, реализуемых в высказывании (имеются в виду действия в широком смысле включая и состояния, и отношения, т.е. любые репрезентации предикатов) [2].

Таксис относится к числу полей полицентрического типа. Бицентрическая структура рассматриваемого поля определяется различием функций зависимого и независимого таксиса, где *зависимый таксис* – это временное отношение между действиями, одно из которых является главным, а другое – сопутствующим³.

В микрополе зависимого таксиса можно выделить центральные и периферийные компоненты, причем определение центральных компонентов основано прежде всего на критерии наибольшей специализации того или иного языкового средства по отношению к рассматриваемой функции, что обычно связано с категориальным статусом выражаемого значения и регулярностью функционирования данной грамматической единицы.

А) Центр:

- причастие и комплексы с причастием⁴;
- герундий и герундиальные комплексы.

Б) Периферия:

- инфинитив и комплексы с инфинитивом.

Принципы когнитивно-функционального грамматического описания, базовые для данной статьи, определили правомерность использования лингвисти-

¹ Многие исследователи рассматривают предшествование, одновременность и следование в качестве функционально-семантических микрополей таксиса [см., например, 6]. В нашей статье мы будем параллельно использовать термины «таксисная семантическая функция» и «микрополе таксиса».

² Функционально-семантическое поле (ФСП) – это двухстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне [1, с. 40].

³ Независимый таксис предполагает временные отношения между действиями при отсутствии эксплицитной, формально выраженной градации главного и сопутствующего действия (оттенки неполной равноправности элементов таксисного отношения возможны, однако они не имеют формального выражения и не являются грамматическими значениями тех или иных форм или конструкций).

⁴ В силу ограниченного объема настоящей статьи мы подробно рассмотрим особенности функционирования причастия I и комплексов с ним, исключив причастие II из объектов исследования. По этим же причинам мы не будем останавливаться на анализе словосочетаний с существительным в структурах типа: *Meeting over, I went home.*

ческого моделирования для описания реализации различных таксисных функций.

В ходе анализа соотношения структурной и семантической сторон высказывания, выражающего тот или иной тип таксисных отношений (предшествование, одновременность, следование), нами была сформирована общая когнитивно-функциональная модель, имеющая для зависимого таксиса следующий вид:

$$\text{СФ} + \text{P} : [\text{ИК} (\text{C}_1) + \text{ГК} (\text{А}, \text{ГФ})] + \text{ВВ} + \\ + \text{p} : [\text{ИК} (\text{C}_1/\text{C}_2) + \text{ГК} (\text{А}, \text{ГФ})] + \text{Prag},$$

где **СФ** – семантическая функция; **P** – пропозиция с глаголом в личной форме; **p** – пропозиция с глаголом в неличной форме; **ИК** – именной компонент (который подразумевает моносубъектные (C₁) или полисубъектные (C₂) структуры); **ГК** – глагольный компонент, включающий в себя **А** – аспектуальный класс глагола⁵ и **ГФ** – грамматическую форму (Simple / Continuous / Perfect / Perfect Continuous); **ВВ** – временное выражение; **Prag.** – прагматический компонент.

Иными словами, реализация таксисных значений происходит при участии пяти составляющих:

- 1) именного компонента;
- 2) глагольного компонента;
- 3) временного выражения;
- 4) прагматического компонента;
- 5) семантической функции.

Исследование общей модели с учетом конкретного наполнения ее компонентов позволяет выделить

⁵ В нашей статье мы опираемся на объединенную классификацию аспектуальных классов глаголов, изложенную в работах З. Вендлера [15] и А. Шопфа [13], в соответствии с которой выделяют следующие группы глаголов: 1. Состояния (гомогенные действия, которые могут иметь внутренний темпоральный предел; они формируют единичные события, оцениваемые безотносительно к другому событию) (love, lie on the floor). 2. Простые процессы (могут сочетаться с наречиями, способными изменить динамику и интенсифицировать процесс) (run, walk, sing). 3. Квантифицированные процессы: 1) с детерминированным началом и завершением (smile, laugh); 2) с детерминированным началом (When he saw John he ran); 3) однократные процессы (события) (knock, tap, click). 4. Однократные изменения (предполагают наличие некоторой предшествующей фазы – пресуппозиции – и имплицированный результат, сохраняющийся в виде некоторого последующего состояния) (switch on the light). 5. Аспектуальные классы, имеющие фазу изменения (включают в свое значение стадию процесса или протекания действия, а также момент его завершения; результат данного действия сохраняется впоследствии): 1) неквантифицированные направленные изменения (grow older); 2) направленные изменения с начальной точкой t₁ (improve, increase); 3) направленные изменения с начальной точкой t₁ и конечной точкой t₂ (dry, wash the car); 4) предельные процессы (run a mile). 6. Достижения (предполагают (но не фиксируют) стадию протекания (процессная фаза), обнаруживают лексикализацию ее конечной стадии (момент завершения) и импликацию результативного состояния, подразумевают быструю смену ситуации) (arrive, reach the summit).

следующие частные КФМ в рамках зависимого таксиса:

I. Ядерные компоненты:

1. Модель с причастием.

Например: *Tanner looked at her, trying to conceal his fury* [14, с. 120].

2. Модель с герундием.

Например: *'Ha, ha,' he said, without laughing at all* [10, с. 165].

II. Периферийные компоненты:

3. Модель с инфинитивом.

Например: *'Was that a Patronus?' asked Harry, who had seen Dumbledore send messages like this* [12, с. 158].

Различия между частными моделями заключаются в:

1) совпадении / несовпадении субъекта действия обеих частей полипредикативного комплекса (моно-субъектные и полисубъектные структуры);

2) аспектуальном классе глаголов, выражающих предикаты обеих частей полипредикативного комплекса;

3) отнесенности действий к плану прошедшего, настоящего и будущего.

Все частные КФМ зависимого таксиса участвуют в реализации всех таксисных СФ (предшествования, одновременности, следования). В данной статье мы остановимся на рассмотрении использования моделей зависимого таксиса для выражения отношений одновременности.

I. Ядерные компоненты.

1. Модель с причастием.

СФ + Р: [ИК (C₁) + ГК (А: состояния, простые, квантифицированные, предельные и однократные процессы, события, имеющие фазы изменений, достижения, ГФ: Present / Past / Future Simple, Present / Past Continuous, Present / Past Perfect, Past Perfect Continuous)] + р_{1-н}: [ИК (C₁ / C₂) + ГК (А: состояния, простые, квантифицированные, предельные и однократные процессы, события, имеющие фазы изменений, достижения, ГФ: Non-Perfect)] + Prag.

1) Семантика одновременности может выражаться только структурами с неперфектным причастием.

2) Данная КФМ используется для выражения отношений одновременности между двумя и более событиями (действиями, процессами, состояниями) как в моносубъектных, так и в полисубъектных структурах, однако ее употребление в последних отличается низкой частотностью (80 % и 20 % соответственно) и ограничивается, в основном, структурами с абсолютной причастной конструкцией и конструкцией «объектный падеж с причастием».

Например: *And as if all that wasn't enough," said Fudge, barely listening to the Prime Minister, "we've got demontors swarming all over the place, attacking people left, right, and center..."* [12, с. 14].

Outside, the city was just now winding down – street vendors wheeling carts of candied amandes, waiters carrying bags of garbage to the curb, a pair of late-night lovers cuddling to stay warm in a breeze scented with jasmine blossom [7, с. 31].

3) Как основное, так и сопутствующее события в структурах с причастием могут быть выражены глаголами, относящимися к любому аспектуальному классу. Глаголы, выражающие основное событие и относящиеся к аспектуальному классу *простых процессов*, в подавляющем большинстве случаев употребляются в формах Continuous и Perfect Continuous. В других случаях семантическое содержание форм Continuous и Perfect Continuous, а также неперфектного причастия ведет к *реинтерпретации аспектуальных классов* – глаголы, относящиеся к различным аспектуальным классам, переходят в класс простых процессов¹.

Например: *For the last decade, he had been following The Way, cleansing himself of sins ... rebuilding his life ... erasing the violence in his past* [7, с. 53] [в Р – предельный процесс => простой процесс, в р₁, р₂, р₃ – события, имеющие фазы изменений => простые процессы];

A long, looming shadow quivered in front of him for a moment; he blinked and Ron Weasley came into focus, grinning down at him [12, с. 89] [в Р – достижение, в р – простой процесс];

As I emerged from my bath Daniel was lying on the bed giggling. 'I've got a new diet for you,' he said [9, с. 159] [в Р – состояние, в р – простой процесс];

"Not... not much of him, no," gasped Belby, his eyes streaming [12, с. 144] [в Р – квантифицированный процесс, в р – простой процесс];

He shut the gates in her face with a loud clang and tapped the chains with his wand again, so that they slithered, clinking, back into place [12, с. 160] [в Р – однократный процесс, в р – однократный процесс => простой процесс].

4) События, выражаемые структурами с причастием, могут относиться к плану прошедшего, настоящего и будущего, причем частотность употребления данных структур в плане прошедшего значительно превышает общую частотность их использования в плане настоящего и будущего (96,5 %, 3 % и 0,5 % соответственно).

Например: *In his office, Tanner was watching the scene taking place in Diane's apartment, on one of the wall television sets* [14, с. 191].

Do you think your daughter just sits there watching him? [10, с. 185].

Have had to slave for two days, and now they will all swan in, demanding food like cuckoos [8, с. 84].

4) Структуры с причастием могут служить для выражения полной и частичной одновременности.

Например: *He was sitting at his desk eating his sandwiches, listening to Frankie Ball and Juliet Lawrence talk about some bloke in year nine, when they just turned up* [10, с. 170].

"I don't know," she said, gazing away [9, с. 152].

5) Если в структуре больше одного причастия, то она служит не только для выражения одновременноности между основным и сопутствующими событиями,

¹ Подробно о реинтерпретации аспектуальных классов глаголов см. в диссертационном исследовании О.А. Мачиной [5].

но и для выражения одновременности между сопутствующими событиями.

Например: *Kelly walked inside and saw her standing in one of the side aisles, looking radiant in a sleek, tailored dress, busily filling a shelf with books* [14, с. 79].

2. Модель с герундием.

СФ + Р: [ИК (C₁) + ГК (А: состояния, простые, квантифицированные и предельные процессы, события, имеющие фазы изменений, ГФ: Present / Past Simple, Past Continuous, Past Perfect)] + ВВ¹ + р: [ИК (C₁ / C₂) + ГК (А: состояния, однократные, квантифицированные и простые процессы, события, имеющие фазы изменений, ГФ: Non-Perfect)] + Prag.

1) Семантика одновременности может выражаться только структурами с неперфектным герундием.

2) Данная КФМ используется для выражения отношений одновременности (полной и частичной) между двумя и более событиями (действиями, процессами, состояниями) как в моносубъектных, так и в полисубъектных структурах.

Например: *He watched her house while holding a loaded shotgun, anxious to blast anything that moved* [9, с. 37].

He tried to get his mother's attention across the table without Will noticing [10, с. 93].

3) Как основное, так и сопутствующее события в структурах с герундием могут быть выражены глаголами, относящимися к различным аспектуальным классам. Глаголы, выражающие основное событие и относящиеся к аспектуальному классу *простых процессов*, в подавляющем большинстве случаев употребляются в формах Continuous. В остальных случаях семантическое содержание форм Continuous, а также неперфектного герундия ведет к реинтерпретации аспектуальных классов глаголов.

Например: *He'd tried to read Nicky's thoughts by staring at the back of his head every maths lesson for a week – nothing* [10, с. 60] [в Р – предельный процесс, в р – простой процесс];

'How dare he say you were getting too serious by asking to go on holiday with him?' yelled Sharon. 'What is he talking about?' [8, с. 20] [в Р – событие, имеющее фазы изменений => простой процесс, в р – квантифицированный процесс => простой процесс];

Then she yanked off her blindfold while kicking with both legs [9, с. 250] [в Р – событие, имеющее фазы изменений, в р – однократный процесс => простой процесс];

He had never before watched a woman cry without feeling responsible, and he was rather enjoying the experience [10, с. 26] [в Р – простой процесс, в р – состояние].

4) События, выражаемые структурами с герундием, могут относиться к плану прошедшего и настоящего², причем частотность употребления данных

структур в плане прошедшего значительно превышает частотность их использования в плане настоящего (92 % и 8 % соответственно).

Например: *So this morning the tenant in the apartment below complained about water dripping through his ceiling* [14, с. 29].

'Oh, just ... sometimes I sing without noticing' [10, с. 111].

5) Если в структуре больше одного герундия, то она служит не только для выражения одновременности между основным и сопутствующими событиями, но и для выражения одновременности между сопутствующими событиями.

Например: *He kept staring at me and giving me meaningful glances* [8, с. 73].

6) Во многих случаях одновременность в структурах с герундием подчеркивается семантикой **временных выражений**: *without, by, when, while (whilst), thereby*.

Например: *'Yes, why aren't you married yet, Bridget?'* *sneered Woney (babytalk for Fiona, married to Jeremy's friend Cosmo) with a thin veneer of concern whilst stroking her pregnant stomach* [8, с. 40].

Harry wondered whether he could slip his Invisibility Cloak back on, thereby gaining his seat at the long Gryffindor table (which, inconveniently, was the farthest from the entrance hall) without being noticed [12, с. 162].

Miss Callie did not rush her answers, especially when talking about others [9, с. 90].

II. Периферийные компоненты зависимого таксиса.

1. Модель с инфинитивом.

СФ + Р: [ИК (C₁) + ГК (А: состояния, простые и квантифицированные процессы, ГФ: Present / Past Simple, Present / Past Perfect)] + р: [ИК (C₁) + ГК (А: состояния, простые, предельные, однократные и квантифицированные процессы, события, имеющие фазы изменений, достижения, ГФ: Non-Continuous / Continuous)] + Prag.

1) Модель с инфинитивом используется для выражения отношений одновременности как в моносубъектных, так и в полисубъектных структурах.

Например: *But his mum seemed to be saying that there was more to it than that* [10, с. 133].

He watched the light go out of her eyes [14, с. 74].

2) События, выражаемые структурами с инфинитивом, могут относиться к плану прошедшего и настоящего³, причем частотность употребления данных структур в плане прошедшего значительно превышает частотность их использования в плане настоящего (96 % и 4 % соответственно).

Например: *As Diane observed their departure, she*

her feet. (Eliot) [Цит. по: 3]. Однако нами примеры подобных структур выявлены не были.

³ Употребление рассматриваемых структур для выражения одновременности в плане будущего возможно, например: *Mr. Forsyte will be very glad to see you. (Galsworthy)* [Цит. по: 3]. Однако нам подобные структуры не встретились.

¹ Например: *without, by, while (whilst), when, thereby*.

² Употребление рассматриваемых структур для выражения одновременности в плане будущего возможно, например: *Gwendolen will not rest without having the world at*

remembered the first time she had watched Richard coach the boys [14, с. 34].

'He's seen me do it hundreds of times before,' said Clive [10, с. 183].

3) Одновременность может выражаться структурами с длительным и недлительным инфинитивом¹, причем последний является наиболее употребительным средством выражения таксисной семантики одновременности в этой модели (8 % и 92 % соответственно).

4) Основной предикат в структурах с инфинитивом может быть выражен глаголами, относящимися к аспектуальным классам состояний, простых и квантифицированных процессов². Сопутствующее событие может быть выражено глаголами различной аспектуальной семантики, причем глаголы класса простых процессов в подавляющем большинстве случаев используются в форме длительного инфинитива, которая служит для описания событий в их развитии, а глаголы, относящиеся к другим аспектуальным классам, всегда имеют форму недлительного инфинитива.

Например: *Slughorn seemed agitated. He twiddled his fat thumbs and fidgeted as he watched Dumbledore fasten his traveling cloak, and Harry zip up his jacket* [12, с. 73] [в Р – простой процесс, в р – событие, имеющее фазы изменений];

Langdon felt almost disrespectful to be racing past so many masterpieces without pausing for so much as a glance [7, с. 57] [в Р – состояние, в р – простой процесс];

I have never seen him look worse [8, с. 116] [в Р – квантифицированный процесс, в р – состояние];

And I thought I saw something white flash through the air after Zabini came back... [12, с. 153] [в Р – квантифицированный процесс, в р – однократный процесс].

5) Если в структуре больше одного инфинитива, то она служит не только для выражения одновременности между основным и сопутствующими событиями, но и для выражения одновременности между сопутствующими событиями.

Например: *She seemed to manage to kiss me, get my coat off, hang it over the banister, wipe her lipstick*

¹ Об использовании длительной и недлительной форм инфинитива см. [3, с. 186 – 187], [4, с. 105 – 108], [4, с. 113 – 114].

² Это объясняется семантикой глаголов, выступающих в роли основного предиката. В большинстве случаев инфинитив используется для выражения одновременности в рамках конструкций «именительный падеж с инфинитивом» и «объектный падеж с инфинитивом», которые употребляются в тех случаях, когда основной предикат выражен глаголами ментальной (интеллектуальной, эмоциональной и оценочной) деятельности (типа: know, realize, think, suppose, assume, want, be sure, believe, etc.), глаголами перцептивной деятельности (типа: hear, sense, feel, see), глаголами речи (типа: say, tell, ask, question, inform, add) [3, с. 195 – 201], [4, с. 126 – 127], [6, с. 29]. Следовательно, основные предикаты выражены глаголами, относящимися к аспектуальным классам состояний (глаголы ментальной деятельности) и простых и квантифицированных процессов (глаголы перцептивной деятельности и речи).

off my cheek and make me feel incredibly guilty all in one movement, while I leaned against the ornament shelf for support [8, с. 10].

Рассмотрев особенности употребления когнитивно-функциональных моделей зависимого таксиса для выражения отношений одновременности, мы можем сделать следующие выводы:

1. В рамках микрополя одновременности зависимый таксис характеризуется преобладающим использованием модели, содержащей причастие (см. таблицу). Модели, содержащие герундий и инфинитив, отличаются низкой частотностью употребления.

Таблица

Относительная частотность функционирования когнитивно-функциональных моделей зависимого таксиса в рамках микрополя одновременности

Ядро		Периферия
Модель, содержащая причастие	Модель, содержащая герундий	Модель, содержащая инфинитив
87 %	5 %	8 %

2. КФМ зависимого таксиса могут выражать отношения одновременности как в моносубъектных, так и в полисубъектных структурах, однако их употребление в последних отличается низкой частотностью.

3. События, описываемые КФМ зависимого таксиса, могут быть выражены глаголами, относящимися к любым аспектуальным классам. При этом глаголы класса простых процессов чаще всего употребляются в длительной форме. Кроме того, семантическое содержание длительных и перфектно-длительных форм, а также неперфектной формы причастия, герундия и инфинитива ведет к реинтерпретации аспектуальных классов глаголов: достижения, предельные, однократные и квантифицированные процессы и события, имеющие фазы изменений, переходят в класс простых процессов.

4. События, описываемые моделями зависимого таксиса, могут относиться к плану прошедшего, настоящего и будущего, причем частотность их употребления в плане прошедшего значительно превышает общую частотность их использования в плане настоящего и будущего.

5. Причастие и герундий могут употребляться только в неперфектной форме, а инфинитив может употребляться как в длительной, так и в недлительной форме, причем выбор между ними, как правило, обусловлен *аспектуальной семантикой* глаголов, выражающих как основное, так и сопутствующее события.

Литература

1. Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л., 1983.
2. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л., 1984.

3. *Каушанская, В.Л.* Грамматика английского языка (на английском языке) / [В.Л. Каушанская и др.]. – Л., 1973.
4. *Кобрин, Н.А.* Грамматика английского языка: Морфология / [Н.А. Кобрин и др.]. – М., 1985.
5. *Мачина, О.А.* Функционально-семантические и дискурсивно-прагматические особенности средств выражения аспектуальности в американском варианте английского языка XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Мачина. – М., 2004.
6. *Полянский, С.М.* Основы функционально-семантического анализа категории таксиса (на материале немецкого языка) / С.М. Полянский. – Новосибирск. – 1990.
7. *Brown, D.* The Da Vinci Code / D. Brown. – L., 2004.
8. *Fielding, H.* Bridget Jones's Diary / H. Fielding. – L., 1998.
9. *Grisham, J.* The Last Juror / J. Grisham. – N.Y., 2004.
10. *Hornby, N.* About a Boy / N. Hornby. – NY., 1998.
11. *Reznik, R.V.* A Grammar of Modern English Usage / R.V. Reznik, T.S. Sorokina, T.A. Kazaritskaya. – M., 1996.
12. *Rowling, J.K.* Harry Potter and the Half-Blood Prince / J.K. Rowling. – N.Y., 2005.
13. *Schopf, A.* The Past Tense in English / A. Schopf // Essays on Tensing in English. V. I: Reference Time, Tense and Adverbs. – Tübingen, 1987. – P. 177 – 220.
14. *Sheldon, S.* Are You Afraid of the Dark? / S. Sheldon. – L., 2005.
15. *Vendler, Z.* Linguistics in Philosophy / Z. Vendler. – Ithaca ; N.Y., 1967.

УДК 81

А.П. Лосева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Л.А. Сергиевская

ФОРМЫ АВТОРСКОЙ СКРОМНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются способы выражения авторской скромности в устной и письменной речи на морфологическом уровне языковой системы. Прослеживаются процессы, происходящие в коммуникативной сфере. Представлена классификация средств выражения авторской скромности по структурно-семантическим и функциональным признакам.

Авторская скромность, иллокуция, морфология, синтаксис, интенция, семантика, стилистика, культура речи.

This article considers the ways of expressing the author's modesty in writing and speaking on the morphological-syntactic level of the language system. The paper discusses the processes occurring in the communicative sphere and presents classification of the author's expressions of modesty on the structural-semantic and functional characteristics.

Author's modesty, illocution, morphology, syntax, intension, semantics, stylistics, culture of speech.

Современная речевая ситуация характеризуется вовлечением широких слоев населения в практику публичного говорения, разнообразием ее родов (политическая, военная, дипломатическая, академическая, церковная, деловая) и жанров (лекция, доклад, проповедь, участие в публичной дискуссии и др.). Особенностью современного публичного речевого общения является его диалогизированность: на передний план выступают различные формы диалога (спор, дискуссия, полемика, теледебаты, интервью), нередко опосредованного СМИ. Речь, прежде всего публичная, во все времена подвергалась критике, не менее остро критикуется она и сегодня. Дело заключается не только в том, что снизился общий уровень речевой культуры. Основными недостатками современного речевого общения являются агрессивность, демагогичность и эгоцентричность [3]. Поэтому выработанные веками представления о качествах речи сейчас должны быть дополнены критериями, которые определяют права и обязанности адресанта и адресата речи [2, с. 1]. К таким критериям относятся и авторская скромность (далее – АС). Формы АС способствуют успешности межличностного общения, делают его позитивным и привлекательным для всех участников коммуникативного акта.

Авторская скромность – это сдержанность адресанта в обнаружении своих достоинств и заслуг, отсутствие акцента на своем «я», некатегоричное выражение своего мнения и убеждений, умеренность, простота и пристойность в обращении к адресату. Скромность на языковом уровне проявляется исключительно в высказывании, а значит, грамматический аспект избранной темы состоит в определении таких предложений, которые имеют соответствующие формальные показатели данного значения. Основная функция авторской скромности заключается в стремлении расположить собеседника как к личности говорящего, так и к содержанию высказывания. Такая иллокуция – направленность высказывания на успешность общения – отвечает главной задаче любого коммуникативного акта – добиться желательной и адекватной ответной реакции адресата. Следовательно, вопрос о средствах авторской скромности прямым образом связан с проблемой формирования языковой личности, с аспектами культуры речи и речевого этикета, а также с одной из важных сторон межкультурной коммуникации – общению со знаками уважения к собеседнику [5, с. 28].

Тема авторской скромности и форм ее выражения на данный момент является малоизученной: не име-

ется полной картины таких средств, четкой классификации их по структурно-семантическим и функциональным признакам, не установлены тенденции развития данной сферы. Мало внимания уделяется формам скромности и в речевой практике публичных выступлений последнего десятилетия. Невооруженным глазом видно распространение неоправданных отступлений от норм речевого этикета, связанных со скромностью. Наблюдается чрезмерная категоричность, декларативность заявлений представителей СМИ, например: **Я положу конец коррупции, бандиту, организованной преступности...; Я пришел дать вам жизни!** (из предвыборных речей кандидатов). Нередко встречается злоупотребление местоимением «я» (так называемое «яканье») или его неуместное использование в устных докладах и дискуссиях: **В своей работе я доказала гениальность Александра Сергеевича Пушкина...; Мы провели эксперимент, и я пришел к выводу...** (из выступлений участников студенческой конференции).

Мы замечаем пренебрежительное отношение к правилам культуры диалога в многочисленных ток-шоу. Мало внимания уделяется такту и вежливости при обращении к аудитории, подчеркнутому уважению к слушающему. В результате выступающий не достигает желаемой реакции, не вызывает интереса и доверия к своей речи со стороны адресата, не привлекает внимания к сообщаемому. Добиться успеха в таком общении весьма трудно. Поэтому необходимо не только изучать, но и популяризировать законы успешной коммуникации, доказывать их продуктивность и целесообразность. Все это обуславливает актуальность и новизну, теоретическую и практическую значимость избранной темы.

Авторская скромность проявляется исключительно в высказывании и отражает различные транспозиции и трансформации языковых единиц, синкретизм и явления переходности [1, с. 78], а потому средства выражения семантики скромности относятся к морфолого-синтаксическому уровню языковой системы.

Цель статьи – анализ средств выражения авторской скромности на морфолого-синтаксическом уровне современного русского языка.

Заметим, что выбор форм скромности прямым образом зависит от ситуации общения, от интенций говорящего и целого ряда частных прагматических факторов. Например, необходимо учитывать, кем по отношению друг к другу являются говорящий и адресат (взрослый/ребенок, мужчина/женщина, начальник/подчиненный, свой/чужой и др.), какова сфера коммуникации (бытовая, деловая), насколько осведомлены участники коммуникации об условиях общения (монолог, диалог, состав аудитории и др.). Однако выделяются средства выражения семантики скромности, общие для всех видов речевых актов и различных коммуникативных условий. Перечислим основные средства, отражающие речевую деятельность с семантикой скромности.

1. **Решу** вместо **Я решу**. Употребление односоставных определенно-личных предложений с формой 1-го лица единственного (реже – множественного – **Решим** вместо **Мы решим**) числа, а не синони-

мичных им двусоставных конструкций, отвечает правилам авторской скромности и речевому этикету в целом по ряду причин. Во-первых, говорящий не акцентирует внимания на своей личности, что способствует актуализации информативного центра высказывания. Во-вторых, отсутствие акцента на «я» исключает противопоставление автора адресату. Снижается декларативность и категоричность сообщения. В-третьих, употребление «я» в таких случаях явилось бы избыточным, так как сама форма глагола содержит значение 1-го лица. Отсутствие «я» обеспечивает краткость и легкость восприятия сказанного. Примеры: **Люблю грозу в начале мая...** (Ф. Тютчев); **Не жалею, не зову, не плачу...** (С. Есенин); **Что имеем, не храним – потерявши, плачем** (посл.); **Пока живу, надеюсь**. Использование односоставных конструкций благоприятствует обобщенности содержания высказывания, его афористичности.

Однако в определенных случаях авторская скромность без подлежащего «я» неуместна, а употребление «я» не только необходимо или оправданно, но и ничуть не противоречит правилам речевого этикета относительно выражения скромности. Приведем некоторые примеры.

1. Говорящий намеренно акцентирует внимание на «я», подчеркивая субъективность суждения и тем самым не претендуя на какие-либо обобщения: **Люблю отчизну я, но странною любовью...** (М. Лермонтов); **Я это никогда не полюблю** (В. Высоцкий); **Я ночами плохо сплю, потому что я тебя люблю...** (из песни). Так проявляется авторская индивидуальность, личностное начало, стремление заявить о своем «я» («я имею право на свое собственное мнение»).

2. Рассуждения о прошлом или настоящем требуют подлежащего, если форма сказуемого не имеет показателей лица: **Я мог не допустить этого** (из газеты); **Я молодой человек, вступающий в жизнь** (из газеты); **Я не поверил ей... Кому я должен верить?** (М. Лермонтов).

3. Использование «я» необходимо при противопоставлении или сопоставлении: **Ты оставайся, а я пойду; Они могут себе это позволить, а я нет; Я знаю, что у нее, душа кошклина, а я шикарная, мадам Брошкина** (из песни); **Ты пришла, и я пришел...** Обязательным является «я» («мы») в ответе на вопрос: **Кто идет? – Мы идем, дружные ребята** (из речевки); **Кто хочет сегодня поработать? – Я!** Иногда «я» или «мы» выполняют наряду с акцентирующей ролью и ритмообразующую функцию (обеспечивается такт стиха): **Я люблю, а значит, я живу** (В. Высоцкий); **И ненавидим мы, и любим мы случайно** (М. Лермонтов). Следовательно, само по себе употребление «я» не служит показателем нескромности (там, где это местоимение уместно). Важно соблюдать меру и не злоупотреблять своим «я», превращая чрезмерное повторение «я» в выражение эгоцентризма.

В целом бытовая, официально-деловая (за исключением отдельных документов), книжная (письменная) и устная публичная речь лектора, оратора при

форме глагола 1-го лица не требуют употребления подлежащего-местоимения, что отвечает закономерностям этикета авторской скромности.

II. **Решим** вместо **Решу**. Научная речь, речь педагога, ученого в русском языке имеет давнюю традицию: употреблять форму совместного действия для включения адресата в последовательный ход своих рассуждений.

Например: **Разберем следующий пример; Вспомним материал прошлой лекции; Обратимся к точке зрения В.В. Виноградова.**

При этом говорящий как бы призывает слушающих к сопричастности по отношению к своему повествованию. Такая авторская речь представляет собой монолог и не предполагает активной ответной реакции адресата, что дает основание относить данную форму к индикативу. Однако ее функция привлечения внимания и включения адресата в совместное с говорящим действие отвечает целенаправленности императива. Поэтому формы типа **решим** (в научной речи) имеют признаки переходного явления между индикативом и императивом. Употребление **решим** вместо **решу** служит выражению коммуникативной эмпатии. Такова семантическая интродукция, которая предполагает включение адресата в совместное с говорящим действие. Это позволяет снять дистанцию между автором и адресатом, объединить усилия аудитории в адекватном восприятии сообщаемого.

III. **Мы** вместо **я**. Местоимение 1-го лица множественного числа служит показателем скромности говорящего в тех случаях, когда следует подчеркнуть, что автор осознает степень участия других людей в приобретенном им опыте, роль накопленного до него багажа знаний. Так автор как бы «застраховывает» себя от излишней заносчивости, от возвеличивания своих личных заслуг и достижений.

Ср.: **Я заметил закономерность... – Мы заметили закономерность...; Я разработал теорию... – Мы разработали теорию...; Я согласен с мнением... – Мы согласны с мнением...** С этой целью используются и косвенные формы авторской скромности (в том числе в вводных компонентах). Ср: **Я сделал... – Мне удалось сделать...; Мне кажется, это справедливо... – Нам кажется, это справедливо; На мой взгляд... – На наш взгляд...** Такое авторское «мы» называется лингвистами «авторской скромностью» [4, с. 20]. При этом отмечается, что авторское «мы» «употребляется в научном и публицистическом стиле (по сложившимся нормам этикета научного изложения) для объединения говорящего и слушающего (пишущего и читающего) в качестве единомышленников, для направления внимания адресата не на личность адресанта, а на предмет речи, тему исследования: **Мы пришли к выводу...** (Я пришел к выводу...), **Мы употребили этот термин с целью...** (Я употребил...), **Мы проанализировали публицистические тексты...** (Я проанализировал...))» [4, с. 20]. Таким образом, «мы» вместо «я» используется как для включения других (третьих)

лиц, так и для включения адресата (второго лица) в совместное с говорящим действие. Так организуется актуализация предмета речи и выражение желания видеть в аудитории слушающих единомышленников.

Русский язык имеет также многочисленные эквиваленты перечисленным формам скромности, различные этикетные конструкции типа: **Боюсь показаться нескромным; Не считите за нескромность; Надеюсь на снисходительность.** Помогают обозначить скромность и высказывания с категорией состояния: **Можно ли войти?; Нельзя ли у вас узнать?; Хорошо бы решить этот вопрос положительно.** Способствуют выражению скромности императивные формы глаголов типа: **разрешите, пожалуйста, не откажите (в любезности), предоставьте.** Эти средства выражения семантики скромности заслуживают специального рассмотрения. Заметим, что в русском языке остается неизученным концепт «скромность». В рамках данного концепта целесообразным было бы рассмотреть понятия «застенчивость», «стеснительность», «стыдливость», «робость», «почтительность». Известный афоризм «Скромность украшает человека» проецируется на грамматический аспект семантики предложения, и можно сделать вывод о том, что «скромность» выступает в качестве компонента коннотативного смысла, украшающего основное содержание высказывания.

Итак, средства выражения скромности в современном русском языке представляют собой систему морфолого-синтаксических показателей, репрезентирующих семантику скромности в рамках высказывания. Выбор таких показателей зависит от целой суммы факторов: общей ситуации общения, частных прагматических факторов, интенций говорящего. Семантика скромности относится к экспрессивно-стилистическим явлениям русского языка и служит задаче успешного общения участников речевой коммуникации. Формы авторской скромности должны изучаться в разных аспектах: не только в грамматическом плане, но и с позиций культуры речи, речевого этикета, риторики, принципов межкультурной коммуникации, а также социолингвистической сферы.

Литература

1. *Бабайцева, В.В.* Явления переходности и синкретизма в языке и речи / В.В. Бабайцева. – М., 1991.
2. *Дроздов, Р.К.* Формирование навыков публичной речи в процессе обучения русскому языку: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Р.К. Дроздов. – Рязань, 2005.
3. *Кронгауз, М.А.* Русский язык на грани нервного срыва / М.А. Кронгауз. – М., 2011.
4. *Стариченок, В.Д.* Авторское «мы» (авторское множественное) / В.Д. Стариченок // Большой лингвистический словарь. – Ростов-н/Д., 2008.
5. *Формановская, Н.И.* Речевой этикет и культура общения / Н.И. Формановская. – М., 1989.

ФЕНОМЕН «РУССКОГО ИНОСТРАНЦА» В ТВОРЧЕСТВЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье рассмотрены художественные модели «русских иностранцев», созданных писателем под влиянием сложного комплекса почвеннических идей. Описывается соотношение образа русского иностранца в публицистике Достоевского и в основных его романах. По мнению автора статьи, миропонимание Достоевского, его интеллектуальные и нравственные поиски моделируют мировоззренческие искания основных героев романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы».

«Русский иностранец», Ф.М. Достоевский, народ, атеизм.

The imaginative models of «Russian foreigners» created by the writer under the influence of the ideas of pochvennichestvo are considered in the article. The paper describes the correlation of the character of the Russian foreigner in Dostoevsky's social essays and in his main novels. It is the author's opinion that Dostoevsky's world perception, his intellectual and moral searches are designed by the worldview searches of the main heroes of the novels «Crime and punishment», «The Idiot», «The Demons», «The Adolescent», «The Brothers Karamazov».

«Russian foreigner», F.M. Dostoevsky, nation, atheism.

Понятие русский иностранец – одно из ключевых в идеологии и творчестве Достоевского. Такое утверждение вправе сделать читатель, хотя сам писатель таким словосочетанием не пользовался. Оправдано это мнение, во-первых, потому, что данное словосочетание подразумевается писателем в «Зимних заметках о летних впечатлениях» и легко восстанавливается из контекста этого произведения (об образованных русских там сказано так: «теперь уж народ нас совсем за иностранцев считает» [2, т. 5, с. 49]), используется и сходная конструкция «русский европеец» [2, т. 13, с. 101], а во-вторых, потому, что духовный строй этого русского иностранца так или иначе отразился в художественной идеологии важнейших персонажей Пятикнижия Достоевского. Это последнее утверждение мы и стремимся показать в данной статье.

В самом общем плане тип русского иностранца может быть определен таким образом: русский по происхождению и языку человек, живущий чаще всего в России, но по мироощущению чуждый русскому народу из-за своего европейского образования и, как правило, без религиозного миропонимания, согласно определению В. Габдуллиной, «беспочвенник, утративший связь с русским Домом» [1, с. 13 – 18]. Это явление Достоевский считал крайне болезненным в духовно-исторической судьбе России и думал о его преодолении, по сути, всю свою творческую жизнь после поворотного для него 1849 г. Все это – проявления почвеннической установки писателя, и в общем плане об этом так или иначе уже шла речь в работах Г. Фридендера, В. Нечаевой, В. Туниманова, а в последние годы – в работах Т. Миллионщиковой и А. Лазари. Но при этом сам феномен русского иностранца, его параметры и границы специально не рассматривались.

Сочетание слов «русский» и «иностранец» строится как оксюморон. Выбранный нами способ смыслового сочетания слов оправдан тональностью са-

мого Достоевского в уже упомянутых «Зимних заметках о летних впечатлениях». В произведении преобладает саркастически-ироническая интонация по отношению к этому типу, используется и парадокс. Обозначив предложенный тип как «русского барина», Достоевский ведет речь о способах преодоления той пропасти, которая образовалась в его отношениях с народом. Один из таких бар, как он пишет, «повалился» носить русский костюм, чтобы «слиться с народом», но добился только того, что его стали называть «ряженым»; другой, наоборот, «ничего не хочет уступать», дескать, «нарочно буду бороду брить ... и во фраке ходить. Дело-то я буду делать, а и виду не покажу, что сходиться хочу» [2, т. 5, с. 47]. И если так выглядят попытки сближения с народом, то ясно, что отношения барина и народа – это отношения глубоко чуждых сторон. Достоевский так и характеризует их в ироническом восклицании: «Фу ты черт! Точно на иноплеменников каких собираются. Военный совет – да и только» [2, т. 5, с. 47]. И вот каким представляется писателю результат этих отношений: теперь «мы» (баре или образованные русские вообще) «до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народ стошнило, на нас глядя. Теперь уж народ нас совсем за иностранцев считает, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимает, – а ведь это, как хотите, прогресс» [2, т. 5, с. 49].

Это тональность сатирика, памфлетиста, она не столько объясняет, сколько оценивает явление, заостряя одну из его сторон – поставлен диагноз европейскому «прогрессу», причем так, что болезнь кажется безнадежной. В таком плане одностороннего осуждения представлены в публицистике Достоевского некоторые случайно встреченные им русские за границей. Речь идет, например, об упомянутом в «Зимних заметках о летних впечатлениях» русском, который уже много лет проживает «в Лондоне по коммерческим делам в конторе», и при этом, «кажет-

ся, совершенно потерял понятие о тоске по родине» [2, т. 5, с. 87]. Таков же и один из «наших европейцев сороковых годов», человек «в седых почтенных кудрях», проживающий постоянно за границей и объясняющий это тем, «что у нас в России все еще нечего делать серьезному и порядочному человеку» [2, т. 25, с. 139]. Достоевский оценивает таких людей вполне однозначно: «Что бы ни выставляли они себе в оправдание, но не могут же они утаить, что главная причина их эмигрирования была тоже и приманка эгоистического "ничегонеделанья"» [2, т. 25, с. 144]. Делается и обобщение о подобном типе (уже не русском за границей, а именно «русском иностранце»): «полуторавековым порядком вся интеллигенция наша только и делала, что отвыкала от России, и кончила тем, что разнакомилась с ней окончательно и сносилась с нею только через канцелярию» [2, т. 25, с. 50].

Такой односторонне воспринимаемый тип возможен и в художественном творчестве писателя, но это лишь второстепенные персонажи, например, упоминаемый в «Бесах» русский барин Артемий Павлович. Он – представитель «еще уцелевших на Руси дворян, которые чрезвычайно дорожат древностью и чистотой своего дворянского рода», но вместе с тем «он терпеть не мог русской истории, да и вообще весь русский обычай считал отчасти свинством». А противопоставлял он всему русскому какие-то неопределенные (но при этом европейски окрашенные) «поэтические воззрения: ему понравились замки, средневековая жизнь, вся оперная часть ее, рыцарство; он чуть не плакал уже тогда от стыда, что русского боярина времен Московского царства царь мог наказывать телесно, и краснел от сравнений» [2, т. 10, с. 211]. Эта ироническая тональность еще более заострена по отношению к «европеизму» Смердякова из «Братьев Карамазовых». Смердяков полон брезгливости и «презрительной ненависти» ко всему русскому: «Я всю Россию ненавижу...» [2, т. 14, с. 206]. Л.В. Пумпянский в своих исследованиях характеризует Смердякова так: «...лакей всея России, обезьяна своих плохих господ...» [6, с. 218]. Исследователь различает понятия «слуга» (Григорий) и «лакей» (Смердяков), то есть: «Слуга это тот, кто живет почтительно», кто стоит «на путях ответственности», к тому же «кардинальное отличие лакея от слуги – не только презрение к своему господину, но также к своей стране, к своему народу и его вере и безродство» [6, с. 231].

Данные тональность и ракурс изображения ограничивают содержательные рамки типа, и он так и остался бы персонифицированной почвеннической идеологемой, если бы Достоевский не использовал иную тональность по отношению к Герцену. Его он анализирует как психологический и исторический тип. Чтобы показать это, нужно привести значительный по объему фрагмент его характеристики: «Герцен был <...> продукт нашего барства, ... прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться. Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом. Они все, ему

подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России. В полтора года лет предыдущей жизни русского барства за весьма малыми исключениями истлели последние корни, распались последние связи его с русской почвой и с русской правдой. Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные – индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года. Тогда это был самый пленительный идеал народа. Разумеется, Герцен должен был стать социалистом, и именно как русский барич, то есть безо всякой нужды и цели, а из одного только "логического течения идей" и от сердечной пустоты на родине» [2, т. 21, с. 11].

Как видим, этот тип «иностранца» хотя и отделен от народа, но по-своему «любит» его, и потому он – предмет не столько осуждения, сколько анализа и размышления. Достоевский и дает о нем ряд таких утверждений, которые требуют дальнейшего осмысления, уточнения и т.п. Во-первых, тип этот уникален вследствие какой-то природно-культурной предрасположенности, которую трудно выявить и определить (речь идет о том, что в русских условиях эти люди «так прямо и рождались эмигрантами»). Во-вторых, его органические характеристики (они даны как указания на тип темперамента: «беспокойные», «вялые», «спокойные») соотношены с интеллектуальной силой «логического течения идей». Эти разноплановые черты в данном случае образуют комплекс, имеющий полюса «русский» – «общечеловек» («гражданин мира»), что создает значительную разность потенциалов, и отношения между полюсами – своего рода внутренняя форма образа русского иностранца у Достоевского. О том, насколько она продуктивна, можно судить по широте того круга людей, которых она охватывает, и по влиянию на главных персонажей романов Пятикнижия. Круг этих людей, как представляется Достоевскому, охватывает буквально всех русских образованных людей. Это понятно из того, как Достоевский представлял себе «контракт» с народом в Дневнике писателя за 1876 г.: его участниками должны быть именно «все» интеллигентные русские и народ. Заметим, что «контракт» этот столь же внутренне напряженная смысловая и этическая структура, как и обозначенный выше комплекс «русский – общечеловек». Всех образованных русских Достоевский признает, во-первых, недостаточно знающими народ, а во-вторых, признает первостепенными идеалами народные (судить народ нужно «не по тому, чем он есть, а по тому, чем

желал бы стать. А идеалы его сильны и святы»). Эти идеалы – некий общий «дом» и для народа и для образованного круга, но «дом» особый, в котором только предстоит ужиться. Это «дом», куда «мы» (обобщение, подразумевающее всех образованных русских) «должны, как блудные дети, двести лет не бывшие дома, воротиться», причем не с пустыми руками, а, во-первых, «все-таки русскими», и, во-вторых, приобретшими нечто свое, не противоречащее, впрочем, этим народным идеалам. Надо, чтобы «народ и от нас принял многое из того, что мы принесли с собой. Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было его правдой; наше пусть остается при нас, и мы не отдадим его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом» [2, т. 22, с. 42 – 44].

Из этого ясно, что общий «дом», общая «почва» у народа и интеллигенции – понятия внутренне напряженные, предполагающие диалектическое развитие заключенных в них противоречий. Достоевский не избегал и не боялся этого, как не боялся и диалектики национального и общечеловеческого, рискованно утверждая, что «Всякий великий народ верит и должен верить, если только хочет быть долго жив, что в нем-то, и только в нем одном, и заключается спасение мира, что живет он на то, чтоб стоять во главе народов, приобщить их всех к себе воедино и вести их, в согласном хоре, к окончательной цели, всем им предназначенной» [2, т. 25, с. 17 – 18].

Отсюда понятно и многообразие путей реализации той внутренней формы образа русского иностранца, о которой говорилось выше в связи с противоречивостью русского и общечеловеческого в миропонимании Герцена. Его интеллектуальные и нравственные поиски, пусть в самом общем плане, моделируют мировоззренческие искания основных героев романов Пятикнижия.

Раскольников (роман «Преступление и наказание») соотносится с народной правдой опосредованно – через правду христианского отношения к миру, которая дана ему через Соню. В период его «омрачения» русские мужики в художественной системе романа противопоставлены Раскольникову как «иностранцы». Это ироническое противопоставление, оно содержится в словах Порфирия Петровича о «современно развитом человеке», интеллигенте, который не сможет ужиться с русскими мужиками, «настоящими, посконными, русскими; этак ведь современно-то развитый человек скорее острог предпочтет, чем с такими иностранцами, как мужички наши, жить, хе-хе!» [2, т. 6, с. 246]. Но слово «иностранцы» тут не случайно, оно – часть системы почвеннических представлений Достоевского, и в данном случае по логике иронического контекста оно, в сущности, обращено на самого Раскольникова, который и является в период своего «омрачения» иностранцем для русских мужиков. Выход из этого состояния и дает ему Соня, та Соня, родство которой с «народом» безоговорочно (вспомним, например, об органически непосредственной любви к ней всех каторжан в Си-

бири). Это и есть специфика его положения «русского иностранца», выросшего идеологически из круга европейских идей (наиболее важные для него связаны с наполеонизмом, с правовой, то есть, преимущественно западной для Достоевского, системой рассуждений о «праве на преступление»). Показательно, что самостоятельность Раскольникова сказывается в том, что он идейно перерастает и Наполеона, и даже правовую систему мышления. Свидригайлов, единственный, кого можно поставить рядом с Раскольниковым в идеологическом плане, тоже может быть понят в системе почвеннических акцентов. Он космополитичен почти по всем своим предпочтениям (в девятнадцатом веке это означало ориентацию на Европу, Францию). Однако его самоубийство (а это в романе несомненно – акт самоосуждения) – иронически-символический уход «в Америку», то есть содержит внутреннюю насмешку над тем, кто действительно в его положении хотел бы уехать в Америку.

Князь Мышкин (роман «Идиот») иначе соотносен с почвенническими представлениями. Он фактически всеми устремлениями принадлежит той народной правде, которую имел в виду Достоевский-почвенник. Но в событийно-сюжетном плане – прибывает в Россию из Европы, в которой он как раз и был идеальным русским, то есть человеком со «всемирным болением». Рядом с ним такой персонаж, как Радомский, излагающий во многом почвеннические взгляды Достоевского, идеологически пассивен, просто информирует об этих идеях, но не ответствен за них (если употреблять понятия «идея», «ответственность» в трактовке М.М. Бахтина).

Ставрогин, быть может, самое значительное лицо в ряду «русских иностранцев». Его отпадение от народной правды особенно разрушительно. Он был инициатором почвеннических идей для Шатова, «соблазнил» ими его, а сам оказался внутренне не готов к их восприятию. Весь путь Ставрогина в романе – отдаление от народных начал: внутренне ложный по своим мотивам брак с Хромоножкой, способствование гибели девочки, общее нравственное положение «по ту сторону добра и зла» как раз и выстраивается в цепь, в конце которой он от безысходности оказывается «гражданином кантона Ури» (характерно, что этой формулой даже с оттенком официальности, указывающей на его принадлежность к Европе, он назван именно в момент смерти). Вне народа (христианство которого, по Достоевскому, напоминает как бы природную способность) он оказывается еще и потому, что не способен к такому ключевому в христианстве акту как покаяние.

Версиков в романе «Подросток» отстаивает свой аристократизм, но его аристократизм особый: он сохраняет память о непосредственной связи вождя и подданных. Он, называя себя «русским европейцем», является в то же время носителем особой «высшей русской мысли», которая сводится к «всепримирению идей» [2, т. 13, с. 111]. Иван Карамазов в почвенническом аспекте – тот, кто противостоит лакею Смердякову, ненавидящему «всю Россию» и в то же

время пугается своего сходства с ним. Поэтому духовная история Ивана – это во многом история преодоления своего внутреннего сходства со Смердяковым. Получается, что, характеризуя этих центральных персонажей в почвенническом преломлении, мы невольно касаемся самой основной проблематики творчества Достоевского со всей ее сложностью. В рамках нашей темы это означает, что ядро понятия «русский иностранец» – мыслящий, становящийся человек (личность), на периферии этой фигуры – ее сниженные и пародийные воплощения (Смердяков из «Братьев Карамазовых», Артемий Павлович из «Бесов»). Диалектически противостоят основной фигуре представители народа (Макар Долгорукий) и персонажи, почти непосредственно сливающиеся с ним (Соня Мармеладова), данные во внерациональном ключе. Как мыслящее существо русский иностранец («русский европеец») всегда находится в сложном положении (мировоззренческом и жизненно-практическом). А развитие этого типа в романах Достоевского – это движение в сторону народного миропонимания.

Литература

1. Габдуллина, В. Испытание Европой: роман Ф.М. Достоевского «Игрок» / В. Габдуллина // Вестник ТГУ: Филология. – 2008. – № 314. – С. 13 – 18.
2. Достоевский, Ф.М. Полное собр. соч.: в 30 т. / Ф.М. Достоевский. – Л., 1972 – 1990.
3. Лазари, А. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / Анжей де Лазари, [пер. М.В. Лескинен, Н.М. Филатов]. – М., 2004.
4. Миллионщикова, Т. Почвенничество. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Т. Миллионщикова. – М., 2003.
5. Нечаева, В. Журнал М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» 1861 – 1863 / В.С. Нечаева. – М., 1972.
6. Пумпянский, Л. Достоевский и античность / Л. Пумпянский // «Нева». – 2011. – № 12. – С. 217 – 233.
7. Туниманов, В.А. Почвенничество и «полемика идей». Творчество Достоевского. 1854 – 1962 / В.А. Туниманов. – Л., 1980.
8. Фридлиндер, Г. У истоков «почвенничества» // Г. Фридлиндер. – Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка, 1971. – Т. 30. – Вып. 5. – С. 400 – 409.

УДК 81'22

Д.В. Мунец

ПЕРСОНАЖНАЯ СИСТЕМА ПОЭМЫ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «ЦАРЬ-ДЕВИЦА» В АСПЕКТЕ ГЕНДЕРНОЙ ТРАНСГРЕССИИ: ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

В работе предпринята попытка лингвогендерного прочтения поэмы М.И. Цветаевой «Царь-девица» с целью рассмотрения женских и мужских фигур, репрезентирующих творческое воображение автора в указанный период.

Персонаж, гендер, гендерный стереотип, языковая личность.

The author of the paper makes an attempt to read the poem of M.I. Tsvetaeva «Tsar-Maiden» in a linguistic gender way with the aim to consider the female and man's figures reflecting the poetess' creative imagination during the specified period.

Personage, gender, gender stereotype, language person.

Период 1920 – 1924 гг. – один из наиболее трагических периодов жизни М.И. Цветаевой (смерть младшей дочери, рождение сына, жизнь в голодной Москве, одиночество, потеря и «возвращение» С.Я. Эфрона) – открывает читателю процесс психологического самоанализа поэта во взаимодействии эмоционально насыщенных *архетипических – мифологических и фольклорных – образов* (поэмы «Царь-Девица», 1920; «На Красном Коне», 1921; циклы «Георгий» и «Разлука», 1921; поэмы «Переулочки» и «Молодец», 1922; пьеса «Ариадна», 1924).

В настоящей работе предпринята попытка лингвогендерного прочтения поэмы М.И. Цветаевой «Царь-девица» (1920). Сюжет поэмы заимствован М.И. Цветаевой из одноименной русской сказки собрания А.Н. Афанасьева. При этом Цветаева воспользовалась лишь ее первой частью, вторая часть, со счастливым исходом (Царь-Девица после долгой разлуки соединяется с любимым), целенаправленно

опущена. *Гендерная система персонажей* цветаевской поэмы *биполярна*: 1) персонажи, чья гендерная принадлежность четко маркирована; 2) персонажи, чья гендерная принадлежность носит пограничный характер (персонажи на границе гендера).

Первая категория представлена парными героями: Царем и Царицей (мачехой Царевича). **Царь** – это персонификация маскулинных гендерных стереотипов (в негативном их проявлении), отражающие патриархальные предпочтения русской картины мира (старый пьющий некрасивый муж, никчемный правитель): «Как у молодой жены – да старый муж, / Морда тыквой, живот шаром, дышит – терем дрожит, / От усов-то перегаром на сто верст округ разит» [7, с. 361]; «Царь с бутылкою в обнимку храпит» [7, с. 364].

Гендерная (феминная) ипостась **Царицы** в этом смысле менее одномерна: молодая красавица; бездетная мачеха, забытая пьющим престарелым супру-

гом; любящая женщина, страдающая безответной (запретной) страстью к юному пасынку, Царевичу. Текстовый материал нарочито подчеркивает (негативно маркируя при этом) стереотипные гендерные роли: «бабенка шальная» [7, с. 361]; «царева жена» [7, с. 362]; «мачеха младая» [7, с. 370]. Любовь молодой мачехи к взрослому пасынку в патриархальной русской культуре табуирована, ибо является *инцестуально окрашенной*: «Отчего тебе не мать родная / Я, а мачеха?» [7, с. 362]; «Опостылела царева кровать! / Я с Царевичем хочу ночевать» [7, с. 354]; «Ох, зачем тебя не я родила?» [7, с. 363]; «Что ты, матушка, кто ж с пасынком спит?» [7, с. 364]. И чем сильнее «материнское» доминирует на «женском» (и речь идет не только о номинальном статусе мачехи), тем страннее выглядят эти откровенные оттенки запретной любви, когда, по замечанию С.Н. Лютовой, в «маленьком сыне провидится идеальный любовник» [2, с. 97], а точнее – возлюбленный (со всеми неотъемлемыми атрибутами обоготворения и идеализации): «Как на личико твое цветочное / Не зариться?» [7, с. 362]; «Три года завтрашней зарей, / Как я на персик восковой, / Как нищий на базаре, – / На нежный лик твой зарюсь!» [7, с. 396]. Сцена танца Мачехи перед Царевичем и Царем в этом смысле показательна: «Ох, не пляшут так, жена, пред муженьком!» [7, с. 416]. Эпизод, когда царь, решающий кошунственным «Исайя, ликуй!» наградить Царевича с Царицей «друг дружкой», подчеркивает этот тот негативный аспект материнства, идущий в разрез с каноническим понятием «матери» в общекультурном сознании.

Другой полюс гендерной системы персонажей цветавской поэмы представляет наибольший интерес, он также репрезентирован парными персонажами: **Царь-Девуца** и **Царевич**. Специфичность данных образов определяется *трансгрессией гендерной личности: феминный мужчина (Царевич) и маскулинная женщина (Царь-Девуца)*. Шкала «маскулинности / феминности» применительно к этому персонажному бинеру является перевернутой: сравним текстовые характеристики: «Баб не любишь? Драк не любишь? / Ну, тебя-то мне и надо! / Как, к примеру, Дева-Царь я, / Так, выходит, – Царь ты-Дева! / Уж с таким-то голосочком / Муж за прялку не засодит!» [7, с. 372]. Заданные *билексемми* «Дева-Царь» и «Царь-Дева» опорные точки-координаты персонажной системы не случайны: сама терминологическая формулировка билексеммы подразумевает сложную номинативную единицу, состоящую из двух (или более) самостоятельных слов, соединенных аналитическим (дефиснооформленным) способом и обладающую синкретическим значением [9, с. 64]. И Царевич, и Царь-Девуца находятся на границе гендера, заданного биологическим полом (**М** \Leftrightarrow **Ж**). Авторские билексеммы способствуют расположению персонажных номинатов между двумя полюсами. Билексеммы по типу сращения, представленные композитами с оценочными компонентами *царь-* и *дева-*, закономерны: именно второй компонент является статуснорелевантным. Применительно к воинствующей деве доминирую-

щим оказывается ее социальный статус («Как, к примеру, *Дева-Царь я*»), предопределяющий соответствующие физические характеристики (сравним одномерный образ слабого, никчемного и пьющего Царя), нарочито гиперболизирующие не-женскую сущность, что, в свою очередь, способствует актуализации фольклорного образа былинных героинь-воительниц: ср. героини-богатырши Златыгорка (сюжет «Бой отца с сыном») и Настасья (сюжет «Дунай и Непра») [3, с. 7]. Характеристики былинных дев-воинов строятся по маскулинной модели былинного богатыря. Аналогичная ситуация в цветавской поэме: «*Дева всех впереди! / Великановый рост, / Пояс – змей-самохлест, / Головою до звезд, / С головы конский хвост, / Месяц в ухе серьгой...*» [7, с. 365]; «*...Царь-Девуца саблю чистит. / На плече на правом – голубь, / На плече на левом – кречет*» [7, с. 370]. Для сравнения: «На правом-то плече, знать, воробей сидит, / На левом-то плече, да знать, белой кречет...» [1, с. 167] или пушкинское «Все красавцы удалые, / Великаны молодые...» [5, с. 530] (ср. с описанием Царь-Девуцы: «*Дева всех впереди! / Великановый рост...*»).

В русском эпосе культивируется привязанность богатыря к своему коню: сравним со сценрой седлания коня Добрыней: «*Побежал Добрыня на конюшен двор, / Да и брал он коня да семи цепей, / Да семи он цепей да семи розвязей. / Клал на коня да плотны потнички, / На потнички клал да мягки войлочки, / На войлочки седельшко черкальское, / Двенадцать он вяжет подпруг шелковых, / Да тринадцату вяжет чересхребетную...*» [1, с. 168 – 169] (традиционный характер синтаксических конструкций вкупе с диминутивами – уменьшительно-ласкательными суффиксами – подчеркивает, какое важное значение имел конь для русского воина). Для былинных богатырей подобный пietet к коню закономерен. Их основное занятие – полякование: они ездят в чистом поле и бьются с богатырями. Основное занятие цветавской Царя-Девуцы – это военное дело, поэтому конь – обязательный атрибут ее образа (неслучайно Цветаева дает их в некоем синкретизме): «*Конь с Девуцею точно сросся; / Не различишь, коли вдали: / Хвост конский, али семишерстый / Султан с девичьей головы!*» [7, с. 374]. Фольклорные истоки имеет и сцена прощания Царь-Девуцы с конем: «*Как дружокка за загривок брала, / Сахарочку в рот брусочек клала, / Целовала как, огня горячий. / Промеж грозных, промеж кротких очей, / Прижималась как – щечкой золотой / К конской шее лебединой, крутой... / Повязавши как шнурком поясным, / В ножки кланялась поклоном земным...*» [7, с. 376].

Военный (мужской) дискурс подобные сентиментальные проявления по отношению к своему коню отнюдь не табуировал. Используемые при описании коня диминутивы подчеркивают это трепетное (исключительно мужское) проявление заботы к своему ратному другу. Само военное дело, искони являющееся мужской прерогативой, также способствует трансформации классической гендерной модели «женский пол» – «женский гендер» в поэме в формулу «женский пол – мужской гендер» (сближение с

архетипом амазонки): «День встает – *врага сражаешь*, / Поддень бьет – *по цацам рыщешь*, / Вечер пал – по хлябям плясешь, / Полночь в дом – *с полком пируешь*. / Люди спать – *ты саблю точишь*, / В церковь – *псов из ручек кормишь*»; «Мой жених – *мой меч пресветлый*, / *Меч мой сабельный, веселый*» [7, с. 371]. Нарочитую маскулинизацию женского образа подчеркивают и речевые характеристики (использование бранной лексики в речи Царь-Девы): «Топнула ногой тут Дева: – Нянька ты, а я – Царь-Демон! / *Кой мне черт в твоих пеленках!*» [7, с. 371]; «*Дура старая*, что хнычешь?» [7, с. 373].

Таким образом, заглавная номинация «Царь-Девы», будучи в сильной позиции текста, представляя собой сложную в аспекте грамматического рода двухкомпонентную словоформу, определит ее «речевой портрет» и ряд других косвенных валентностей образа: «*Дева-Зверь*» [7, с. 366]; «*Зверь-Солдатка*» [7, с. 370]; «*Вихрь-Девыца*» [7, с. 370], «*Жар-Девыца*» [7, с. 370]; «*Царь-Буря*» [7, с. 374]; «*Царь-Демон*» [7, с. 371].

Бинарная структура гендерных метафор-номинаций носит культурно-символический характер. Гетерогенные композиты в составе билексем подчеркивают *пограничную гендерную идентичность* героини. В аспекте гендерных предпочтений автора особо следует подчеркнуть нарочитую игру с грамматическим родом валентностей инициального образа: для сравнения – стилизованный эпизод «спора-беседы» акулы с китом, где строки попарно чередуются в представлении разных гендерных идентичностей Царь-Девы («Ж → М»): «Что за костер это мчится в степях синих вод?! – То сваму счастью навстречу *красотка* плывет. / Кто ж у *ней* славно так правит рулем-кораблем?! – Море им правит, так вот он и прет напролом! / А под шатром-то, с лицом-то как шар золотой, / Что там за *Воин* – за *Ангел* – за *Демон такой?* / Каску хвостатую ветр *ему* сшиб набекрень, / *Ростом-то* – *башня*, в *плечах-то* *косая сажень!* / В холодной пучине, чай, крестит купецкую тварь?! – *Мчит на смотрины*, а *имя ему* – *Дева-Царь*» [7, с. 377].

Само использование лексемы «*смотрины*» применительно к мужскому образу в данном случае нарушает традиционную модель ритуала сватовства: «В старинном русском свадебном обряде: знакомство жениха и его родственников с невестой» [6, с. 159] (то есть именно жених, как правило, приезжал на смотрины невесты). В устах героини смотрины получают архаичные *маскулинные коннотации завоевания, полона, пленения*: «Одним своим лучом единым / Мы светел месяц *полоним*» [7, с. 373]; «На грудке баюкает / *Добычу* свою» [7, с. 383]. Однако при нарочитой маскулинизации Царь-Девы ее отношение к Царевичу описано в рамках сугубо материнского дискурса (актуализация феминной ипостаси образа): «Не думала я себе *младенчика* / От взгляду *одного* *нажты!*»; «Уж такого из тебя *детину вынячу*, / *Паутинка ты моя*, *тростинка*, *шелковиночка!*» [7, с. 380 – 381]. Именно это странное сочетание материнского «любования» с женским «любовным» по отношению к Царевичу объединяет образы Царь-

Девы и Царицы-мачехи: негативный аспект материнского способствует установлению специфических отношений с сыном / пасынком / «младенчиком» – ревность ко всему миру: из ревности Царица с помощью колдовской булавы усыпляет Царевича, чтобы отнять его у Царь-Девы, и, будучи невольной причиной его гибели, сама разбивается, отправившись в последнюю погоню за ним; из ревности, увидев «волос черный» на груди у Царевича, Царь-Дева вырывает себе сердце.

Образные характеристики самого Царевича в рамках этой перевернутой гендерной модели также логичны. Его образ выстроен по принципу нивелирования признаков, заданных биологически полом («мужской пол – женский гендер»). Все его текстовые характеристики представлены двумя *параметрами*: «*возраст*» и «*внешность*»: «С *головеночкой льяной*» [7, с. 362]; «*личико цветочное*» [7, с. 362]; «*осемнадцатая весна*» [7, с. 372]; «*височки, волосочки*» [7, с. 363]; «*шея лебедем, высок, белогруд*» [7, с. 363]; «*Паутинка ты моя, тростинка, шелковиночка!*» [7, с. 381]. Автохарактеристики героя также выстроены по модели «не-мужское»: «*Я, гусяришка узкогрудый*, / *Не понимающий ни в чем!*» [7, с. 367]; «*Все-то нежат день-деньской, тешат, нянчат*, – / *Ровно цветик я какой*, / *Одуванчик*» [7, с. 367].

Ранее уже были выделены опорные билексемы персонажной пары «Царь-Дева» – «Царевич»: Как, к примеру, *Дева-Царь я*, / Так, выходит, – *Царь-ты-Дева!*» [7, с. 372]. Последняя – отражение авторской стратегии характеристики персонажа – акцента на его феминной сущности (как правило, в русском фольклоре описание женских образов было сосредоточено на описании именно их красоты и юного возраста).

Царевич репрезентирован элементами традиционного фольклорного женского образа (ср. поэтическое сравнение сказочных красавиц с белым лебедем): «Лежит Царевич мой бессонный, / Как *лебедь* крылья разбросал...» [7, с. 367]; «Плывет *Царь-мой-Лебедь* / *В перстнях, в ожерельях...*» [7, с. 405]. Для сравнения: пушкинское «Глядь – поверх текучих вод / *Лебедь белая* плывет...» [5, с. 526]. Фольклорные истоки имеет и нарочитое подчеркивание белизны лица героя: «*Снеговое скатерти*, / *Мертвец* – весь сказ! / *Вся-то* кровь до капельки / *К губам* собралась!» [7, с. 368 – 369]. Для сравнения: пушкинское «*Ох, бел ты мой* месяц, / *Меловой* пирожок!» («*Белолица, черноброва...*» [5, с. 542]).

К сказочному *сюжету о спящей царевне* восходит и сон Царевича от колдовской булавы мачехи: «Что за дивный твой за сон за такой?» [7, с. 383]. Его номинации в тексте строятся по диминутивным моделям: «*мальчик*» [7, с. 361]; «*сын*» [7, с. 361]; «*ребеночек*» [7, с. 362]; «*миленочек*» [7, с. 380]; «*маховенькой*» [7, с. 383]; «*младенчик*» [7, с. 384]; «*забавонька*» [7, с. 386]; «*персик-абрикосик*» [7, с. 397]. Однако именно сближение персонажей пограничного гендера (феминный «маховенькой» Царевич и маскулиная «большая» Царь-Дева) способствует *завершению античного андрогинного идеала*: сцена первой ночи, где Царь-Дева склоняется над сон-

ным Царевичем: «Гляжу, гляжу, и невдомек: *Девуца – где, и где дружок?*» [7, с. 382].

Еще один представитель полюса пограничной гендерной идентичности – это непосредственно **авторская инстанция**. Автор, экспериментирующий с нарративом, ведет постоянную игру с адресатом (читателем): «*Кто сам с косою да в юбочке – / Тому пускай – два юноши. / Кто вокруг юбок веется – / Тому пускай – две девушки...*» [7, с. 382], «Прежде чем засов раздвинем, / Ты скажи, душа, – отколе / Ты сама-то к нам: с мужской ли, / Али с женской половины?» [7, с. 391]. Автор, ведущий за руку читателя, сам нарушает границы семантических полей мужского и женского: «*Мы пройдем пока на половиночку к Царице...*» [7, с. 390]. Сцена первой ночи, где Царь-Девуца склоняется над сонным Царевичем, игнорирующая дифференциацию половых признаков, подтверждает авторскую установку на приоритет духовного, божественного, нерелевантного половым различиям: «*А ну как зорче поглядим – / И вовсе все обман один, / И вовсе над туманом – дым, / Над херувимом – серафим?*» [7, с. 382].

Для сравнения – запись в «Сводных тетрадах» М.И. Цветаевой: «*Пол в жизни людей – катастрофа. Во мне он начался очень рано, не полом пришел, – облаком. И вот постепенно, на протяжении лет, облако рассеялось: пол расплылся. Гроза не состоялась, пол просто миновал. (Пронесло!) Облаком пришел и прошел*» [8, с. 133 – 134], где в основе приводимой формульной единицы – **прием метафоризации**: трактовка пола – биологической данности – как облака («пол расплылся»). Биологическая данность человека от рождения переосмыслена поэтом в качестве внешней, окружающей субстанции [4, с. 116].

Таким образом, герои, пребывающие на границе гендера, оказываются в центре внимания и предпочтений автора. Напротив, образы тех персонажей, чья гендерная принадлежность четко определена, коннотативно снижены: таков **Царь**: «*Морда тыквой, живот шаром, дышит – терем дрожит, / От усов-то перегаром на сто верст округ разит...*» [7, с. 361]; **Царица**: «*Как у молодой змеи – да старый уж, / Как у молодой жены – да старый муж...*» [7, с. 361], а также ряд второстепенных и эпизодических персонажей: **колдун**: «*На угодничков плетет, давит мух, / Черных сродничков своих славит вслух...*» [7, с. 363]; **нянька**: «*У ее подножья нянька / Ей сапожки начищает...*» [7, с. 370]. Особо следует подчеркнуть тот факт, что автор, согласно тексту являющийся женщиной («Я китайской обучена...» [7, с. 391], «Отстегни-ка мне монисто – / Няnek не беспокоить! [7, с. 391]), не случайно сближает себя с Царевичем-гуслиаром, на уровне концептуальной метафоры птицы, символизирующей собой поэтический дар (см. рисунок). Кроме того, сближение героев пары «Царь-Девуца» – «Царевич» также происходит в рамках увлечения стихиями: для Царь-Девуцы – это война, для Царевича – творчество (игра на гуслиях сближает его с мифическим арфистом *Орфеем*): ср. Царевич: «*Гусли, гусли – вся забава / Осемнадцатой весны!*» [7, с. 372]; Царь-Девуца: «*Бранный быт – моя забота! / Мне иных забот – не надо!*» [7, с. 371]. Формула человека, наделенного стихийным, поэтическим отношением к окружающему, когда пол уже несуществен – **Орфей** («Орфей, разрываемый на части менадами, – вот божественность поэта» [8, с. 155]), иначе **Психея** («Психее (в жизни дней) остается одно: *хождение по душам (по мукам)*» [8, с. 271]).

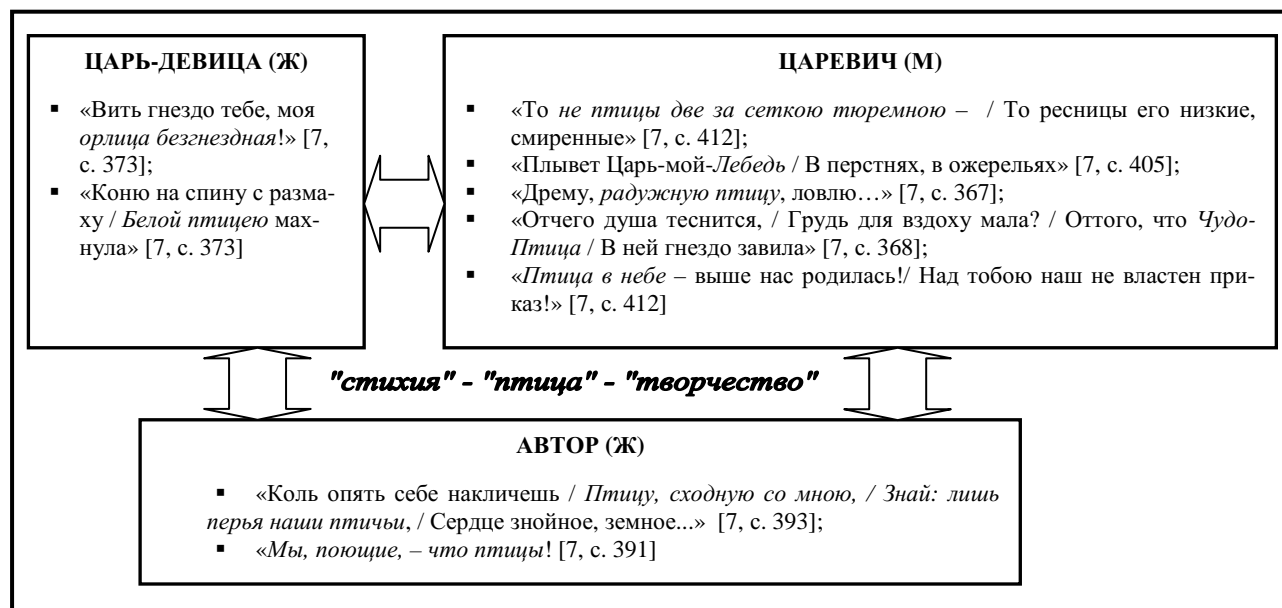

Рисунок. Персонажи пограничной гендерной идентичности в поэме М.И. Цветаевой «Царь-Девуца»

Таким образом, если мужское и женское, мужской и женский мир в любой национальной (гендерной) картине мира предстают резко противоположными, контрастными, то у М.И. Цветаевой в поэмах мифологического периода ее творчества взаимодействие персонажей, мужских и женских фигур, – персонализация трансформации ее личностных воззрений касательно архетипов поэтического дара, а также свидетельство существенного преображения ее авторского стиля.

Литература

1. Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. – М., 1988.
2. Лютова, С.Н. Она и Он в поэзии М. Цветаевой: архетипическое взаимодействие / С.Н. Лютова // Мир психологии. 2002. – № 4. – С. 93 – 102.

3. Мадлевская, Е.Л. Героиня-воительница в эпических жанрах русского фольклора: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Л. Мадлевская. – СПб., 2000.

4. Минец, Д.В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса (лингвосомиотический аспект) / Д.В. Минец. – Saarbrücken, 2012.

5. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч.: в 7 т. / А.С. Пушкин. – Т. 3. – Кн. 1. – М., 1995.

6. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1999. – Т. 4.

7. Цветаева, М.И. Царь-Девица / М.И. Цветаева // Цветаева М. Стихотворения. Поэмы / вступ. ст., составление и комментарии А. Саакянц. – М., 1991. – С. 361 – 444.

8. Цветаева, М.И. Неизданное: Сводные тетради / М.И. Цветаева. – М., 1997.

9. Черкасова, А.А. Структурно-семантическая классификация билексем / А.А. Черкасова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 1 (17). – С. 69 – 74.

УДК 82.0

Ю.Н. ШUTOVA

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Ю.В. Бабичева

ОБРАТНЫЙ СВЕТ¹ ЧЕРУБИНЫ ДЕ ГАБРИАК

Статья посвящена исследованию последней мистификации поэтессы Елизаветы Васильевой (до замужества – Дмитриевой), известной также по маске Черубины де Габриак. В 1927 году, пребывая в Ташкенте, она выпустила сборник стихов «Домик под грушевым деревом» от имени китайского поэта Ли Сян Цзы.

Мистификация, Черубина де Габриак, Юлиан Щуцкий, запад – восток, поэтический цикл, подражание, сотворчество.

The article is devoted to the latest hoax of poetess Elizabeth Vasilyeva (Dmitrieva – before marriage –) also known as Cherubin de Gabriac. In 1927, while staying in Tashkent, she released the book of poetry «House under the pear tree» on behalf of Chinese poet Li Xiang Zi.

Hoax, Cherubina de Gabriac, Julian Schutsky, east – west, poetic cycle, imitation, co-creation.

Значит, счастье – не сон. Оно – здесь!
Оно будет возможно, когда выпадет снег.
Черубина де Габриак «Когда выпадет снег»

Мистификация¹ Елизаветы Васильевой (более известной в русской литературе по маске Черубины де Габриак) «Домик под грушевым деревом» от имени ссыльного китайского поэта Ли Сян Цзы явилась не только очередным сотворчеством (с Китаеведом Ю.К. Щуцким) и стала отражением последних лет жизни, наполненных горечью существования вдали от любимого Петербурга и от близких друзей, но и раскрыла волновавшие поэтессу на склоне лет философские вопросы, среди которых очень важно отметить тему забвения². Речь идет, прежде всего, о заб-

вении творческом: уже после «смерти» «царицы прозрачного трона» Черубины де Габриак Васильева поняла, что ее удел – быть погребенной заживо своими же стихами, которые во временном континууме будут всегда принадлежать той другой.

Цикл, состоящий из 21 стихотворения (семистишия), создавался в августе – сентябре 1927 г. в Ташкенте в тот момент, когда ученый Ю.К. Щуцкий, направляясь в командировку в Китай и Японию, заехал навестить Васильеву.

С Юлианом Константиновичем они познакомились в Петрограде в 1922 г. Одаренный ученик филолога-китаиста, профессора В.М. Алексеева долгие годы работал над переводом, исследованием и толкованием классической «Книги перемен» («И-цзин»), стоящей у истоков китайской философии.

Е. Васильева, по словам самого Щуцкого, раскрыла для него антропософию, которая помогла ему

¹ «Свет обратный» – в китайской лирике обозначает «заходящее солнце» [5, с. 86].

² «Может я останусь на много лет здесь на чужбине», – пишет Е. Васильева уже в первом стихотворении «Букет из павлиньих перьев» из цикла «Домик под грушевым деревом» [12, с. 187].

в совершенствовании собственного «Я»: «Понять всю сложность его учения, понять то, что он сообщил о Христе, мне помогла и своими знаниями, и личным примером Е.И. Васильева» [13, с. 57 – 58].

Для Елизаветы Ивановны знакомство также стало знаковым. «...В мою жизнь пришла любовь, – писала она Волошину 3 июля 1923 года...<...>. У него совсем такие волосы, как у тебя. И лицом он часто похож. <...> Он очень-очень любит твои стихи и (через меня) тебя. Ты и он – 1-я и последняя точки моего круга» [7]. Именно после знакомства с Юлианом Константиновичем в жизнь и лирику поэтессы входит столь не свойственные ей мотивы утешения и духовного поиска. В стихах этого периода¹, обращенных к Щуцкому, она подчеркивает исключительно духовную и интеллектуальную связь их союза².

В отличие от Волошина, который намеренно использовал талант Васильевой к преобразению, к созданию нового образа в качестве экспериментальной площадки для своих мифотворческих теорий, Щуцкий подтолкнул ее к мистификации по причинам более личным: его беспокоило внутреннее состояние своего друга. В апреле 1927 г. за антропософскую деятельность Васильева была выслана в Ташкент на три года. Измученная болезнью, она начала осознавать, что в Петроград больше не вернется. «Я думаю, что это – последние годы моей жизни. <...> Здесь мне очень холодно и одиноко...», – пишет она Волошину [1, с. 267 – 268]. Образ ссыльного поэта, заимствованный Щуцким из китайской стихотворной традиции, был близок Васильевой как никакой другой.

Обращение к восточной поэзии не было новым явлением в русской литературе: еще А. Фет в 1856 г. опубликовал ряд своих переводов с китайского в «Отечественных записках» [11, с. 350]³. В 1896 г. вышла антология «Китай и Япония в их поэзии» [8], в 1914 – «Свирель Китая» [6]. В 1918 г. Николай Гумилев издает свой «Фарфоровый павильон» [4]. Кроме того Васильева была хорошо знакома с вышедшей в 1923 г. «Антологией китайской лирики (VII – IX вв.)» в переводах Ю. Щуцкого. Сборник включил лучшие произведения эпохи Тан на традиционные для Китая литературные темы в образцовом переводе и, конечно, послужил для Васильевой своего рода учебником. Эту книгу она отправила М. Волошину.

Имя поэта Ли Сян Цзы (в переводе с китайского – «философ грушевого флигеля») придумал Щуцкий. Грушевое дерево действительно росло на террасе флигеля, где жила поэтесса. Но Щуцкий скрыл, что в названии «Домик под грушевым деревом» заложен и

другой смысл: еще со времен становления театрального искусства в Китае (VIII – IV вв. до н.э.) при дворе танского императора Сюань-цзуна существовала «театрально-танцевально-музыкальная академия», которая носила название: «Ли юань» – «Грушевый сад», а ее учащиеся назывались «Ли-юань ди цзы» – «воспитанники Грушевого сада». Название «Грушевый сад» являлось синонимом искусства [1].

История Ли Сян Цзы также напоминает о другом человеке, широко известном в китайской культуре, философии и литературе, – Лао Цзы и о его трактате «Дао де Цзин», согласно концепции которого отшельничество являлось лучшим лекарством для души и подоплекой к творчеству. Таким образом, цикл, представленный читателю, весьма традиционен для китайской поэзии: лирический герой, сосланный на чужбину, живет в полном уединении и пытается обрести «горечь изгнания» в «радость песни»⁴.

Однако позже Васильева признает, что написанные ею произведения «внутри вовсе не китайские, кроме 3 – 4 образов» [12, с. 42]. В стихах были заложены мысли и отражены идеалы, совершенно не свойственные восточному человеку.

Как и в мистификации с Черубиной де Габриак, Дмитриевой было необходимо руководство к действию, поэтому Юлиан Щуцкий написал предисловие, без которого стихи, следовавшие за ним, будут бесполезны для чтения. На авторстве Щуцкого относительно предисловия настаивает дочь В.М. Алексеева В.М. Баньковская, хорошо знакомая и с Щуцким, и с Васильевой. Она же отмечает в предисловии и отсылки к мотивам лирики Черубины де Габриак: «Голос Юлиана слышен в первых же строках предисловия: «В 1927 году от Р.Х., когда Юпитер стоял высоко в небе, Ли Сян-цзы за веру в бессмертие человеческого духа был выслан с Севера в эту восточную страну, в город камня». Через несколько строк – цитата из Чжу-ан-цзы, конечно, в переводе Щуцкого: «Поэт сказал: «Всякая вещь, исторгнутая из состояния покоя, звучит». И голос Ли Сян-цзы тоже зазвучал». Афоризм Чжуан-цзы взят из его «Притчи о флейтах» – голосах земли, что так близко и стихам Черубины [2, с. 240].

Первое же стихотворение Васильевой из нового цикла явилось зеркальным отражением предисловия:

На столе синий зеленый букет / Перьев павлиньих... / Может, я останусь на много, много лет / Здесь в пустыне... / «Если ты наступил на иней, / Значит, близок и крепкий лед». / Что должно придти, то придет [12, с. 187].

Аллегорически отраженное в метафоре «букет перьев павлиньих» творчество поэтессы вечно, ведь традиционно на востоке павлин символизировал бессмертие. Однако навсегда оно будет связано с темой изгнания. Образ пустыни во второй строфе неизбежно наталкивает на Ташкент – «страну камня». Пус-

¹ Подробнее см.: Грякалова, Н.Ю. Стихотворения Е.И. Васильевой, посвященные Ю. К. Щуцкому / Н.Ю. Грякалова // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 200 – 205.

² В стихотворении «Туман непроглядный и серый» последние строфы гласят: «Звезды нашей имя – Меркурий / С тех пор, как мы вместе с тобой» [12, с. 167]).

³ Правда, на самом деле это был перевод перевода с немецкого языка [5].

⁴ В предисловии к сборнику читаем: «Вода течет сама собой, и человек сам творит свою судьбу: горечь изгнания обратилась в радость песни». Эта строфа явно отсылает читателя к философии Лао Цзы – даосизму и его основным постулатам.

тыня холодна и полна льда, потому что Васильева описывает внутреннее состояние, омраченное расставанием с домом. В китайской традиции «чужбиной» называлась не только другая страна, но и другая область страны¹.

Завершает стихотворение цитата из китайской классической «Книги перемен». В дословном переводе Ю. Щуцкий сформулировал ее следующим образом: «Пусть в том, что уже выпал иней, еще не заметен будущий мороз, но если иней выпал, то, значит, недалеко то время, в котором холод и тьма проявятся уже в полной мере» [13, с. 285].

М. В. Баньковская подчеркивает, что в переводах-исследованиях Щуцкого, в том числе и «И цзина», присутствовал и голос Дмитриевой: «Они читали вместе, долго и много. <...> Оба – и Личиша, и Юлиан – имели способность интуиции, и совместные их размышления давали им столь многое в самом постижении глубочайших вопросов бытия» [2, с. 241].

Образ инея, который вводит Васильева, в китайской классической литературе ассоциировался с темой старости, поздней осени и жизненных невзгод. Однако поэтесса видит в нем и подтверждение гармонии, которая существует в устройстве вселенной. Изменения, происходящие по законам природы, учат смирению и помогают обрести мудрость и стойкость.

Последняя строчка «Что должно придти, то придет» явно перекликается со строкой предисловия: «Вода течет сама собой, и человек сам творит свою судьбу», указывая на неумолимость течения жизни, свидетельствуя о готовности покориться, встретить невзгоды без волнений. Васильевой, как человеку христианской веры, смирение и непротивление должны принести радость, и она проводит эту мысль сквозь весь сборник.

Более характерен для западной традиции и образ сияющего Юпитера, который появляется в предисловии и во втором стихотворении цикла «На балконе под грушей»². В римской мифологии Юпитер изображали в виде знака, в котором сочетались полумесяц, располагающийся в виде арки, и крест. Существовало поверье, что прохождение через арку – это некий обряд очищения, который ведет к новому рождению после «полного отказа от своей старой природы» [10]. Возможно, имелось в виду полное освобождение и отказ от лирической маски Черубины де Габриак.

Значимая и традиционная для китайской лирики тема чужбины также получает у Е. Васильевой новое развитие. Еще с момента создания образа Черубины де Габриак тема одиночества и чужого сердцу про-

странства стала основной в ее творчестве, сопровождаясь мотивом гордости, непокорности и желания сопротивляться судьбе³.

Для Ли Сян Цзы чужбина становится местом, где он скоро найдет свое последнее пристанище, упокоится навсегда. Его небольшой домик, который одиноко стоит в пустыне, напоминает усыпальницы, которые традиционно строились на востоке там, где никто не живет. Сравнивая пустыню с рекой, а песок со слезами⁴, Васильева, возможно, намекает на то, что скоро она посетит «Желтый источник» – загробный мир. Образ пустыни – желтой земли, которая на китайском языке является образным синонимом могильного холма, также склоняет к этому утверждению. Однако подобные ассоциации вовсе не были характерны для создания образа чужбины в архаической поэзии Китая, ведь там отъезд в другую страну или область был неизбежен⁵, однако не был сопряжен со скорой смертью и сопровождался, в основном, глубокой тоской по родине. У Ли Сян Цзы она тоже есть (например, «О, почему вернуться мне нельзя / Туда, домой, куда ушел ты...» [12, с. 191], «И птиц я слежу перелет:/ То тянутся гуси на север⁶. / Дрожит мой опущенный веер» [12, с. 189]), однако она делает эту тему глубже, соединяя с западными традициями и реалиями: смерть в ссылке, в чужой стороне более характерна для европейской и русской литературы.

В своей мистификации Васильева проникает в мир восточного человека, но при этом во многом остается верна образам и духовным традициям своей родины. Китайский поэт верит в концепцию перерождения, всегда спокоен и тверд, и это импонировало поэтессе на склоне лет.

И все же избранный новый образ в полной мере ей – человеку запада – близок не был. Перед лицом подступающей смерти она не может не думать о том, что вскоре ей нужно будет ответить за содеянное на земле, покаяться, и поэтому в ее последнем цикле постоянно сквозит напряжение, появляются образы всадников и горящего пламени, а также пророческие мотивы, отраженные, например, в стихах «Тень героя», «Чинары Александра».

Квинтэссенцией новой жизненной философии поэтессы, произведением, объединившим восточные и западные традиции, становится последнее стихотворение цикла «Человек»:

Ему нет имени на небе. / А на земле, куда пришел, / Приняв, как дар, позорный жребий, / Он оправданья не нашел. / Здесь каждый встречный горд и

³ См., например, стихотворения: «С моею царственной мечтой...», «Золушка», «Я в истомляющей ссылке», «Река» и др. // Черубина де Габриак. Исповедь. – М., 1998.

⁴ «Меж нами, как река – пустыня / А слезы как песок» [12, с. 189].

⁵ На это указывает Китаевед В.М. Алексеев, говоря о том, что в Китае считалось целесообразным для пользы служения отправлять человека из семьи в другую область. [5, с. 132].

⁶ Традиционно север обозначал дом, отъезд на чужбину – отъезд на юг.

¹ Это подчеркивает Китаевед В.М. Алексеев. В силу разных обычаев, климата, а главное – наречий, высланный даже в другую область Китаец ощущал себя на словно на чужбине [5, с. 132].

² Покрыто сердце пылью страха. / Оно, как серые листья... / Но подожди до темноты: / Взметнется в небо фуга Баха, — / Очнешься и увидишь ты, / Что это он весь страх твой вытер / И наверху зажег Юпитер. [12, с. 188].

зол. / Мой брат, ищи его внутри./ Не забывай Его – горы [12, с. 194].

Для Васильевой было важно объединить внутренний поиск истины, ответов на вечные вопросы бытия с неким активным внешним выражением своего «я». Человек – это тот, кто всегда совершенствуется духовно, даже в условиях изгнания, и тот, кто по-христиански готов поделиться накопленным (в данном случае знаниями, опытом), не обращая внимания на злость и ожесточение в ответ. «Домик под грушевым деревом» был создан, чтобы исследовать столь важную для Васильевой тему человеческой сущности, объединив восточные и западные идеалы человека.

Спустя тринадцать месяцев после создания китайского цикла поэтесса скончалась. Одно из стихотворений цикла, она назвала «Огонь под пеплом». Думается, это лучшая характеристика состояния души автора «Домика под грушевым деревом».

Литература

1. *Агеева, Л.И.* Неразгаданная Черубина: Документальное повествование / Л.И. Агеева. – М., 2006.
2. *Баньковская, М.В.* К воспитанию души моей / М.В. Баньковская // Дальнее эхо: Антология китайской лирики (VII – IX вв.) / пер. Ю.К. Щуцкого; под ред. В.М. Алексева. – СПб., 2000.
3. *Грякалова, Н.Ю.* Стихотворения Е.И. Васильевой, посвященные Ю.К. Щуцкому / Н.Ю. Грякалова // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 200 – 205.
4. *Гумилев, Н.С.* Фарфоровый павильон: Китайские стихи / Н.С. Гумилев. – СПб., 1918.
5. Дальнее эхо: Антология китайской лирики (VII – IX вв.) / пер. Ю.К. Щуцкого; под ред. В.М. Алексева. – СПб., 2000.
6. *Егорьев, В.* Свирель Китая / В. Егорьев, В. Марков. – СПб., 1914.
7. Институт русской литературы (ИРЛИ). – Ф. 562. – Оп. 3. – Ед. хр. 320. – Л. 1.
8. Китай и Япония в их поэзии / сер. «Маленькая антология № 1». – СПб., 1896.
9. *Ланда, М.* Миф и судьба / М. Ланда // Исповедь / Черубина де Габриак; сост. В.П. Купченко. – М., 1998.
10. *Листопад, А.В.* Творчество Е.И. Дмитриевой: особенности художественного мира и своеобразие духовного поиска: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Листопад. – М., 2008.
11. Отечественные записки. – 1856. – Т. 106. – № 6. – Отд. 1.
12. *Черубина де Габриак.* Исповедь / Черубина де Габриак; сост. В.П. Купченко. – М., 1998.
13. *Щуцкий, Ю.К.* Китайская классическая книга перемен / Ю. К. Щуцкий. – М., 1993.

УДК 371.214.46

Д.В. Баяндин

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА ПРИ ОБУЧЕНИИ ФИЗИКЕ НА НЕФИЗИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЯХ ВУЗА В УСЛОВИЯХ ФГОС-3

Стандарты ВПО третьего поколения стимулируют преподавателя строить новые модели реализации учебных курсов и искать дополнительные инструменты, которые позволят избежать снижения качества обучения ценой его интенсификации. Рассматриваются особенности организации занятий и применяемой методики, а также элементы технологии индивидуализированного обучения физике с применением системы интерактивной компьютерной поддержки. Первые результаты дают основания для умеренного оптимизма.

Самостоятельная работа, индивидуализация обучения, информационно-образовательная среда, компьютерные модели, интерактивные тренажеры.

The third generation's educational standards encourage teachers to build new models of training courses and search for additional tools that will help to avoid reducing the quality of education at the cost of its intensification. The article considers the features of organizing classes and the methods used, as well as the elements of individualized technology of teaching physics by means of an interactive computer support system. The first results afford ground for moderate optimism.

Self-guided work, individualization of training, communicative and educational environment, computer models, interactive simulators.

Уменьшение объема аудиторных часов, выделяемых в рамках ФГОС-3 для изучения фундаментальных дисциплин, во избежание снижения качества обучения должно быть компенсировано интенсификацией всех форм аудиторной работы и повышением эффективности внеаудиторной работы. В частности, важно найти и построить в учебный процесс новые инструменты организации самостоятельной работы студентов [9], на которую стандарты делают особую ставку. Одним из видов этих инструментов, безусловно, являются компьютерные средства поддержки обучения, способные существенно изменить структуру и возможности информационно-образовательной среды школы и вуза.

Научно-методическая периодика содержит большое число публикаций, описывающих возможности компьютерных технологий для повышения наглядности при сопровождении лекций, организации виртуального или компьютеризованного лабораторного практикума, локального или дистанционного контроля знаний, например, [2] – [6], [8]. При этом практически отсутствуют работы, в которых анализируется эффективность диалоговых компьютерных систем в плане интенсификации процесса формирования представлений, усвоения приемов решения задач и отработки соответствующих умений и навыков в индивидуальном режиме применительно к учебным курсам значительного объема. Причина в том, что электронных учебных пособий, систематически охватывающих интерактивными заданиями, например, курс физики, крайне мало. Это видно, например, из работы [7], посвященной описанию подобных систем и анализу их состава. Между тем, в условиях, когда

вузовский курс физики может составлять для нефизических специальностей всего 324 часа (9 зачетных единиц), из которых более половины приходится на самостоятельную работу и экзамен(ы), любые средства интенсификации учебного процесса и методика их применения крайне важны.

Эксперимент, направленный на обновление форм организации занятий и методики их проведения с применением технологии индивидуализированных компьютерных тренингов, проводится автором в Пермском педуниверситете со студентами, обучающимися по профилю «Информационные технологии в образовании» направления подготовки 230400.62 «Информационные системы и технологии». Для компьютерной поддержки используется обучающая среда «Интер@ктивная физика», разработанная пермским Институтом инновационных технологий (<http://stratum.ac.ru>) при участии автора. Среда содержит около полутора тысяч виртуальных учебных объектов (ВУО), в том числе комплекс интерактивных тренажеров, предназначенных для формирования знаний, отработки умений и навыков, необходимых при решении задач, работе с приборами и оборудованием (см., например, [1]). Важно отметить, что задания тренажеров предполагают не выбор ответа(ов) из ряда предложенных или ввод числа (слова), а выполнение выверенной последовательности действий, которые обеспечиваются развитым манипуляционно-графическим интерфейсом и направляются при необходимости реакциями (подсказками) экспертной системы.

Согласно базовому учебному плану, изучение курса физики происходит в течение трех семестров.

На лекционные и практические занятия в сумме выделено 50 аудиторных часов в первом семестре, 42 – во втором, 30 – в третьем; 28 часов лабораторного практикума полностью вынесены в заключительный семестр. Объем самостоятельной работы составляет по семестрам 58, 53 и 27 часов, т.е. в первых семестрах превышает объем аудиторной.

В нашем случае освоение курса физики осложнялось тем, что:

1) в соответствии с требованиями вуза студенты сдавали экзамен ЕГЭ по информатике, а не по физике;

2) всеми, за исключением двух человек, физика изучалась в школе в объеме 1 – 2 часов в неделю.

Результат: исходный уровень знаний по физике низкий, в то время как по информатике – хороший. Поэтому параллельно с изложением вузовского курса физики нужно было решать задачу реабилитации школьной базы. Учитывая довольно высокий интеллектуальный потенциал студентов и специфику профиля вузовской подготовки, в такой ситуации логично максимально использовать возможности компьютерных обучающих технологий.

В ходе лекций использовались ВУО предметно-информационного компонента среды «Интер@ктивная физика» – модели, анимации, видеозаписи экспериментов. Что же касается предметно-процедурного компонента – интерактивных задач, репетиторов и тренажеров, – было принято решение использовать его, в основном, в счет часов самостоятельной работы. Комплекс тренажеров поддерживает ведение электронного журнала, в котором фиксируются дата, время и продолжительность работы с тренажером, успешность выполнения каждого отдельного задания и обобщающего их теста. Система мониторинга позволяет отслеживать работу студентов и в удаленном доступе, в том числе с домашнего компьютера. Но для наблюдения за ходом тренингов, анализа его результатов и оценки эффективности работы обучающая среда была установлена в локальной сети кафедры. Студенты и преподаватель встречались в компьютерном классе в оговоренное время, что не вполне укладывается в общепринятые представления о самостоятельной работе студентов (свобода выбора места и времени занятий – или игнорирование этих занятий). Однако отметим, что возможность для студентов в ходе тренингов обмениваться своими соображениями и консультироваться с преподавателем весьма продуктивна не только с точки зрения формального результата (решил больше и лучше), но и с точки зрения психологического комфорта и формирования мотивации, поскольку появляются дополнительные игровой и состязательный мотивы.

В компьютерном классе студенты могли работать также в индивидуальном режиме с моделями и анимациями, использовавшимися на лекциях и практических занятиях. Вдобавок они получали подготовленные в MsWord файлы, содержащие визуальный ряд лекций (скриншоты работы моделей и анимаций, при необходимости пошаговые, сложные чертежи),

формулировки определений и законов. Такие файлы не заменяют традиционный конспект, а дополняют его, в основном, материалом, который перенести с экрана в конспект невозможно или затруднительно. В результате при домашней работе становится возможной актуализация визуального ряда с занятий, формируется своеобразный опорный конспект.

Решение задач на практических занятиях, как правило, выполнялось традиционно, на доске. Интерактивные возможности компьютерных заданий представляется более целесообразным использовать в индивидуальном режиме. Однако в ряде тем при освоении стандартных приемов решения задач продуктивным может быть режим «мозгового штурма», когда вся группа помогает студенту, работающему у экрана. Для домашнего решения каждый студент получал индивидуальный вариант традиционных задач (за три семестра 10 модулей по 10 задач в каждом); проводились тематические контрольные работы (в трех семестрах – 5, 4 и 3 работы соответственно).

Перейдем к описанию комплекса интерактивных тренажеров, призванного помочь преподавателю в реализации деятельностного подхода и связанного с использованием этого комплекса эксперимента.

Деятельностный компонент традиционного курса физики – это операции с текстово-графической информацией, решение задач, лабораторный практикум. Но в условиях реального учебного процесса преподаватель не в состоянии детально отследить каждый шаг каждого студента при аудиторном и домашнем решении задач или при выполнении лабораторных работ, чтобы оценить правильность действий и их самостоятельность. В результате мотивированный студент учится добросовестно, немотивированный же практически всегда имеет возможность лишь имитировать учение. Мы полагаем, что продуманное использование современных компьютерных технологий, с одной стороны, способствует повышению мотивации студентов, а с другой – побуждает их не имитировать учебную деятельность, а реально осуществлять ее.

Комплекс содержит более 100 тренажеров по всем разделам курса физики; в среднем тренажер включает 10 интерактивных заданий, как правило, многовариантных (в ходе тренинга решается несколько вариантов) или многошаговых. Большинство тренажеров завершаются обобщающим тестом, состоящим из тех же заданий, но в одном случайно выбранном (сгенерированном) варианте.

Обычно тренажер представляет собой последовательность тематически связанных, обладающих содержательной преемственностью, шаг за шагом усложняющихся задач. Выполняя их, обучаемый вынужден последовательно и самостоятельно разбирает ключевые ситуации для некоторого класса задач. Системность рассмотрения вкупе с целенаправленностью и осмысленностью манипуляций графическими и текстовыми объектами обеспечивают усвоение и фиксацию действий, связанных с ними знаний, умений и навыков, в результате чего в сознании обучаемого складывается устойчивая и ассоциативно связанная совокупность

представлений и операциональных компетентностей по изучаемой теме.

Экспертная система осуществляет пооперационный контроль действий обучаемого, генерируя контекстные реакции на ошибки, что обеспечивает индивидуализацию траектории обучения. Если система подсказок полна и методически продуманна, она гарантированно дает реальный обучающий эффект: кто быстрее, кто медленнее, студенты приходят к финишу тренажера с различным, но ненулевым уровнем освоения учебного материала, со сформированными в определенной мере знаниями, умениями и навыками. При этом для преподавателя существенно снижаются объемы рутинной работы – многократных детальных объяснений и контроля освоения каждого элемента.

При решении на компьютере интерактивных задач, при тренаже необходимых для этого умений и навыков в соответствии с учением об интериоризации алгоритм действий, «проходя через руки», легче усваивается мозгом. Компьютерная среда регламентирует на этапе тренажа необходимые шаги (дает ориентировочную основу действий), позволяет последовательно рассмотреть ключевые ситуации, пройдя их с постепенным повышением сложности заданий, оценивает правильность действий в измененных и нестандартных ситуациях, обеспечивает при необходимости возможность возврата к типовым ситуациям, реализуя цикличность процесса учения, осуществляет детальный контроль, проводит статистическую обработку результатов и отслеживает динамику развития обучаемого.

Использование такой среды обучения позволяет автоматически определять объем занятий, необходимый для каждого студента: он должен усвоить материал ценой, соответствующей его способностям и исходному уровню подготовки, путем прохождения индивидуальной траектории обучения. Отметим, что если в процессе учения обеспечено последовательное и постепенное нарастание уровня сложности, то относительно большой объем работы воспринимается легче и усваивается быстрее и надежнее, чем при выполнении немногих разрозненных заданий, содержание которых не складывается в мозгу обучаемого в систему.

Создание «интеллектуальной» обучающей системы с описанными свойствами возможно на основе технологий математического и компьютерного моделирования. Современные интерактивные задания (задачи, репетиторы, тренажеры) являются самым сложным по своему внутреннему устройству видом виртуальных учебных объектов. Они, во-первых, содержат математическую модель некоторой сущности в пределах предметной области, во-вторых, обеспечивают возможность достижения пользователем поставленной цели путем перемещения объектов, манипуляций с инструментами, графических построений и других действий; в-третьих, благодаря наличию в своей структуре экспертной системы способны распознавать по действиям пользователя логику процесса решения и оценивать его правильность.

Манипуляционно-графический интерфейс позволяет подавать на модель управляющие воздействия, оперировать изображениями объектов, фрагментами текста; строить отрезки, векторы, ломаные, окружности, углы, графики функций; измерять расстояния, углы, делать все то, что обычно делается при решении задач в тетради, – при постоянном контроле этих действий экспертной системой. Это дает возможность ставить задания на установление соответствия между текстовыми или графическими объектами, на составление фраз (определений, формулировок законов) из предложенных фрагментов; строить картины действующих на тела сил как на качественном (какие и как направлены), так и на количественном (каковы их величины) уровне, картины электрических и магнитных полей (например, проводить их расчет на основе принципа суперпозиции); строить разнообразные графики зависимостей характеристик от параметров задачи; производить сборку уравнений из фрагментов формул и знаков математических действий и т.д. Можно поставить задачу исследования того или иного эффекта на интерактивной модели с представлением результата в виде числа, графика, фразы для оценки экспертной системой.

Описанный комплекс использовался в режимах как тренинга, так и обобщающего теста по заданиям тренажера. Среда обучения содержит также тесты в общепринятом понимании: тесты самопроверки (множественный ответ, задания на соответствие), контрольные тесты (выбор единственного ответа, ввод числа или слова).

Эксперимент показал, что применение интерактивных тренажеров дает положительный эффект. Отработавшиеся операции, приемы решения, типы задач, входивших в состав использованных тренажеров, в целом оказываются освоенными лучше, чем те, что объяснялись только на доске. Это видно из того, насколько успешно студенты справлялись с задачами для самостоятельного домашнего решения, задачами контрольных работ и тестами. Отчасти результат объясняется большим временем, затраченным на освоение этих операций, приемов и типов задач, но в значительной степени – персональными направляющими реакциями экспертных систем, контекстно-разъясняющим характером подсказок, устраняющих недопонимание материала на индивидуальном уровне. Мы полагаем также, что индивидуальные компьютерные тренинги способствуют более надежному и долговременному усвоению материала и более осмысленному выполнению операций.

В то же время обнаружен ряд сложностей, требующих учета при реализации методики.

1. Обучаемые поначалу склонны игнорировать тексты общих встроенных пояснений к заданиям (кнопка Помощь) и тексты реакций экспертной системы на ошибочные действия, надеясь получить правильный ответ путем перебора конфигураций. Однако, как правило, интерфейс заданий допускает очень большое число конфигураций, и потому такая «тактика» бесперспективна. К тому же в рамках задания обычно предлагается решить несколько его вариантов подряд. Поэтому легче один раз разобраться в

логике решения, чем 3 – 4 раза пробираться наугад. Это приходится неоднократно объяснять обучаемым, обращать их внимание на описанную коллизию, когда, обнаружив неуспех «тактики угадывания», они начинают нервничать. Разъяснительная работа легко проводится, если преподаватель и студенты находятся в одной аудитории, но затруднена в удаленном режиме.

2. Обнаружена проблема «порогового уровня» знания материала, которое требуется для успешной работы с тренажерами. Изначально они предназначались для подготовки старшеклассников к ЕГЭ, так что предполагалось наличие ненулевых начальных знаний и сформированной мотивации. В ходе эксперимента выяснилось, что низкий входной уровень даже после объяснения решения задач на доске не всегда позволяет успешно работать с тренажерами. Был сделан вывод о желательности введения дополнительных блоков объяснений внутри тренажеров. Предполагается включить в их состав озвученные видеоролики, выполненные путем захвата изображения с монитора (например, в пакете Camtasia Studio). Ролики должны демонстрировать как технологию работы с объектами на экране, так и приемы и алгоритмы решения задач, показывать, как решается один из вариантов задания, чтобы остальные варианты обучаемый решил «по образцу».

3. На студенческой аудитории подтвержден описанный в [1] эффект «проблемы переноса» знаний, умений и навыков – с доски и тетради на экран монитора и обратно с экрана в тетрадь. Для значительной части обучаемых действия, выполняемые на доске и в тетради, не всегда воспринимаются как эквивалент действий на экране компьютера. В результате задача, успешно решавшаяся в ходе тренингов, может остаться нерешенной на контрольной работе. Ситуационные различия нивелируются дополнительными тренировками. Такие «переносы» полезны, они представляют собой одну из форм «решения задачи в измененной ситуации».

4. Знания, умения и навыки, сформированные в ходе тренингов, как и при традиционном обучении, утрачиваются со временем. Для закрепления результатов требуются цикличность тренингов, возврат к изученному материалу, его повторение перед сдачей зачетов и экзаменов. Соответственно, компьютерная среда содержит большое количество вариантов заданий, отличающихся по компоновке и форме представления материала при схожем содержании. Их использование требует значительных затрат времени со стороны обучаемых.

5. Приходится констатировать, что если в школе не были вовремя сформированы необходимые навыки, прежде всего, элементы математической культуры, которые должны закладываться в младших и средних классах, то наверстывание упущенного требует от студентов серьезных усилий, причем не меньших, а больших, чем от семи- – восьмиклассников.

В целом, по нашему мнению, возможности использования интерактивных тренингов для организации самостоятельной работы студентов заслуживают пристального внимания.

Литература

1. *Баяндин, Д.В.* Интерактивные компьютерные тренажеры в школьном курсе физики / Д.В. Баяндин, Н.Н. Медведова, Н.К. Ханнанов // Физика в школе. – 2006. – № 4. – С. 3 – 10.
2. *Гилярова, Н.М.* Ключевая роль презентации в лекционном курсе физики / Н.М. Гилярова // Физическое образование в вузах. – 2012. – Т. 18. – № 2. – С. 45 – 53.
3. *Калачев, Н.В.* Проблемно-ориентированные физические практикумы в техническом университете. Опыт применения / Н.В. Калачев // Физическое образование в вузах. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 17 – 23.
4. *Матвеев, О.П.* Использование компьютеризированной установки для проведения учебного исследования по оптике / О.П. Матвеев, Е.Э. Фискинд // Физическое образование в вузах. – 2011. – Т. 17. – № 2. – С. 90 – 96.
5. *Назаров, А.И.* Возможности программной среды Moodle в реализации принципа модульного обучения / А.И. Назаров // Физическое образование в вузах. – 2011. – Т. 17. – № 4. – С. 86 – 91.
6. *Третьякова, О.Н.* Применение элементов дистанционного обучения в системе дифференцированного обучения студентов технических вузов / О.Н. Третьякова // Физическое образование в вузах. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 105 – 115.
7. *Ханнанов, Н.К.* Сравнительный анализ электронных изданий для подготовки к ЕГЭ по физике / Н.К. Ханнанов, Н.В. Варламов, К.Г. Чайковский // Физика в школе. – 2013. – № 1. – С. 8 – 11.
8. *Чирцов, А.С.* Новые варианты использования информационных и мультимедийных технологий для реализации непрерывного высшего профессионального образования / [А.С. Чирцов и др.] // Физическое образование в вузах. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 109 – 125.
9. *Яковлева, Е.В.* Применение логических методов при формировании самообразовательной деятельности студентов / Е.М. Яковлева, Т.Г. Макусева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 134 – 137.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ШКОЛ ГОРОДА И ЧГУ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ
Г. ЧЕРЕПОВЦА**

В статье поднимается вопрос о цели, задачах безопасности жизнедеятельности как науки. Авторы доказывают, что совместная деятельность школы и университета может дать обучающимся крепкие научные знания в области обеспечения безопасности жизнедеятельности. Рассматривается теоретический и практический аспект заявленной проблемы. На основе проведенного круглого стола на базе ЧГУ и анализа полученных в результате проведенного анкетирования со слушателями круглого стола сделаны предположения и выводы о современной специфике взаимодействия школ города и кафедры техносферной безопасности в области обеспечения безопасности подрастающего поколения.

Безопасность, обучающиеся, кафедра техносферной безопасности ЧГУ.

The article raises the question about the purpose and problems of life safety as a science. The authors argue that the joint activity of the school and the University may give students solid, scientific knowledge in the field of providing life safety. The theoretical and practical aspects of the stated problems are discussed. Based on the round table held at Cherepovets state university and the analysis of the data survey of the participants of roundtable discussion the authors made conclusions about the contemporary specifics of interaction between the schools of the city and the department of technosphere security in providing the safety of the younger generation.

Security, students, department of technosphere security of Cherepovets state university.

Современное общество несет огромные потери от несчастных случаев в быту, на производстве, в социальной сфере, аварий, стихийных бедствий и катастроф. Во всем мире все больше внимания уделяется основам безопасности человека: изучаются итоги разных видов трудовой и производственной деятельности, анализируются проблемы безопасности на производстве, охраны окружающей среды, раскрываются теоретические и практические вопросы защиты от природных, техногенных, социальных угроз и опасностей, происходит стремительный поиск путей формирования у подрастающего поколения навыков и умений здорового образа жизни.

Безопасность жизнедеятельности – наука о комфортном и безопасном взаимодействии человека с техносферой, представляющая собой область научных знаний, изучающая опасности, угрожающие человеку, и способы защиты от них в любых условиях обитания человека.

В учебной дисциплине «Безопасность жизнедеятельности» соединены: тематика безопасного взаимодействия человека со средой обитания, охрана труда и вопросы защиты от негативных факторов чрезвычайных ситуаций.

Изучение вопросов безопасности жизнедеятельности необходимы обучающимся для:

- идентификации негативных воздействий среды, естественного, социального и техносферного происхождения;
- проектирования развития негативных воздействий и оценки данных последствий на человека;
- создания положительного состояния среды в зонах деятельности субъекта;
- проектирования и эксплуатации технологических процессов и объектов экономики в соответствии с законами безопасности;

- разработки мер защиты человека от опасных действий;
- обеспечения взаимодействия объектов и технических систем в чрезвычайно опасных ситуациях;
- создания защиты технического персонала и мирного населения от последствий аварий и катастроф;
- принятия мер по ликвидации применения современных средств поражения.

Обеспечение безопасности при проведении технических процессов и эксплуатации технологических систем во многом определяется решениями и действиями персонала. Работающие при этом должны:

- соблюдать правила безопасности;
- контролировать соблюдение правил безопасности работниками;
- организовывать инструктаж работников, а также учить их безопасным приемам деятельности;
- обеспечивать оптимальные условия деятельности на рабочих местах сотрудников;
- распознавать травмирующие и вредные факторы;
- обеспечивать применение и эксплуатацию средств защиты работников и среды окружения;
- осуществлять контроль условий деятельности, уровня воздействия травмирующих и вредных факторов на работающих;
- при возникновении аварий организовывать спасение людей, локализацию огня, воздействия электрического тока, химических и других опасных воздействий.

Изучение безопасности жизнедеятельности и профессиональная подготовка в этой области знаний в настоящее время в современном образовании реализуется на четырех уровнях:

1. Общеобразовательный уровень (реализуется в общеобразовательной школе и связан с изучением курса «Основы безопасности жизнедеятельности»).

2. Общепрофессиональный уровень (реализуется в колледжах, средних специальных учреждениях, высших учебных заведениях) при изучении будущими специалистами, бакалаврами всех специальностей общепрофессиональной дисциплины «Безопасность жизнедеятельности»).

3. Профессиональный уровень (реализуется при подготовке бакалавров и магистров в области безопасности жизнедеятельности по образовательным стандартам ряда направлений, например, 280700 Техносферная безопасность).

4. Уровень институтов и факультетов повышения квалификации (реализуется изучением специальных курсов по безопасности жизнедеятельности).

На всех перечисленных уровнях при преподавании дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» отмечается системный и комплексный характер многих знаний. Медицинские и биологические знания в области безопасности жизнедеятельности нужны специалистам для хорошего восприятия взаимодействия личности со средой обитания, а также выбора показателей действующего воздействия технической сферы на людей и природу. Технические знания для оценивания угроз технических систем и технологий, а также необходимых мер защиты человечества и среды обитания от угроз и опасностей, правовые и нормативные основы необходимы для реализации управленческими действиями обеспечения безопасности в промышленности, при проведении необходимых мероприятий по охране природы и при защите населения и территорий от воздействия угроз в чрезвычайных ситуациях.

Таким образом, современный этап развития общества создает необходимость особого внимания со стороны всех образовательных систем, на различных уровнях и характеризуется необходимостью выстраивания положительного взаимодействия школы с разными учреждениями, которые обеспечивают безопасность человека, охрану здоровья личности, психологическую поддержку субъекта, научную организацию безопасности человека и общества.

В данном контексте возрастает роль системы образования за подготовку обучающихся по вопросам, относящимся к области безопасности жизни и деятельности человека, становления и развития культуры безопасного поведения в социуме и выработки навыков здорового образа жизни. На наш взгляд, именно совместная деятельность средних общеобразовательных учреждений и высших учебных заведений дает необходимый фундамент крепких научных знаний в области обеспечения безопасности жизнедеятельности. Для решения данной задачи кафедрой техносферной безопасности Череповецкого государственного университета (ЧГУ) был проведен круглый стол «Безопасность жизнедеятельности – региональный аспект», в работе которого приняли участие организации: управление образования мэрии г. Череповца, центр по защите населения и территорий от

ГО и ЧС г. Череповца, ГИБДД г. Череповца, заместители директоров школ г. Череповца по воспитательной работе, учителя основ безопасности жизнедеятельности школ г. Череповца. Цель круглого стола – наметить перспективы взаимодействия средних общеобразовательных учреждений и ЧГУ.

Круглый стол состоялся на базе Череповецкого государственного университета, с докладами выступили:

1. Ермилов Владимир Витальевич – канд. техн. наук, доцент, заведующий кафедрой техносферной безопасности ЧГУ – «О направлении подготовки специалистов в области безопасности в г. Череповце».

2. Коркин Юрий Алексеевич – заместитель директора центра по защите населения и территорий от ГО и ЧС – «Характеристика г. Череповца и органов управления, уполномоченных на решение задач ГО и ЧС».

3. Кучер Виктор Михайлович – специалист 1 категории ГОУО – «Антитеррористическая защита населения г. Череповца».

4. Попова Светлана Анатольевна – представитель ГИБДД – «Дорожно-транспортная безопасность г. Череповца».

5. Кочнев Александр Олегович – канд. пед. наук, доцент кафедры техносферной безопасности ЧГУ – «Социальная безопасность подрастающего поколения г. Череповца».

После обсуждений тем круглого стола был проведено анкетирование со слушателями. Задача – обсуждение перспектив дальнейшего сотрудничества Череповецкого государственного университета и средних общеобразовательных школ г. Череповца. В результате были подведены следующие итоги:

Всего в круглом столе приняли участие 28 общеобразовательных школ города Череповца, школа-интернат 1 вида, АМТЭК, Женская гуманитарная гимназия.

За дальнейшее сотрудничество с ЧГУ высказались 26 участников круглого стола (больше 80 % участников). Ведущими направлениями в области безопасности, требующими изучения, обмена опытом и выработки путей решения, по мнению преподавателей средних общеобразовательных учреждений, являются:

- преподавание основ безопасности жизнедеятельности в условиях нового федерального государственного образовательного стандарта;
- перспективы курса развития ОБЖ в школе;
- криминогенная обстановка в г. Череповце;
- анализ статистических данных в области заболеваний по городу и мероприятий, направленных на их снижение;
- мероприятия по безопасности, проводимые на отдельных предприятиях;
- влияние Интернета на детей;
- экологическая безопасность;
- проведение конкурсов, практикумов по дисциплине ОБЖ;
- безопасность образовательного пространства;

- культура БЖД;
- терроризм;
- социальная безопасность;
- вопросы по НВП;
- детская безопасность;
- введение должности заместителя директора по безопасности в школах.

Более 60 % участников круглого стола высказались за проведение в 2013 г. региональной научно-практической конференции, посвященной проблемам безопасности жизнедеятельности на базе Череповецкого государственного университета, целью которой будет ориентировочные пути взаимодействия преподавателей безопасности жизнедеятельности по актуальным вопросам БЖД.

УДК 004.4'27

И.И. Иванова

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, профессор А.Ф. Касторнов

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРАКТИВНОЙ ДОСКИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ И ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

В данной статье автор обосновывает выбор приемов использования интерактивной доски в учебном процессе, опираясь на возрастные особенности учащихся. Рассмотрены три ступени обучения в общеобразовательной школе: I – IV классы (младшая школа), V – IX классы (средняя школа) и X – XI классы (старшая школа). Для каждого этапа приведены примеры использования интерактивной доски на различных уроках.

Интерактивная доска, возможности интерактивной доски, возрастные особенности учащихся, эффективность образовательного процесса.

The article deals with the techniques of using an interactive board in the educational process in accordance with the age characteristics of the students. Three levels of studying at comprehensive school are considered in the article: Ist-IVth grades (elementary school), Vth-IXth grades (secondary school) and Xth-XIth grades (high school). There are given the examples of using an interactive board for each stage at different lessons.

Interactive board, capabilities of an interactive board, age characteristics of students, effectiveness of educational process.

Интерактивная доска (ИД) – это сенсорный экран, подсоединенный к компьютеру, изображение с которого передает на доску проектор [2, с. 96]. В последнее время она стала неотъемлемой частью образовательного процесса, хотя новинкой ее уже не назовешь. Это устройство есть практически в любой современной школе. ИД позволяет преподнести ученикам информацию, используя широкий диапазон средств визуализации (карты, схемы, диаграммы, таблицы, фотографии и др.) и интерактивности (технология «Drag and Drop», затенение экрана, утилита множественного клонирования и др.). Ее можно использовать на любой ступени обучения и при преподавании любого предмета, что с успехом и делают педагоги образовательных учреждений. Но не все учителя задумываются о педагогической целесообразности применения интерактивной доски на своем уроке. Ведь мало просто показать на ней подготовленную или скачанную из сети Интернет презента-

цию и сделать поверх всего записи от руки, необходимо еще и понимать, для какого возрастного периода какие задания лучше предлагать, чтобы занятие проходило с наибольшей пользой.

Нужно помнить, что личностное развитие человека несет на себе печать его возрастных и индивидуальных особенностей, которые необходимо учитывать в процессе обучения и воспитания. С возрастом связан характер деятельности человека, особенности его мышления, круг его запросов, интересов, а также социальные проявления. Вместе с тем, каждому возрасту присущи свои возможности и ограничения в развитии, которые и нужно постараться учитывать при подготовке к уроку с использованием интерактивной доски.

Многие педагоги обращали внимание на необходимость глубокого изучения и правильного учета возрастных и индивидуальных особенностей детей в процессе обучения и воспитания. Эти вопросы, в ча-

стности, ставили Я.А. Коменский, Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо, а позже К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, Л.С. Выгодский и др. Возрастные особенности учащихся они рассматривали в разном контексте, но все сходилось в одном: нужно внимательно изучать ребенка, знать его особенности и опираться на них в процессе обучения и воспитания [3, с. 214]. Эти разработки нашли свое отражение в современной теории использования средств информационно-коммуникационных технологий в педагогическом процессе.

Рассмотрим подробнее возможности использования ИД на разных ступенях обучения в общеобразовательной школе: I – IV классы (младшая школа), V – IX классы (средняя школа) и X – XI классы (старшая школа).

В шестилетнем возрасте ребенка ждет первая серьезная перемена в жизни. Переход в школьный возраст связан с решительными изменениями в его деятельности, общении, отношении с другими людьми. Ведущей деятельностью становится учение, изменяется уклад жизни, появляются новые обязанности, новыми становятся и отношения ребенка с окружающими [4, с. 236]. Учителя начальных классов знают, сколько сложностей возникает с учениками этого возраста и сколько усилий нужно приложить, чтобы не только привлечь их внимание, удержать его, но и научить.

При планировании своих уроков педагогам следует помнить, что познавательная деятельность младшего школьника преимущественно проходит в процессе обучения. Восприятие младших школьников отличается неустойчивостью и неорганизованностью, но в то же время остротой и свежестью. Внимание младших школьников непроизвольно, недостаточно устойчиво, ограничено по объему. Мышление у детей начальной школы меняется от наглядно-образного к абстрактно-логическому и во взаимосвязи с их речью.

На этом этапе обучения следует весь материал к уроку оформлять ярко, красочно (например, рис. 1.), чтобы привлечь внимание ребенка, заинтересовать его. В начальной школе почти все задания на ИД воспринимаются как игра: дети с удовольствием пишут, рисуют, перетаскивают объекты, стирают, рассматривают картинки, составляют по ним рассказ (рис. 1а, 1б) и т.д. При работе с интерактивной доской особое внимание следует уделить разнообразным заданиям с использованием технологии «Drag and Drop» («Перетаски и отпусти»): сопоставить предметы (рис. 1в), выстроить в ряд, разделить на группы, найти лишнее и мн. др. Систематическое использование ИД на уроках в начальной школе (в частности технологии «Drag and Drop») позволяет развивать мелкую моторику, учит не бояться работать с интерактивной доской и отвечать перед одноклассниками.

Средний школьный возраст (от 11 – 12 до 15 лет) – переходный от детства к юности. Он совпадает с обучением в школе второй ступени (V – IX классы) и характеризуется общим подъемом жизнедеятельности и глубокой перестройкой всего организма. Восприятие подростка более целенаправленно, планомерно и организовано, чем восприятие младшего школьника. Характерная черта внимания учеников среднего школьного возраста – это специфическая избирательность.

При подготовке к урокам в среднем звене учителям следует помнить, что в подростковом возрасте происходят существенные сдвиги в мыслительной деятельности. Мышление становится более систематизированным, последовательным, зрелым. Развитие мышления происходит в неразрывной связи с изменением речи подростка. В ней заметна тенденция к правильным определениям, логическим обоснованиям, доказательным рассуждениям [1, с. 353].

Рис. 1. Примеры использования ИД в начальной школе [5]

На этом этапе основная работа с использованием ИД должна нести уже не игровой, а скорее оценочный характер (рис. 2). Для этого лучше использовать задания с последующей проверкой. Варианты оформления и использования на уроке слайда с заданием могут быть самыми разнообразными. Например, ответы можно закрасить в цвет фона, а потом в нужный момент стереть ластиком (рис. 2а) или затенить в ячейке таблицы, чтобы при проверке открыть и продемонстрировать всему классу (рис. 2б). Основным преимуществом данных заданий является то, что открывать ответы можно в любой последовательности, что очень удобно, так как ученик может не знать, как выполнить первое задание, но хорошо справиться со всеми остальными. На уроках в среднем звене общеобразовательной школы очень часто сложно предугадать ход урока, и такие задания позволяют идти навстречу ребенку, что очень важно в этом возрасте.

Еще один вид заданий, которые хорошо применять на уроках в среднем звене – это использование утилиты множественного клонирования (рис. 2в). Ученикам необходимо вставить пропущенные буквы, составить слово, произвести сравнение и т.д. В таких заданиях изюминкой является то, что ребенок не может видеть или угадать сколько раз будет использоваться тот или иной элемент, что тоже очень важно для процесса обучения в этом возрасте. Многие учителя замечают, что на уроках в V – IX классах с правильно подобранными заданиями на интерактивной доске ученики становятся более активными и заинтересованными, информация становится для них более доступной и понятной, и, как следствие, ученики становятся более нацеленными на учебу.

Для учителей старшей школы нужно помнить, что у учеников X – XI классов ярко выражено избирательное отношение к предметам. Это определяет развитие и функционирование психических процес-

сов. Восприятие в данном возрасте характеризуется целенаправленностью, внимание – произвольностью и устойчивостью, память – логическим характером. Мышление старшеклассников отмечается более высоким уровнем обобщения и абстрагирования.

Работая в старших классах, каждый учитель-предметник старается как можно быстрее выдать теоретический материал, чтобы больше времени осталось для решения задач на закрепление. За счет использования интерактивной доски в старшей школе можно увеличить темп урока, что превосходно решает эту проблему. Оптимальными приемами использования ИД, которые экономят время на уроке можно назвать «Затенение экрана» и «Порядок». В первом случае (рис. 3а) заранее подготовленный слайд нужно прикрыть шторкой («Затенение экрана»). А затем в нужный момент времени шторку сдвигать, открывая очередную порцию информации. Во втором случае (рис. 3б) слайд тоже готовится заранее, но, в отличие от предыдущего примера, информация не скрывается шторкой, а прячется за границы слайда. Для этого она просто группируется и помещается за край и по мере необходимости передвигается на нужное место. Преимуществом использования таких приемов является тот факт, что информация дается порционно, аудитория держится в постоянном внимании. Все члены образовательного процесса работают в одном темпе, заданном учителем.

В старшей школе при подготовке к контрольным, практическим работам, а также ЕГЭ очень удобно работать с дисками по предмету (рис. 3в), которые в последнее время выпускаются в большом количестве. На ИД можно демонстрировать и задания, и наглядный материал (в том числе и интерактивный), и готовые тестирующие программы. Все это позволяет изучить и отработать на уроке достаточно большой объем информации.

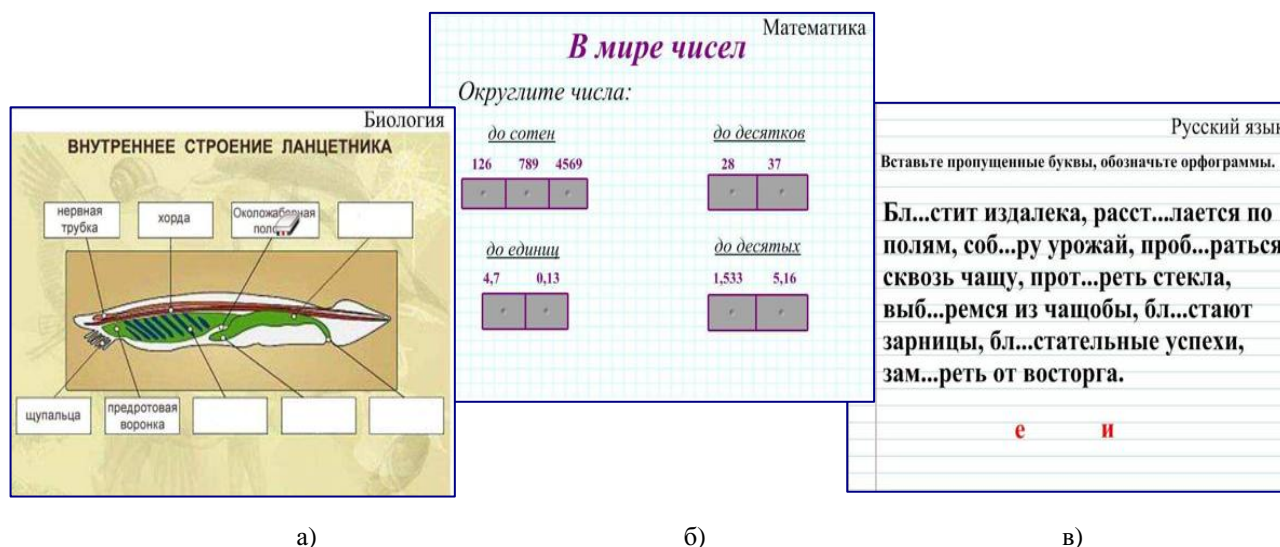

Рис. 2. Примеры использование ИД в средней школе [5]

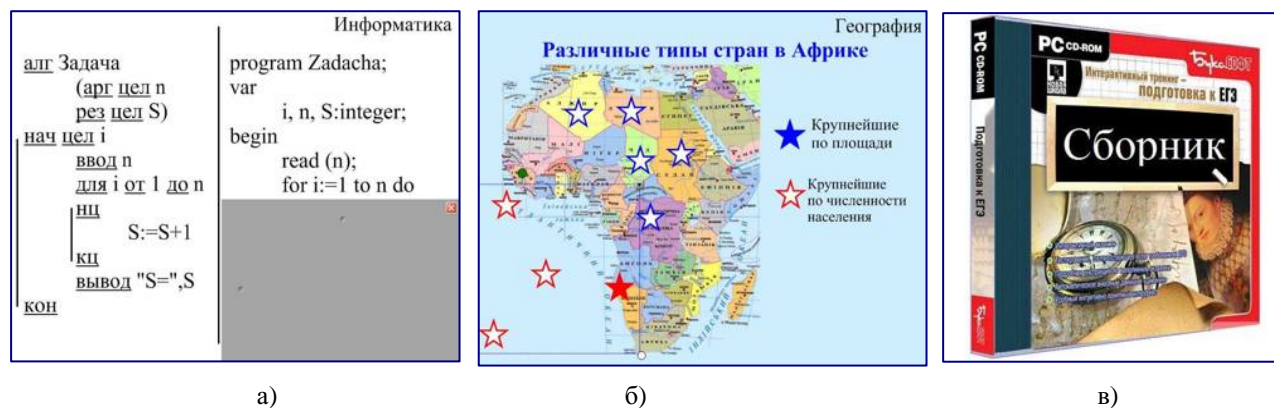

Рис. 3. Примеры использование ИД в старшей школе [5]

Еще одним плюсом в пользу использования ИД на любой ступени обучения в школе является тот факт, что все записи на интерактивной доске могут быть сохранены на компьютере и вновь открыты при повторении пройденного материала или переданы ученику, который пропустил урок по болезни.

Все мы знаем, что человек в своем развитии проходит ряд этапов, каждый из которых характеризуется своими особенностями и закономерностями. И при планировании урока с использованием ИД нужно стараться учитывать не только специфику предмета и урока, но и, по возможности, возрастные особенности ребенка, тогда и результаты будут значительно лучше. Для учеников младшей школы, например, задания на интерактивной доске лучше оформлять в яркой цветовой гамме, чтобы привлечь внимание. Использование технологии «Drag and Drop» позволяет развивать мелкую моторику, что важно для детей этого возраста. В среднем звене можно использовать такие возможности ИД как «Затенение ячейки таблицы», «Утилита множественного клонирования», инструменты рисования. Они позволяют выбрать такой ход урока, который будет наиболее приемлем для учеников 11 – 15 лет. В старшей школе использование приемов «Затенение экрана» и «Порядок» дает возможность увеличить темп урока,

что позволяет больше времени уделить на закрепление изученного материала, на отработку полученных навыков, подготовку к экзаменам. Все это надо постараться учитывать при работе с учениками любого возраста, ведь хороший педагог успешно выполняет задачи воспитания, образования, обучения, если его деятельность основана не только на знании своего предмета и владении методикой преподавания, но и на глубоком понимании возрастных особенностей учащихся.

Литература

1. Ермолаева, М.В. «Психологическая практика в системе образования» / [М.В. Ермолаева и др.]. – М. ; Воронеж, 1998.
2. Иванова, И.И. Использование интерактивной доски в образовательном учреждении / И.И. Иванова // Ученые записки. Вып. 31. – М., 2010. – С. 95 – 99.
3. Педагогика / под ред. П.И. Пидкасистого. – М., 1998.
4. Тихомирова, Л.Ф. Развитие интеллектуальных способностей школьника / Л.Ф. Тихомирова. – Ярославль, 1996.
5. Уроки SMART Notebook. – URL: [http:// exchange.smarttech.com/search.html?q=#type=%D0%A3%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B8+SMART+Notebook](http://exchange.smarttech.com/search.html?q=#type=%D0%A3%D1%80%D0%BE%D0%BA%D0%B8+SMART+Notebook)

УДК 37.013.42

В.А. Плешаков, А.О. Кочнев

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

В статье поднимается вопрос о потребностях, которые реализуются в интернет-среде киберпространства. Рассматривается теоретический и практический аспект заявленной проблемы. На основе анализа полученных в результате анкетирования студентов Череповецкого государственного университета данных сделаны предположения и выводы о современной специфике реализации потребностей в киберпространстве студентами ЧГУ.

Киберсоциализация, студенты, условия киберсоциализации, Интернет, потребность.

The article considers the requirements realized in an Internet environment of cyberspace. The theoretical and practical aspects of the stated problem are examined. Based on the analysis of the data survey of the students of Cherepovets state university the authors made conclusions about the contemporary specifics of realization of requirements in cyberspace.

Cybersocialization, students, conditions of cybersocialization, Internet, informative requirement.

Исследование проблемы познавательной активности студентов обусловлено современными социальными и экономическими реалиями: на нынешнем этапе развития нашей страны возникла необходимость во возвращении социально и профессионально активной личности, обладающей высокой компетентностью, профессиональной мобильностью, самостоятельностью, умением постоянно совершенствовать свои профессиональные знания и навыки, квалифицированно реализовываться и поддерживать дальнейший творческий рост. Сформированная познавательная активность позволяет личности актуализировать свой потенциал, моделировать профессиональное мастерство и творческое саморазвитие, строить перспективы дальнейшей профессиональной деятельности и осуществлять самообразование на протяжении всей жизни. Именно поэтому вопросы формирования познавательной активности, профессионального саморазвития личности и определения организационно-педагогических условий, в рамках которых эти процессы оказываются наиболее эффективными, приобретают свою особую актуальность.

В структуре познавательной активности как качественной характеристики личности принято выделять потребности. Познавательная потребность относится к достаточно широко изученным направлениям в психологии и педагогике. Однако, являясь предметом изучения в трудах В.А. Крутецкого, А.К. Марковой, А.М. Матюшкина, В.И. Орлова, С.Л. Рубинштейна, Ф.И. Харламова, Т.И. Шамова, Г.И. Щукиной и мн. др., в новых условиях развития общества, науки, глобальной технологизации, компьютеризации, интернетизации социума как среды жизнедеятельности и киберсоциализации людей она приобретает новое звучание, вызывает еще больший интерес.

Появляются новые технологии в учебной деятельности, повышающие уровень познавательных потребностей студентов на основе использования современных компьютерных, электронных, цифровых и интернет-технологий. Философско-методологические, дидактические и методические вопросы использования новых кибертехнологий в обучении поднимают: А.А. Андреев, М.Ю. Бухаркина, О.И. Воинова, С. Гутман, О.Ю. Заславская, Е.О. Иванова, Е.В. Коротаева, И.М. Осмоловская, В.А. Плешаков, Е.Д. Патаракин, И.А. Погодина, Е.С. Полат, И.В. Роберт, А.Ю. Уваров, А.В. Хуторской и мн. др.

Опираясь на созданную А. Маслоу пирамиду потребностей, можно выделить те из них, удовлетворение которых возможно с помощью интернет-среды киберпространства, а именно:

- физиологические потребности;
- экзистенциальные потребности;
- социальные потребности;
- престижные потребности;
- духовные потребности [1].

Заказ еды и напитков через Интернет позволяет человеку удовлетворить такие физиологические по-

требности, как голод и жажда, обращение к интернет-ресурсам эротического содержания – потребность в половом влечении. С помощью Сети также возможно приобретать одежду, предметы гигиены, лекарства и т.д. Совершая покупки подобным образом, человек значительно экономит время, имеет возможность не спеша, в домашней обстановке, ознакомиться с ассортиментом, прочитать аннотации.

Экзистенциальные потребности удовлетворяются в интернет-среде, поскольку распространенность и доступность компьютерных технологий и глобальная интернетизация современного жизненного пространства позволяют ощущать человеку комфорт и постоянство условий жизнедеятельности. Кроме того, многими исследователями неоднократно подчеркивалась безопасность для самооценки пользователей Интернета ситуации сетевого общения (киберкоммуникации) благодаря анонимности и отсутствию невербальных компонентов, которые способствуют созданию в общении возможности для «пробных действий». Предоставление собеседникам, за исключением видеочатов, значительной анонимности обуславливает большую открытость и психологический комфорт в процессе общения и обмена мнениями. В Интернете человек также может создать тот круг собеседников, в котором ему наиболее комфортно общаться.

Социальные потребности удовлетворяются пользователями Интернета, в частности, благодаря онлайн-играм, которые предполагают взаимодействие и киберкоммуникацию с другими геймерами, и социальным сетям интернет-среды, в которых возможно указывать определенную информацию о себе, находить «друзей» по интересам, осуществлять киберкоммуникацию как с людьми, знакомыми в реальной жизнедеятельности, так и с теми, с кем установлен контакт только в киберпространстве.

Следующим видом потребностей, удовлетворяемых с помощью Интернета, являются престижные потребности. С помощью Интернет-ресурсов пользователи могут знакомиться как с творчеством других людей, так и демонстрировать окружающим собственное творчество (фотографии, заметки о путешествиях, музыкальные произведения, видеоролики, стихотворения, различные поделки, шитье, вязание и т.д.), делиться своими успехами в различных областях. Все это по-настоящему способствует удовлетворению потребности в самоуважении и уважении со стороны других, одобрении и признании, достижении успеха и высокой оценки.

Интернет-среда предоставляет широкие возможности для удовлетворения духовных потребностей. В отличие от реальной жизнедеятельности, где, согласно А. Маслоу, лишь немногие могут достигнуть самоактуализации, возможности презентовать себя в интернет-среде киберпространства позволяет удовлетворять потребности в самоактуализации и самовыражении в части реализации потенциальных возможностей по развитию собственной личности: на-

пример, принимать решения, достигать поставленных целей, рисковать, брать на себя ответственность, руководить людьми и т.д.

В Интернете любой пользователь может попробовать себя в новой роли, поскольку он обладает полной свободой в управлении информацией о себе: ему ничто не мешает «изменить» пол, социальную, национальную и культурную принадлежность, область профессиональной деятельности и т.д. Кроме того, киберпространство интернет-среды предоставляет человеку новые возможности для продвижения своих идей и любимого дела.

Нас заинтересовал вопрос, а что происходит с познавательными потребностями в киберпространстве? В.С. Юркевич в своей, ставшей уже классикой, работе выделяет главные характеристики познавательной потребности [2]:

1. Познавательная потребность – это потребность в новой информации, которая может выступать в самых разных формах: в обновленном стимуле (цвет, звук, форма), в новом знании (назначение, устройство и т.д.), а также в новой системе представлений о мире (научные знания в целом).

2. Познавательная потребность – одна из немногих, которую невозможно полностью удовлетворить личностью. Она проявляется всегда либо в более сложной (разные виды познания), либо в самой простой форме.

3. Познавательная потребность независима и направлена на процесс познания. Удовольствие от самого процесса познания – это и есть особенность познавательной потребности.

4. Познавательная потребность тесно связана с положительными эмоциями. Данное обстоятельство связи познавательной потребности с положительными эмоциями важен для:

а) диагностики характера познавательной деятельности;

б) разработки необходимой стратегии и тактики развития познавательной потребности.

В.С. Юркевич выделяет две формы познавательной потребности:

1) потребность в познании может проявляться в виде употребления готовых знаний;

2) потребность в научной деятельности с целью получения инновационного знания.

Киберпространство и, непосредственно, интернет-среда, на наш взгляд, имеет огромный потенциал для реализации познавательных потребностей подрастающих поколений. В Интернете люди узнают много новой информации, тем самым проявляя свою познавательную активность к различного рода источникам информации и реализуя свою познавательную потребность. Таким образом, Интернет предоставляет своим пользователям широкие возможности для удовлетворения различных потребностей: физиологических, экзистенциальных, социальных, престижных, духовных и познавательных.

Для определения актуальной картины потребностей, удовлетворяемых посредством киберпространства студентами, нами было проведено исследование

на основе модифицированной методики «Диагностика потребностей, удовлетворяемых в интернет-среде» [1, с. 391 – 392]. Мы добавили вопросы, которые помогли бы нам определить, реализуются ли непосредственно познавательные потребности в Интернете.

В ходе исследования было протестировано 35 студентов 5 курса специальности «Социальная педагогика» Череповецкого государственного университета. Используемый нами тест-опросник содержит 6 шкал, каждая из которых соответствует группе потребностей, удовлетворяемых в интернет-среде. На каждую шкалу предлагалось по три утверждения с вариантами ответов: «Да», «Нет», «Иногда». Утверждения были сформированы на основании изученной литературы и мониторинга интернет-ресурсов.

Так, по шкале, определяющей удовлетворение с помощью Интернета физиологических потребностей, предлагалось оценить следующие утверждения:

1. Бывает, что я заказываю продукты питания через Интернет.

2. Я приобретаю одежду в интернет-магазинах, на форумах.

3. Я совершаю покупки предметов первой необходимости с помощью Интернета.

По шкале, определяющей удовлетворение с помощью Интернета экзистенциальных потребностей, испытуемые оценивали утверждения:

1. Некоторая информация, размещенная в Интернете, помогает понять, как действовать в условиях экстремальной ситуации.

2. Интернет привлекателен возможностью общаться анонимно.

3. В Интернете легче, чем в реальной жизни, избегать общения с неприятными людьми или на неприятные темы.

По шкале, определяющей удовлетворение в интернет-среде социальных потребностей, испытуемые оценивали следующие утверждения:

1. Интернет является для меня одним из средств общения.

2. Интернет дает мне возможность найти друзей по интересам.

3. В Интернете всегда найдется тот, кто меня понимает.

Для оценки удовлетворения в интернет-среде престижных потребностей испытуемые оценивали утверждения:

1. В Интернете можно найти людей, которые по достоинству оценят мои достижения (например, фотографии, рассказы, статьи, стихи, поделки и т.д.)

2. Интернет дает мне возможность донести до людей ценную информацию.

3. Интернет дает мне возможность продемонстрировать другим людям мои способности.

Для оценки удовлетворения с помощью Интернета духовных потребностей, испытуемым предлагались утверждения:

1. Интернет дает мне возможность развивать мои способности.

2. Немаловажное значение Интернета заключает-

ся для меня в том, что я имею возможность примерить на себя разные роли.

3. Интернет дает мне огромные возможности для продвижения моего любимого дела.

И, наконец, для оценки познавательных потребностей, испытуемым предлагались следующие утверждения:

1. Благодаря Интернету я узнаю много нового.

2. В Интернете я провожу время, потому что это мир знаний.

3. В Интернете можно найти интересующую информацию.

Каждое утверждение, на которое испытуемым был дан ответ «Да» получило 2 балла, «иногда» – 1 балл и «нет» – 0 баллов.

Анализируя полученные данные, мы сделали следующие выводы:

1. На первом месте у испытуемых расположились социальные и познавательные потребности, что свидетельствует о высоком уровне вхождения в социум и развития познавательной активности в киберсреде.

2. Второе место заняли духовные и престижные потребности, что указывает на то, что не всегда у испытуемых есть возможность донести до людей какую-либо ценную информацию и продемонстри-

ровать другим людям свои способности и достижения.

3. Физиологические и экзистенциальные потребности оказались на третьем месте. На наш взгляд, это объясняется тем, что у респондентов – студентов ЧГУ – нет возможности и желания заказывать продукты питания через Интернет и совершать покупки предметов первой необходимости с помощью Сети, и они прибегают к традиционным методам удовлетворения данных потребностей: посещением магазинов и торговых центров.

Таким образом, мы можем сделать вывод: интернет-среда киберпространства имеет мощный потенциал для развития развития познавательных потребностей современной молодежи, и вместе с развитием данного вида потребностей развивается и познавательная активность студентов.

Литература

1. *Плешаков, В.А.* Теория киберсоциализации человека / под общ. ред. чл.- корр. РАО, проф. А.В. Мудрика / В.А. Плешаков. – М., 2011.

2. *Юркевич, В.С.* Развитие начальных уровней познавательной потребности у школьника / В.С. Юркевич // Вопросы психологии. – 1980. – № 2. – С. 83 – 92.

УДК 37

В.Л. Сигова

СИТУАЦИЯ ВЫБОРА В УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье раскрыто содержание ситуации выбора в учебной деятельности как условие формирования креативности обучающихся. Содержание ситуации выбора непосредственно связано с типом, видом, формой, средствами и характером учебной деятельности. Активное использование разнообразных ситуаций выбора в учебной деятельности инициирует процесс формирования креативности обучающихся.

Содержание ситуации выбора, характер учебной деятельности обучающихся, классификатор ситуации выбора, креативность, креативные качества личности.

The article discloses the content of the situation of choice in educational activity as the condition of formation of students' creativity. The content of the situation of choice is directly connected with the type, mode, form, means, as well as the nature of the training activity. The active use of the various situations of choice in academic activities initiates the process of formation of students' creativity.

Content of the situation of choice, nature of the students' learning activity, the classifier of the situation of choice, creativity, creative qualities of the person.

Формирование творческих способностей обучающихся на современном этапе развития образования является одной из важнейших его задач. Традиционные способы преподавания сегодня становятся малоэффективными. Применение «пассивных», общающих методов обучения приводит к формированию пассивной личности, способной лишь к регламентированному поведению [6]. К числу методов, активизирующих и формирующих креативность студентов, относится проблемное обучение, при кото-

ром педагог, создавая проблемную ситуацию, направляет студентов на ее решение, организует самостоятельный поиск решения. С поисковой деятельностью непосредственно связана ситуация выбора в учебной деятельности, которую в нашем исследовании мы используем как одно из условий формирования креативности обучающихся.

В научной литературе под ситуацией выбора понимается совокупность обстоятельств внешнего мира и внутреннего состояния человека, на фоне кото-

рого актуализируется необходимость поиска и предпочтения одной из скрытых или явных альтернатив [3]. Возможность создания конкретного «педагогического» типа ситуации выбора обеспечивается «постановкой задач с излишними данными, которая ставит учащихся перед проблемой выбора и оценки знаний, активизируя тем самым их поисковую деятельность» [5, с. 167].

Под ситуацией выбора в учебной деятельности мы понимаем педагогическую ситуацию, содержанием которой является самостоятельный выбор обучающимися типа, вида, формы, средств и характера учебной деятельности, в результате которого происходит формирование более высокого уровня креативности обучающихся. Содержание ситуации выбора в учебной деятельности рассмотрено во всей ее совокупности, отражено в характере учебной деятельности обучающихся и непосредственно связано с типом, видом, формой и средствами реализации: выбором цели, учебного задания, поиском музыкального материала, теоретической информации, формы представления материала, партнера по ансамблю, эмоционально-выразительных средств, интерпретации и т.д.

На основе анализа значительного количества ситуаций выбора (около 250) нами создан классификатор ситуации выбора в учебной деятельности обучающихся. Классификатор представляет собой таблицу, содержащую компоненты, раскрывающие содержание ситуации выбора в учебной деятельности обучающихся. В первом столбце по вертикали обозначен характер учебной музыкально-педагогической деятельности обучающихся: целенаправленная, конструктивная, поисковая, коммуникативная, организаторская, музыкально-исполнительская. Вторым столбцом содержится перечень типов ситуации: необходимого и обязательного выбора, выбора интуитивного характера, свободного выбора. В третьем

столбце представлены виды ситуации: социальные – этический выбор, межличностный и личностный (экзистенциальный); профессиональные – выбор из предложенных альтернатив, выбор как преобразование ситуации. Четвертый столбец включает формы реализации ситуации, которые подразделяются на социальные – индивидуальные и групповые, и профессиональные – дидактические игры, театральные технологии, ролевое моделирование, тестирование, анкетирование. Пятый столбец содержит средства, используемые нами для создания ситуации выбора в учебной деятельности: курсы по выбору, составление репертуарных списков, психолого-педагогические тренинги по формированию креативных качеств, сочинения, ансамблевое музицирование, конкурс «Музыка – детям» (см. таблицу).

Выбор студентом характера учебной деятельности, типа и вида ситуации (социальной и профессиональной), формы и средств реализации ситуации напрямую между собой не связаны, но составляют единую структуру, в которой ситуация выбора является центральным звеном.

Одна из основных характеристик учебной музыкально-педагогической деятельности студентов – ее целенаправленность. Самостоятельный выбор студентом цели учебной деятельности позволяет ему получить теоретические знания о природе креативности, продиагностировать личностные креативные качества, (самодиагностика креативных качеств, обучающийся принимает участие в тестировании, заполняет анкеты), получить удовольствие от творческой деятельности, создать личный творческий продукт, получить высокий балл, научиться действовать в нестандартной ситуации и т.д. Такой выбор предполагает сформированность у обучающегося ряда креативных качеств: заинтересованность, целеустремленность, самостоятельность, готовность к выбору в нестандартной ситуации.

Таблица

Классификатор ситуаций выбора в учебной деятельности обучающихся

Содержание ситуации выбора в учебной деятельности обучающихся				
Характер учебной деятельности обучающихся	Типы	Виды	Формы	Средства
1. Целенаправленная. 2. Конструктивная. 3. Поисковая. 4. Коммуникативная. 5. Организаторская. 6. Музыкально-исполнительская	Ситуация выбора необходимого и обязательного. Ситуация выбора интуитивного характера. Ситуация свободного выбора	Социальные: 1. Этический выбор. 2. Межличностный и личностный (экзистенциальный). Профессиональные: 3. Выбор из предложенных альтернатив. 4. Выбор как преобразование ситуации	Социальные: 1. Индивидуальные. 2. Групповые профессиональные. 3. Дидактические игры. 4. Театральные технологии. 5. Ролевое моделирование. 6. Тестирование. 7. Анкетирование	1. Курсы по выбору. 2. Составление репертуарных списков. 3. Психолого-педагогические тренинги по формированию креативных качеств. 4. Сочинения. 5. Ансамблевое музицирование. 6. Конкурс «Музыка – детям»

В учебной конструктивной и поисковой (исследовательской) музыкально-педагогической деятельности студентов креативность проявляется в способности увидеть проблему, сформулировать гипотезу, проанализировать факты, причины и следствия, сделать собственные выводы [1]. По мнению Л.Г. Арчажниковой, к исследовательской деятельности можно отнести и исполнительскую деятельность, когда в результате точного прочтения авторского текста, изучения различных граней творчества композитора и самостоятельного поиска выразительных средств и приемов создается собственная интерпретация музыкального произведения [1, с. 29]. Вопросы к организации поисковой деятельности студентов могут побуждать их воспроизвести по памяти известную им информацию, к действию репродуктивного характера, стимулировать творческое мышление, в результате которого обучающиеся открывают, приобретают новые знания, умения [4]. Как показали результаты экспериментальных исследований (Н.А. Менчинская), прошлый опыт, вопреки традиционным представлениям, может выполнять не только положительную роль в процессе мышления, так как только что усвоенные способы действия выступают как доминирующие, и нередко новое задание, требующее нового способа действий, выполняется с помощью прежнего способа, т.е. совершенно неадекватно [4, с. 63].

В качестве примера приведем следующую ситуацию: предлагаемые студентам три варианта написания аннотаций на музыкальное произведение, выбранное для исполнения на конкурсе «Музыка – детям» содержат разные уровни заданий. Третий вариант, как наиболее сложный, содержит задания, которые связаны с поиском материала с использованием музыковедческой и художественной литературы. Значительное количество студентов в контрольной группе, на младших курсах освоившие первый вариант написания аннотации, включающий краткие сведения о композиторе, жанре произведения и т.д., формально подходили к работе на следующем этапе. Они ограничивались количественным объемом аннотации, сведениями информативного характера, никак не связанные с познавательно-созидательным, творческим характером поисковой деятельности. В экспериментальной группе количество таких студентов было минимально. К четвертому курсу, особенно это было заметно на «джазовой теме», практически все студенты проявили себя как музыканты-исследователи. Оригинальные, профессионально выполненные работы об эволюции блюза были представлены инструментальным дуэтом Александр Д. – Дмитрий К. (кларнет – фортепиано). В номинации конкурса «самый интеллектуальный» отличился Александр Л. (классическая гитара) с пьесой Дж. Шеринга в аранжировке С. Самоткина «Колыбельная». Замечательную работу на тему «И все это – музыка!», показала Ольга М., которая свой рассказ о «меблировочной музыке» дополнила ярким исполнением пьесы Э. Сати из цикла для фортепиано «Три гимнопедии».

В учебной организаторской и коммуникативной деятельности студентов, особенно на практике в школе, возникают уникальные ситуации, всякий раз требующие нового сочетания организационных приемов и методов работы. Для решения студентами реальных и нереальных жизненных «задач на выбор» мы считаем целесообразным их конструирование и использование в игровой форме, что позволяет студентам свободно проявлять свои творческие силы, дает возможность познавать и решать практические задачи «играючи», «освободившись» от утилитарных целей [8].

В процессе опытно-экспериментальной работы студентам 2 – 4 курсов ОДО, и 3 – 5 курсов ОЗО были предложены задачи – ситуации, которые могли бы произойти с ними на практике в школе. Вот примеры некоторых из них:

- на уроке запланирована демонстрация фильма о великом композиторе, а в школе отключили свет;
- урок посетила иностранная делегация, в составе которой нет переводчика;
- внезапно у учителя пропал голос;
- в классе произошла драка;
- на урок неожиданно пришел завуч;
- необходимо провести урок о русской духовной музыке в классе с многонациональным составом;
- неадекватное поведение одного из учеников не позволяет вести урок и т.д. (всего 30 задач).

Отмечено, что активнее включались в ситуацию студенты, которые уже побывали на практике в школе. Они предпочитали выбору из предложенных готовых альтернатив решения задачи свои варианты, в итоге преобразуя ситуацию, что указывает на сформированность таких креативных качеств личности, как: готовность к выбору в нестандартной ситуации, видение проблемы, развитость воображения, находчивость, склонность к «игре», чувство юмора.

Специфической особенностью креативного характера музыкально-педагогической деятельности будущего учителя музыки является музыкально-исполнительская, которая и составляет основу профессиональной деятельности. Музыкально-исполнительский характер учебной деятельности моделируется нами в концертной части конкурса «Музыка – детям», преимуществом которого является возможность организации для студентов дополнительной концертно-исполнительской практики в учебное время. Участвуя в конкурсе «Музыка – детям», студенты обучаются самостоятельной постановке цели учебной деятельности, основам поисковой, исследовательской деятельности, конструируют, организуют и осуществляют форму представления и передачи материала средствами интерпретации в инструментальной исполнительской деятельности. Это становится возможным благодаря конкурсной форме состязания, предоставляющей обучающимся множественность альтернатив, самостоятельность и свободу выбора, что, в свою очередь, стимулирует формирование самостоятельности, способности «перешагнуть» через привычные рамки, восприимчивости к новым идеям, наличие собственного мнения, творче-

ское отношению к учебной деятельности.

Социально-психологические условия учебной деятельности требуют, чтобы студент вел себя в соответствии с определенными требованиями, регламентирующими процесс обучения. Тип ситуации необходимого и обязательного выбора характеризуется соответствием нормам учебного процесса. Посещение лекционных «курсов по выбору», работа на семинарах, форма контроля усвоения полученных знаний – зачет – являются обязательными для студентов. Обязательным является и участие в конкурсе «Музыка – детям», который проводится в рамках учебного процесса и является отдельным модулем в балльно-рейтинговой системе оценок по дисциплинам специализации – основному музыкальному инструменту (специалитет) и музыкально-инструментальному исполнительству (бакалавриат). Внутри установленных рамок всем участникам предоставляется право свободного выбора, создающего условия, необходимые для творчества.

Тип ситуации выбора интуитивного (случайного) характера более присущ обучающимся с низким уровнем познавательной мотивации, не склонным к творческим проявлениям. Особенно это характерно для первокурсников, поступившим в вуз без музыкальной подготовки. Оказавшись в ситуации принятия решения, они ощущают психологический дискомфорт. Следовательно, ситуации выбора должны постепенно включаться в систему жизнедеятельности обучающихся, по мере развития у них субъектных способностей, умений самостоятельно определять цель и средства ее достижения, нести ответственность за полученный результат [6].

Подготовку обучающихся к действиям в условиях ситуации выбора целесообразно начинать с первого курса, посредством поэтапной реализации программно-методического обеспечения процесса формирования креативности обучающихся на основе использования ситуации выбора в учебной деятельности. На индивидуальных занятиях в процессе инструментальной подготовки, на практических занятиях по формированию креативности, связанных с игровыми формами, в конкурсе «Музыка – детям» студентам предлагаются ситуации, связанные с самостоятельным поиском и свободным выбором, что позволяет количественно и качественно изменить объем представляемых задач, разнообразить их варианты уже на начальном этапе обучения.

Подразделяя виды ситуации на социальные и профессиональные, примером ситуации этического выбора может служить выбор студентом стиля общения с разноуровневой аудиторией (в школе, с однокурсниками, с преподавателями и т.д.) В качестве примера экзистенциального выбора – психологический выбор студентом партнера по ансамблю. Как полагает В.Т. Кудрявцев, «пределным» внутренним основанием выбора может служить не «хорошее» взаимное знание людей друг о друге, не общность нравственных устоев и представлений о жизни, не «психологическая компетентность», а именно их совместный опыт в становлении и утверждении инди-

видуальности друг друга [2]. Практика показывает, что, благодаря возможности свободного выбора партнера, студенты, преобразуя ситуацию, создают новый творческий продукт, что выражается в образовании своеобразных по составу инструментальных ансамблей: баян – флейта, флейта – гитара, фортепиано – аккордеон – скрипка и т.д., а также в выборе оригинальной интерпретации музыкальных произведений. В результате обнаруживается взаимосвязь между экзистенциальным и профессиональным выборами студентов. В свободной конкурсной атмосфере, способствующей совместному музицированию, студенты активнее включаются в учебную деятельность, проявляют гибкость, способность к эмпатии, инициативу и самостоятельность. Анализируя феномен превращения задачи на выбор, в задачу на преобразование, В.Т. Кудрявцев, Е.Г. Алексеенкова, и Г.К. Уразалиева определяют его как ключевой механизм творчества. Человек, развитый в творческом и нравственном отношении, решая значимую для себя проблему, никогда не станет выбирать нечто из совокупности готовых, извне навязанных альтернатив, сложившихся независимо от него. Он выбирает какую-либо из тех, в формировании которых сам принимал участие, либо достраивает и преобразует наличные альтернативы, либо добавляет к ним новые [2]. Отмечено, что обучающиеся в экспериментальной группе активнее проявляли себя как в социальных, так и в профессиональных ситуациях, когда необходимость преобразования была главным условием успешного решения задачи.

Формы реализации ситуации выбора в нашем исследовании мы также подразделяем на социальные и профессиональные. Социальные формы могут быть как групповыми, так и индивидуальными. Групповая форма характерна для работы обучающихся в команде: дидактические игры, ролевое моделирование, ансамблевое музицирование. К индивидуальным формам реализации ситуации мы относим: тестирование, анкетирование. Средствами реализации ситуации выбора являются: курсы по выбору, составление репертуарных списков, психолого-педагогические тренинги по формированию креативных качеств, сочинения, ансамблевое музицирование, конкурс «Музыка – детям».

Полагаем, что последовательная реализация содержания ситуации выбора в учебной деятельности студентов-музыкантов, максимальное использование форм и средств ее реализации для решения студентами задач на готовность к принятию самостоятельных решений – выбору – позволят инициировать процесс формирования их креативности – интегративного качества личности, важной составляющей в профессиональной структуре будущего специалиста.

Литература

1. Арчажникова, Л.Г. Профессия – учитель музыки: кн. для учителя / Л.Г. Арчажникова. – М., 1984.
2. Кудрявцев, В.Т. Орудийность и креативность: опыт логико-психологического анализа проблемы (к критике идеи выбора) / В.Т. Кудрявцев, Е.Г. Алексеенкова, Г.К.

Уразалиева // Логика, методология, философия науки: материалы XI Международной конф. – М. ; Обнинск, 1995. – URL: <http://tovievich.ru/book/3/126/1.htm>. (дата обращения: 31.01.12)

3. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 16 – 24.

4. Матюшкин, А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А.М. Матюшкин. – М., 1972.

5. Махмутов, М.И. Проблемное обучение / М.И. Махмутов. – М., 1975.

6. Машиарова, Т.В. Моделирование учебных ситуаций в личностно-ориентированной образовательной среде: на примере учреждений сред. проф. образования / Т.В. Машиарова. – Екатеринбург, 2002.

7. Оконь, В. Основы проблемного обучения / В. Оконь. – М., 1968.

8. Сериков, В.В. Образование и личность. Теория и практика проектирования педагогических систем / В.В. Сериков. – М., 1999.

УДК 37.013.42

О.В. Тичинская

Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор Н.М. Бидюк

СОСТОЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ШКОЛЬНОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ УКРАИНЫ

В статье рассматривается состояние профессиональной подготовки специалистов в сфере школьного консультирования в высших учебных заведениях Украины. Автор раскрывает понятие «социальный педагог» и выделяет его основные функции в учебных заведениях, а также характеризует уровни профессиональной подготовки кадров для социальной сферы в настоящее время в Украине.

Профессиональная подготовка, социальный педагог, функции социального педагога, социальная сфера.

The article is devoted to the professional training of specialists in the sphere of school counseling at higher educational institutions of Ukraine. The author reveals the concept of "social teacher", distinguishes its main functions at educational institutions and characterizes the levels of professional training in the social sphere of Ukraine at the present time.

Professional training, social teacher, functions of a social teacher, social sphere.

На современном этапе развития мирового сообщества образование выступает одной из определяющих ценностей. Без образования становится невозможным развитие общества. В результате образовательного процесса человек достигает установленного в государстве образовательно-квалификационного уровня, который формируется на основе структурно-логической схемы подготовки, образовательно-профессиональной программы подготовки, учебных программ по дисциплинам т.д. В условиях глобализации образовательная система должна перестраиваться, удовлетворяя существующие потребности. Специалисты, которые обучаются, должны получать знания и профессиональные навыки для эффективной работы в условиях усиливающейся конкуренции. Для этого государство должно постоянно обновлять форму и содержание обучения, уделять внимание новым образовательным стандартам.

Высшее образование и профессиональная подготовка в Украине имеет долгую и богатую историю. Украинских студентов, выпускников и ученых уже давно знают и ценят во всем мире. Высшие учебные заведения Украины готовят сознательных профессионалов, которые готовы с гордостью исполнять свои прямые профессиональные обязанности. Будучи европейским государством, Украина постоянно

находится в научном сотрудничестве с другими странами и заимствует их неоценимый опыт.

Украине присуще своеобразие процесса становления профессии социального работника и социального педагога: официальное признание профессий «социальная работа» и «социальная педагогика» скорее можно назвать юридическим оформлением того, что было уже накоплено практикой, теорией, историей нашего народа. В этом заключается особая сложность социальной ситуации, в которой формируется профессия социального педагога и социального работника в Украине, а значит и система подготовки соответствующих специалистов [2, с. 27].

Вопросами социологии занимались отечественные и зарубежные ученые, такие как: В. Бочарова, О. Главник, В. Гладкова, Д. Доэл, Л. Закревська, А. Козлов, Л. Міщик, А. Сорвина, Ю. Шапиро, С. Шардлоу, Е. Яркіна-Смирнова и др.

В современной социально-педагогической науке, наряду с терминами «социальный педагог» и «социальный работник» существует еще и понятие «специалист по социальной работе». Считаем, что к данной категории можно отнести как социальных педагогов, так и социальных работников. Среди ученых существует много подходов к толкованию понятия «специалист по социальной работе». Например,

А. Холостова отмечает, что «должность «специалист по социальной работе» – эквивалент принятой в мире должности «социальный работник» [4, с. 37].

Подготовка социальных педагогов как отдельное направление профессионального образования и профессиональной деятельности начало формироваться в начале 1990-х гг. В апреле 1991 г. Постановлением Госкомтруда СССР Квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих был пополнен квалификационной характеристикой «социальный педагог» и «социальный работник». Эти должности являются эквивалентом принятой в мире должности «социальный работник» и «школьный консультант» в США.

В каждой стране, в том числе и в Украине, обучение социальной педагогике должно базироваться на собственной концептуальной модели. Профессия социального педагога признана чуть больше 10 лет назад, и система профессиональной подготовки соответствующих специалистов переживает сложный период своего становления. Определить верную стратегию в развитии социальной политики, конкретных направлений и сфер социальной работы, системы подготовки кадров для этой сферы, бороться за утверждение и чистоту этой профессии, не допускать ее девальвации – чрезвычайно важные вопросы для Украины сегодня.

Социальный педагог – это специалист по воспитательной работе с детьми, подростками, молодежью, взрослыми, который призван создавать благоприятные социальные, учебно-воспитательные условия для развития и социализации личности, это профессионал, занятый в сфере социальной работы или образовательно-воспитательной деятельности; он организует взаимодействие образовательных и внешкольных учреждений, семьи, общественности с целью создания в социальной среде условий для адаптации и благополучия в микросоциуме детей и молодежи, их всестороннего развития [5].

Цель социально-педагогической работы в учебном заведении – содействие успешному решению учениками собственных проблем. Средства достижения этой цели – высвобождение и развитие ресурсов ученика и его социального окружения, обеспечение необходимых социальных изменений, обучение, воспитание и самовоспитание личности [1, с. 36]. От традиционных сфер деятельности, связанных с анализом и решением проблем людей (психология, социология, педагогика и т.п.), социально-педагогическая работа отличается, прежде всего, своим интегральным характером. Социальный педагог воспринимает ученика как целостного индивида, сочетая различные стороны его личности, в то время как смежные специалисты подходят к решению проблем односторонне, однако, целостное видение ученика позволяет вовремя прийти ему на помощь.

Социальный педагог выступает посредником между учеником и обществом. При более детальном анализе посредничества можно выделить несколько направлений его осуществления: между учеником и разнообразными структурами и учреждениями; меж-

ду учеником, учителями и воспитателями; между ребенком и родителями; между учеником и другими специалистами, которые вовлекаются к решению воспитательных и учебных проблем ученика (тренеры, руководители кружков и т.п.); между учеником и различными группами сверстников, молодежными группами и т.д. [1].

Социальный педагог должен помнить о том, что изучение личности должно быть направлено не столько на выявление недостатков, сколько на поиск резервов личности, ее нераскрытых возможностей и потенциалов.

Основными функциями социального педагога в учебных заведениях являются:

1. Диагностическая (изучение и оценка особенностей деятельности личности, микроколлектива (класса или референтной группы)).

2. Прогностическая (прогнозирование на основе наблюдений и исследований усиления негативных или позитивных факторов социальной ситуации, влияющих на развитие личности или группы).

3. Консультативная (предоставление советов, рекомендаций учащимся, родителям, учителям и другим лицам, которые обращаются к социальному педагогу).

4. Защитная (обеспечение соблюдения норм охраны и защиты прав детей и подростков).

5. Организаторская (обеспечение содержательного досуга детей и подростков в школе и социальной среде).

6. Предупредительно-профилактическая и социально-терапевтическая (предвидение и приведение в действие механизмов предотвращения и преодоления негативных воздействий в социально-правовом, юридическом и психологическом плане, организация социотерапевтической помощи, обеспечение защиты прав учащегося в обществе, помощь подросткам и молодежи в период социального и профессионального определения) [4].

В отличие от деятельности обычного педагога в учебном заведении в работе социального педагога первостепенную роль играет не учебная, а прежде всего воспитательная функция, функция социальной помощи и защиты. Социальные педагоги призваны способствовать саморазвитию личности.

На основе этих функций выделяют такие основные направления профессиональной деятельности социального педагога в общеобразовательных учреждениях:

– изучение социально-психологических особенностей личности и социально-педагогического влияния микросреды на воспитанников путем наблюдения, бесед, опроса экспертов, интервьюирования, тестирования, анализа документов;

– организация социально-педагогического взаимодействия с личностью, которая нуждается в помощи, что обеспечивается поддержкой детей из проблемных семей, побуждением личности к самоорганизации и самостоятельности, содействию личности в решении ее проблем; сотрудничество с семьей, школой и обществом;

– социально-психологическая помощь и поддержка личности в кризисных ситуациях, которая осуществляется путем выяснения проблемы, обсуждение путей ее решения, разработки плана действий, помощи в организации выхода из проблемы, координации усилий ближайшего окружения личности, создание групп поддержки и т.д.;

– коррекция отношений, способов социального действия, посредничество в творческом развитии личности и группы, которые могут быть реализованы при моделировании ситуаций, способствующих овладению подростками новым опытом, помощи в разблокировании положительных эмоций, создании ситуации успеха, изменении представлений воспитанника о своем «Я», поддержке инициатив отдельного ученика или группы, создании условий для творчества [3, с. 39].

В рамках деятельности психологической службы общеобразовательной школы в обязанности социального педагога относится и осуществление консультативной деятельности. Консультации могут быть индивидуальными и групповыми; разовыми, кратковременными (2 – 4 раза) и длительными; просветительно-рекомендательными, диагностическими, психологическими, педагогическими, правовыми и т.д. Социальный педагог школы выполняет и организаторскую работу: обеспечивает содержательный досуг детей и подростков в школе и социальной среде, привлекает семьи и представителей общественности к социально-педагогическому процессу [6].

Организации социально-педагогической деятельности школы способствует Закон Украины «Об образовании» (1996 г.), в котором определен статус ведущего специалиста по социальному воспитанию – социального педагога – в школе. Модель социально-педагогической деятельности школы находится еще в стадии формирования. Она состоит из двух взаимообусловленных частей: внутренней и внешней. К основным направлениям первой относят: диагностирование, осуществление социального воспитания, общее руководство социально-воспитательной деятельностью, защиту и охрану прав ребенка. Внешняя социально-педагогическая деятельность создает возможности для применения приобретенных в школе знаний, умений и навыков, опыта эмоционально-чувственного отношения к миру и творческой деятельности в реальной жизни социальной деятельности.

В настоящее время профессиональная подготовка специалистов социальной сферы в Украине осуществляется в различных формах: очная, очно-заочная, заочная, вечерняя, экстернат и др. и предусматривает многоуровневый характер образования: допрофессиональное, профессиональное, последиplomное, повышение квалификации, переподготовка кадров. Социальные педагоги имеют возможность получать различную профессионально-уровневую квалификацию и специализацию в средних учебных заведениях (училищах, техникумах, колледжах, лицеях) и в высших учебных заведениях (институтах, университетах, академиях).

Профессиональная подготовка специалистов для социальной сферы осуществляется в вузах разных направлений: университетах классического профиля, педагогических университетах, академиях, педагогических, медицинских, технических, юридических, экономических институтах [5].

В настоящее время в Украине можно выделить такие уровни подготовки кадров для социальной сферы:

1. Допрофессиональная подготовка на курсах, в школах, лицеях. Выпускники этих заведений, получив среднее образование, могут работать в соответствующих заведениях и обслуживать больных, престарелых, одиноких.

2. Обучение в средних учебных заведениях дает возможность специалистам возглавить отделения обслуживания на дому, отделения дневного пребывания, неотложной социальной помощи и другие отделения по обслуживанию больных, престарелых, одиноких.

3. Обучение в высших учебных заведениях (срок обучения 4 – 5 лет). Лица, имеющие высшее образование, могут обучаться на специальных факультетах последиplomного образования (от 1 до 3 лет). В свою очередь, высшее профессиональное образование имеет 3 степени: подготовка бакалавров (4 года), специалистов (5 лет), магистров (6 лет). Последние после получения диплома имеют право заниматься учебно-педагогической и научно-исследовательской деятельностью.

4. Переподготовка и повышение квалификации работающих специалистов (система разнообразных курсов, стажировок и т.д.).

5. Подготовка научно-преподавательских кадров. В настоящее время в Украине действуют ученые советы, в которых успешно защищаются докторские и кандидатские диссертации по различным проблемам социальной работы и социальной педагогики. Характерно, что наряду с преподавателями успешно защищают свои научные исследования практики: специалисты комитетов социальной защиты населения, специалисты центров социальных служб для молодежи, управленческие кадры [3, с. 37 – 38].

Заслуживает внимания тот факт, что в Украине осуществляется разработка государственных образовательных стандартов профессионального образования, образовательно-квалификационных программ и образовательно-квалификационных характеристик специалистов, документов учебно-методического сопровождения учебного процесса.

После окончания среднего профессионального учебного заведения выпускники могут приступать к профессиональной деятельности или продолжить обучение в высших учебных заведениях. Последующий уровень образования в Украине, который может освоить выпускник заведения начального или среднего профессионального образования – это уровень высшего образования. Высшее профессиональное образование можно получить на базе среднего (полного) общего или среднего профессионального образования в высшем учебном заведении. В системе

высшего образования приняты законодательные документы, которые нормативно закрепляют требования, как к системе высшего образования, так и к уровню подготовки выпускника.

В Украине подготовка и переподготовка социальных педагогов осуществляется различными путями: в университетах, педагогических институтах и университетах, в педагогических и других училищах, колледжах, на различных курсах повышения квалификации и др. Сроки обучения разные: от нескольких месяцев до 4 – 5 лет. Формы подготовки социальных педагогов можно условно разделить на три уровня:

1. Курсовая или допрофессиональная подготовка (различные курсы, школы, лицеи, колледжи).

2. Обучение в университетах, отраслевых вузах на дневных, вечерних, заочных отделениях, (4 – 5 лет), на дистанционной форме обучения и экстернате.

3. Последипломное образование (переквалификация на факультетах последипломного образования на базе высшего образования (1 – 1,5 года)).

Сегодня в Украине применяются различные формы допрофессиональной подготовки, осуществляемые в следующих типах образовательных учреждений:

– в общеобразовательных учреждениях (школах, лицеях, гимназиях, техникумах);

– в учреждениях дополнительного образования (домах детского творчества, социально-педагогических клубах, кружках, факультативах, группах помощников социальных педагогов);

– в высших учебных заведениях (факультетах будущего социального педагога, очно-заочных школах социального педагога);

– во взаимодействии «общеобразовательное заведение – высшее учебное заведение» (социально-педагогических классах, специализированных классах конкретного профиля, педагогических колледжах и лицеях, школах будущего социального педагога) [2, с. 44].

Профессионалов социальной сферы нужно готовить таким образом, чтобы они были способны изменить, устранить и корректировать негативные социальные проявления в обществе и в школе. А это возможно лишь в учебных заведениях, которые строят обучение на новых позициях и учитывают тенденции развития социальной политики в стране. Поэтому содержание подготовки специалистов должно включать следующие компоненты: глубокий анализ современного социального развития и формирование умения дать объективную оценку социальной политике, предложить альтернативные варианты; четкое представление и классификацию современных моделей, форм и методов самой практики социальной работы; собственно педагогический про-

цесс подготовки социальных работников; разработку теорий, концепций, моделей и технологий, направленных на эффективное функционирование социального работника; разработку и реализацию программ, повышающих компетентность социального работника.

Подготовка специалистов для социальной работы в Украине имеет определенные проблемы. Прежде всего, требует серьезного совершенствования технологии подготовки будущих специалистов. Высшие учебные заведения нуждаются в серьезной государственной поддержке в плане финансовой помощи, материально-технического обеспечения учебного процесса, активизации процессов подготовки профессорско-преподавательского состава, как в стране, так и за рубежом. Актуальна проблема переподготовки работников социальных служб: ведь функционирующие социальные службы на 60 – 70 % укомплектованы специалистами, которые не имеют соответствующей профессиональной подготовки. Острой для Украины является проблема подготовки учебников, пособий по социальной и социально-педагогической работе, пакетов учебно-методической документации.

Перед социальным образованием в Украине стоит сложная задача – сбалансировать сложную ситуацию настоящего, поставив в центре внимания человека, чья безопасность, жизненный уровень, права и благоустройство хотят значительно лучшего. И именно здесь обучение социальной работе должно играть ведущую роль. Для решения этой задачи потребуются весь опыт, знания, накопленные в Украине и за рубежом, которые мы должны научиться мудро использовать и развивать.

Литература

1. *Артюшкина, Л.М.* Соц. педагог школи: теорія і практика роботи / Л.М. Артюшкина // Навчально-методичний посібник для студентів спеціальності «Соціальна педагогіка». – Суми, 2004.

2. *Закревська, Л.М.* Перші кроки соц. педагога у школі. На допомогу соц. педагогу – початківцю / Л. М. Закревська – Кам'янець – Подільський, 2005.

3. *Малько, А.* Соціальна педагогіка в школі: Культурологічний аспект / А. Малько // Рідна школа. – 2001. – № 3. – С. 36 – 40.

4. *Мельник, Ю.* Соціальний педагог та його професійна діяльність / Ю. Мельник, С. Шаргородська // Науково-виробниче видання «Соціальний педагог» / упоряд. Т. Шаповал, Т. Гончаренко. – К., 2006. – С. 5 – 44.

5. *Різик, Л.М.* Особливості роботи соц. педагога в загальноосвітній школі / Л.М. Різик // Соціальна робота в Україні: теорія і практика. – 2006. – № 4. – С. 129 – 134.

6. *Никончук, А.С.* Професійна культура соціального педагога / А.С. Никончук // Бел. Фонд соц. підтримки дітей і підлітків «Ми – дітям», Академія післядипломного освіти. – Мн., 2001.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СТРУКТУРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРЕНЕРА ПО ИГРОВЫМ КОМАНДНЫМ ВИДАМ СПОРТА

В статье обосновывается актуальность формирования информационно-аналитической компетенции в подготовке тренера по командным игровым видам спорта, конкретизированы понятия: «информационно-аналитическая функция», «информационно-аналитическая компетенция» тренера по игровым командным видам спорта, представлена модель информационно-аналитической компетенции тренера по игровым командным видам спорта.

Компетенция, информационно-аналитическая функция, информационно-аналитическая компетенция, игровые командные виды спорта, тренер.

The article explains the importance of information and analytical competence in training the team sports coach, defines concretely such concepts as "information and analytical function", "information and analytical competence" concerning the team sports coach. The paper presents the model of information and analytical competence of the coach.

Competence, information and analytical function, information and analytical competence, team sports, coach.

Современные тенденции развития игровых командных видов спорта характеризуются значительным ростом спортивных достижений, поиском и внедрением в процесс подготовки спортсменов новых эффективных методов тренировки, способствующих достижению высоких соревновательных результатов в условиях острой конкурентной борьбы на международной арене, созданием системы информационного обеспечения спортивной отрасли.

Данные тенденции обуславливают повышение требований к профессионализму тренерских кадров, способных к эффективному управлению процессом подготовки спортсменов к соревновательной деятельности. Управление – процесс информационный, поэтому эффективность тренерской деятельности во многом определяется готовностью и способностью специалиста находить, интерпретировать, критически оценивать, анализировать и включать в свою профессиональную деятельность непрерывно обновляющуюся информацию, обусловленную особенностями и спецификой командных игр. Анализ достоверной своевременной информации по основным показателям соревновательной и тренировочной деятельности (командных, групповых, индивидуальных тактических действиях спортсменов в нападении и обороне; приемах игры в нападении и защите; мастерстве выполнения игровой функции – амплуа – каждым игроком в команде; психологической совместимости спортсменов, сплоченности команды; тактико-техническом мастерстве команды и др.) позволяет тренеру принимать решения, исполнять с тем или иным качеством рефлексивные процедуры, действовать с разной степенью адекватности динамике ситуации игры.

В настоящее время подготовка тренеров к информационно-аналитической деятельности предусмотрена как в системе профессиональной подготовки в ВУЗе, так и в системе повышения квалифика-

ции. Однако, несмотря на тенденцию создания полномасштабной системы профессиональной подготовки и переподготовки тренерских кадров на основе компетентностного подхода, анализ реальной практики, как на федеральном, так и на уровне конкретных учреждений, свидетельствует о том, что значительная часть тренерских кадров не готова к реализации информационно-аналитической функции в решении сложных педагогических задач. Многие тренеры не обладают достаточными информационно-аналитическими знаниями, умениями, не всегда владеют информацией об игроках своей команды, команд соперников, испытывают затруднения в применении информационных технологий для организации процесса получения и обработки профессиональной информации на качественно новом уровне, что подтверждено рядом исследований (Н.В. Стеценко, Т.В. Хованская и др.) [5]. Решение данной проблемы видится в формировании информационно-аналитической компетенции в подготовке спортивных тренеров.

На сегодняшний день сложились теоретические и практические предпосылки для решения задач по подготовке тренерских кадров к информационно-аналитической деятельности на основе компетентностного подхода. Работами А.А. Деркача, А.А. Исаева [1] и других ученых заложены теоретические основы профессиональной подготовки тренеров по игровым командным видам спорта. Исследователями выделены проектировочный, конструктивный, организаторский, коммуникативный, гностический компоненты деятельности тренера, определены аспекты управленческой деятельности тренера (управление развитием деятельности команды, управлением межгрупповым взаимодействием, самоуправление, управление информацией).

Нами были изучены различные подходы к определению понятия «компетенция». В литературе, по-

священной проблемам управления человеческими ресурсами, существует много определений понятия «компетенция». Так, компетенция представлена «как совокупность качеств, свойств, а также способов выполнения профессиональной деятельности» (Э.Ф. Зеер, А.В. Хуторской и др.) [2]; «как круг полномочий» (В.Г. Горб, Т.В. Иванова, др.) [2]; «как система ЗУНов» (В.В. Лебедев, Т.И. Шамова) [6], «как базовые качества личности» (Л.М. и С.М. Спенсеры) [4].

На основе проведенного анализа позиций к определению семантического значения понятия «компетенция» нами был выделен целый ряд общих черт. С учетом выделенных особенностей было выведено следующее определение. Компетенция – это система знаний, способов деятельности в разрешении теоретических и практических задач, реализующаяся через поведенческие акты, социальные роли, имеющая рамки реализации (набор объектов, предметов, процессов деятельности), отличающаяся индивидуально-психологическими особенностями проявления применительно к разным индивидам.

На наш взгляд, наиболее полное определение компетенции представлено в работе Л.М. и С.М. Спенсеров, рассматривающих компетенцию как «базовое качество индивидуума, имеющее причинное отношение к эффективному и/или наилучшему на основе критериев исполнению в работе или в других ситуациях» [4]. Базовое качество означает, что компетенция является очень глубоко лежащей и устойчивой частью человеческой личности и может предопределять поведение человека во множестве ситуаций и рабочих задач. В модель компетенций закладываются те базовые качества и мотивации, которые определяют успешность деятельности.

Анализ выполненных к настоящему времени исследований показывает, что проблема подготовки тренеров к информационно-аналитической деятельности ставилась, однако не нашли отражения содержание, технологии и организационно-педагогические условия формирования информационно-аналитической компетенции в подготовке тренера по командным игровым видам спорта.

Таким образом, существует противоречие между объективной необходимостью в тренерских кадрах, обладающих сформированной информационно-аналитической компетенцией для реализации информационно-аналитической деятельности, и недостаточной теоретической и технологической разработанностью в научных исследованиях содержания, технологии и организационно-педагогических условий формирования информационно-аналитической компетенции в подготовке тренера по командным игровым видам спорта.

На основе изученной литературы по проблеме исследования конкретизированы понятия «информационно-аналитическая функция», «информационно-аналитическая компетенция» тренера по игровым командным видам спорта. Выступая в роли руководителя учебно-тренировочным процессом, спортивный тренер выполняет все управленческие функции, необходимые для решения поставленных задач и

достижения цели деятельности: информационно-аналитическую, мотивационно-целевую, плано-прогностическую, организационно-исполнительскую, контрольно-диагностическую, регулятивно-коррекционную.

Вслед за Т.И. Шамовой [3], информационно-аналитическая функция определяется нами как вид деятельности тренера, позволяющий проанализировать результаты учебно-тренировочного процесса по достижению желаемых спортивно-педагогических целей. Целью информационно-аналитической функции является сбор, обработка, хранение, оценка, анализ полной, объективной, оперативной информации, необходимой для изучения фактического состояния и обоснованности применения совокупности способов, средств, воздействий по достижению целей педагогических процессов и управления ими, осуществляемая посредством применения методов, адекватных целям управления и соответствующих современным требованиям для принятия управленческих решений, направленных на обеспечение эффективности деятельности тренера по управлению учебно-тренировочным и соревновательным процессами.

Тренировочный процесс в командных игровых видах спорта происходит в контексте взаимодействия спортсменов и тренера во время, до и после матчей, при подготовке к матчам и при их разборе, на тренировках, теоретических занятиях и в рамках других учебно-воспитательных моментов, поэтому для создания целостной системы информационно-аналитической деятельности тренеру важно определить содержание, объем, источники необходимой достоверной оперативной, текущей, итоговой информации до игры, во время игры, после игры команды (см. таблицу).

На основе сбора и тщательного анализа данной информации тренер принимает управленческие решения, поэтому информационно-аналитическая функция управления создает основу для всей управленческой деятельности тренера.

Информационно-аналитическая функция как вид деятельности спортивного тренера определяется информационно-аналитической компетенцией. Опираясь на определение компетенции, данное Л.М. Спенсером [4], мы рассматриваем информационно-аналитическую компетенцию тренера по игровым командным видам спорта как совокупность знаний, умений, способностей, мотивов к осуществлению информационно-аналитических действий (поиск, отбор, усвоение, переработка, анализ информации) в разрешении теоретических и практических задач по управлению учебно-тренировочным, соревновательным процессами, реализующуюся через поведенческие акты и роли.

На основе изученной литературы и в соответствии с положениями научных изысканий Л.М. и С.М. Спенсеров [4] предлагается модель информационно-аналитической компетенции тренера по игровым командным видам спорта, включающая информационно-аналитические знания (когнитивный компонент), информационно-аналитические умения (дея-

тельность компонент) и способности и мотивы к осуществлению информационно-аналитической дея-

тельности (психологический компонент) (см. рисунок).

Таблица

Информация, необходимая тренеру до игры, во время игры, после игры команды

Содержание информации	Методы сбора информации
<i>До игры</i>	
Сведения об условиях, в которых будет протекать соревновательная деятельность спортсменов (климатогеографические условия региона, состав соперников, характеристика зрителей, особенности судейства и др.)	Метод спортивной разведки, беседы с коллегами, Интернет
Данные о команде и игроках соперника, данные о возможностях своей команды, итогом чего является тактический план ведения игры. План «проигрывается» на тренировочном занятии против «модели соперника»	
<i>Во время игры</i>	
Оперативная информация о действиях игроков (на основании знания технико-тактической модели конкретного спортсмена с учетом возможностей конкретного противника, в соответствии с избранным на данную игру тактическим планом)	Наблюдение, педагогические записи, графическое изображение технических приемов игроков
Оперативные данные по компонентам командной игры (острые передачи мяча, с которых проведены результативные атаки (количество забитых; количество ошибок, допущенных игроками во всех матчах (технический брак, пробежки и т.п.)	
Информация об уровне игровой дисциплины в различных игровых компонентах, контроль выполнения установки тренера на игру	
Данные об особенностях игры соперников (варианты «выигрышных», «проигрышных» расстановок, за счет каких элементов игры, места расположения игроков, исходные позиции, комбинации, эффективность действий нападающих игроков, предпочтительные направления атак)	
<i>После игры</i>	
Данные об индивидуальных достижениях игроков команды (количество бросков в игре, процент попаданий, число удачных штрафных бросков)	Статистика игры, педагогические записи, видеозапись
Итоговые данные по компонентам командной игры (острые передачи мяча, с которых проведены результативные атаки (количество забитых голов); количество ошибок, допущенных игроками во всех матчах (технический брак, пробежки и т.п.)	
Итоговые данные об особенностях игры соперников (варианты «выигрышных», «проигрышных» расстановок, за счет каких элементов игры, места расположения игроков, исходные позиции, комбинации, эффективность действий нападающих игроков, предпочтительные направления атак)	

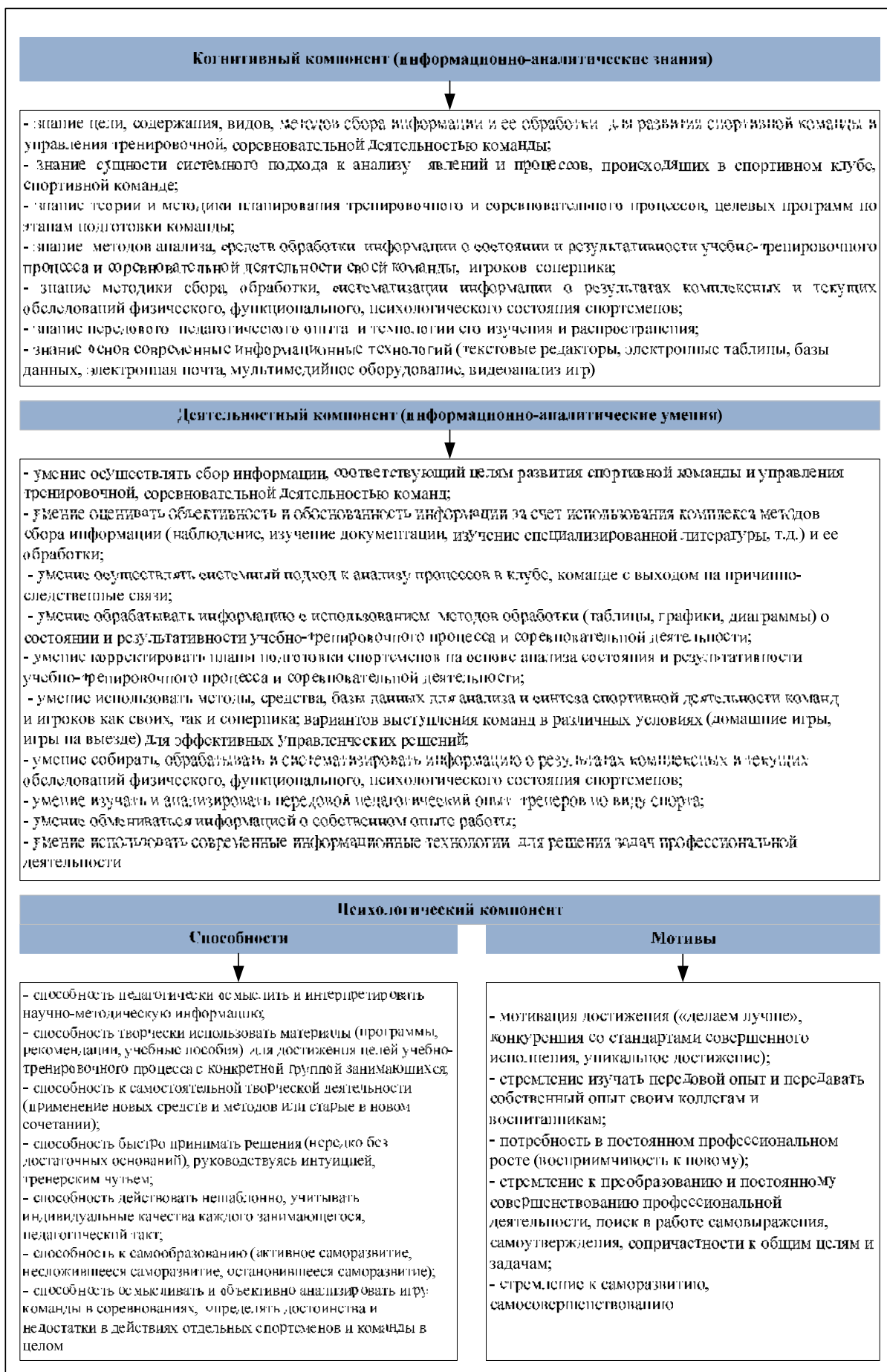

Рисунок. Модель информационно-аналитической компетенции тренера по игровым командным видам спорта

Итак, информационно-аналитическая функция, обеспеченная информационно-аналитической компетенцией, хранит в себе огромные резервы повышения эффективности управленческой деятельности тренера по командным игровым спорта в целостном процессе управления учебно-тренировочной и соревновательной деятельностью, направленной на достижение желаемых спортивно-педагогических целей.

Литература

1. Держач, А.А. Педагогическое мастерство тренера / А.А. Держач, А.А. Исаев. – М., 1981.
2. Компетентностный подход в педагогическом образовании / под ред. В.А. Козырева, Н.Ф. Радионовой, А.П. Тряпицыной. – СПб., 2005.
3. Менеджмент в управлении школой / науч. ред. Т.И. Шамова. – М., 1992.
4. Спенсер, Л.М. Компетенции на работе / Л. М. Спенсер-мл., С.М. Спенсер. – М., 2005.
5. Хованская, Т.В. Информационная компетентность специалиста по физической культуре и спорту / Т.В. Хованская, Н.В. Стеценко // Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2011. – № 3. – С. 2 – 6.
6. Шамова, Т.И. Оценка управленческой деятельности руководителем школы: методическое пособие / Т.И. Шамова, Г.М. Тюлю, Э.В. Литвиненко. – Вологда, 1995.

УДК 7.034(450)5

Ю.С. Артамонов

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, профессор А. В. Степанов

«ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА» ТИЦИАНА. К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ЖИВОПИСИ БОСХА В КОНТЕКСТЕ ВЕНЕЦИАНСКОЙ ШКОЛЫ

В статье рассматривается проблема влияния произведений Иеронима Босха на раннее творчество Тициана Вечеллио. Автором анализируются параллели между картинами нидерландского мастера и одним из ранних произведений Тициана в области композиционных и колористических приемов.

Тициан, Орфей и Эвридика, венецианская школа, Северный Ренессанс, Босх.

The question of influence of Bosch's works in the context of Titian's early oeuvre is considered in the article. The author analyzes the parallels between the paintings of Netherlands artist and one of young Titian's works in the field of compositional and coloristic methods.

Titian, Orpheus and Eurydice, Venetian school, Northern Renaissance, Bosch.

Начало XVI в. в североитальянском искусстве отмечено сложным процессом взаимодействия с художественными достижениями Северного Возрождения. Распространение печатной графики, приобретение итальянскими ценителями картин заальпийских мастеров, последующее знакомство художников с образцами нидерландской живописи – данные явления отразились в сложении стилистики венецианской школы первой четверти чинквеченто.

В определенной мере свет на диалог венецианской и нидерландской живописи проливает пейзажная композиция раннего периода творчества Тициана «Орфей и Эвридика» (вторая половина 1500-х гг., Академия Каррара, Бергамо). Данная работа относится еще к поре сложения индивидуального стиля художника. Предвосхищая некоторые черты колористического строя и пространственной организации более поздних творений («Сельский концерт», ок. 1509 г., Лувр, Париж, *Noli me tangere*, ок. 1510 – 1511 гг., Национальная галерея, Лондон), картина из Бергамо носит отчетливые проявления поиска индивидуального творческого почерка. Уолтер Гибсон в исследовании влияния искусства Босха на итальянских художников XVI в. [4] не рассматривает привлекающую наше внимание картину Тициана, что обусловило необходимость анализа данного произведения.

Миф об Орфее и Эвридике как сюжет для живописного произведения представляет редкость в ренессансном искусстве Италии. Вместе с тем, появление данного произведения в контексте венецианской школы показательны. Культура Венеции характеризуется вниманием к новому, открытостью и высокой восприимчивостью. Распространение коллекционирования на рубеже XV – XVI вв., интерес к свежим художественным находкам, косвенное влияние частных собирателей на тенденции в искусстве – в том числе на распространение светской кабинетной кар-

тины как явления, – а также становление книгоиздательского дела и публикация древних сочинений предопределили существенное расширение тематического и типологического диапазона в венецианской живописи начала чинквеченто. В это время Джорджоне исполняет «Рождение Париса» (утрачено), Себастьяно дель Пьомбо – «Цереру» (Государственные музеи, Берлин), «Рождение Адониса» и «Смерть Адониса» (обе – Городской музей Амедео Лиа, Ла Специя). Существует и группа редких по тематике произведений на античные мотивы, приписывавшихся на протяжении XX в. самому Тициану – «Лукреция» (ранее – Галерея Флейшман, Мюнхен) [8, р. 89], «Рождение Адониса», «Легенда о Полидоре» (обе – Городской музей, Падуа) и «Эндимион» (Фонд Барнса, Мерион). Обращение к новым сюжетам, вдохновленным античной мифологией, диктовало необходимость выработки новых иконографических, композиционных и колористических решений.

П. Джоаннайдс отмечает, что сюжет произведения Тициана перекликается с гравюрой Маркантонио Раймонди «Орфей и Эвридика» (ок. 1505 – 1506 г.) [5, р. 195]. Однако композиция и стиль данной гравюры, опирающиеся на наследие Мантеньи и Дюрера, не имеют ничего общего с произведением Тициана.

Отметим выраженную стилистическую неоднородность «Орфея и Эвридики», что проявляется в сочетании черт венецианских и северных живописных традиций. Картина «Орфей и Эвридика» представляет собой пейзажную композицию с четким пространственным разделением на три плана. Примечательно, что в произведении изображены сразу два эпизода мифа: нападение на Эвридику змеи на первом плане и Орфей, выводящий Эвридику из подземного мира, в глубине изобразительного пространства. Подобное решение имеет тесные параллели с

художественными приемами Проторенессанса и кватроченто. В ренессансной живописи XVI в. строго соблюдалось единство времени и пространства в картине, что отмечено, в частности, Генрихом Вельфлингом [2, с. 252 – 253, 274 – 275].

Одной из особенностей рассматриваемой картины является необычное для творчества Тициана соотношение масштаба фигур и изобразительного пространства. В камерном по размерам произведении (39х53 см) доминирующая роль отведена пейзажу. Небольшие по масштабу фигуры в двух последовательно разворачивающихся в картине сценах имеют в произведении подчиненное значение. Поиски в области соотношения между размерами основных фигур и изобразительным пространством картины в целом являются одной из характерных черт венецианской живописи начала XVI в. Джорджоне («Испытание Моисея огнем», Уффици, Флоренция; «Суд Соломона», Уффици; «Рождение Аллендейл», Национальная галерея, Вашингтон; «Мадонна Кастельфранко», Собор, Кастельфранко), Себастьяно дель Пьомбо («Рождение Адониса» и «Смерть Адониса», ок. 1505 г.), Джованни Беллини («Священная аллегория», Уффици, Флоренция; «Пир богов», ок. 1515, Национальная галерея, Вашингтон) обращаются к такого рода экспериментам, уменьшая масштаб фигур по отношению к среде, в которой разворачивается действие. Значительную часть такого рода работ составляют наполненные деталями кабинетные произведения, предназначенные для рассматривания с близкого расстояния. Манера изображения преисподней в «Орфее и Эвридике» характеризуется выбором укрупненного масштаба форм пейзажа, подавляющего представленные в нем человеческие фигуры. Тем самым, акцент в изображении смещается от представленных персонажей к месту действия в целом.

Панорама в картине «Орфей и Эвридика» образована тремя обособленными частями, существенно отличающимися по типологии. Первый план, где представлена сцена с Эвридикой и змеей, написан в пасторальном духе, с мягкими, круглящими контурами природных форм, воздушными переходами сближенных тонов, богато нюансированным в передаче разнообразия предметных фактур письмом. Открывающийся позади первого плана третий план представляет типичный для венецианской живописи конца XV – начала XVI вв. панорамный вид, аналогии которому обнаруживаются во «Льве св. Марка» Карпаччо (Дворец дождей, Венеция) и в «Венере, оплакивающей Адониса» Себастьяно дель Пьомбо (Уффици, Флоренция). Правую часть картины занимает второй план, на котором представлены Орфей и Эвридика в аду. Мотив изображения ада в виде погруженных в полумрак пылающих сооружений, затерявшихся среди циклопических масс вывороченной земли – необычный для венецианской живописи иконографический тип. Следует отметить, что среди венецианских заказчиков и художников не пользовались успехом драматические, устрашающие inferнальные сцены. Созерцательное либо ликующее чув-

ство упоения земной красотой в венецианской культуре не создавало предпосылок для широкого художественного распространения эсхатологических христианских сюжетов. Показательно, что и Тициан избирает для изображения ада не христианский, но античный мифологический мотив.

При сопоставлении с камерными произведениями венецианской живописи последней четверти XV в. и рубежа XV – XVI вв. (Джованни Беллини, «Моление о чаше», Лондон; «Священная аллегория» Уффици; «Мадонна в лугах», Лондон; «Отплытие Кеик» Карпаччо, Лондон; «Распятие» Антонелло да Мессина, Сибиу и Антверпен) работы начала чинквеченто отличаются как возросшим значением деталей окружающей природной обстановки, большим многообразием форм, так и разнообразием приемов письма. Данная тенденция обнаруживает сильную связь с распространением образцов северного искусства. Гравюры Дюрера и его визиты в Венецию, а также поступление в венецианские собрания работ нидерландских художников XV в. оказали влияние на подход итальянских мастеров к решению композиционных и живописных задач.

Представляется, что в «Орфее и Эвридике» Тициан дает венецианскую интерпретацию сюжетно-образных систем Босха, неоднократно обращавшегося к изображению inferнальных сцен. В заметках Маркантонио Микиеля, дающих представление о составе венецианских коллекций первой трети XVI в., неоднократно встречаются упоминания работ Босха или его подражателей: «в доме мессира Антонио Фоскарини... маленькая доска, на которой изображен св. Антоний со злыми духами» [7, р. 107]; «в доме кардинала Гримани... холст, на котором представлены Ад с многообразными чудовищами, написанный Босхом» [7, р. 118 – 119], «холст, на котором представлены видения, работы того же художника»; «в доме Андреа Одони... холст, на котором представлены различные чудовища в Аду, во фламандской манере» [7, р. 101]. Венеция была значительным центром коллекционирования высоко ценившейся в эпоху Ренессанса нидерландской живописи – в заметках Микиеля встречаются упоминания работ Рогира ван дер Вейдена, Мемлинга, Патинира, Альберта ван Оуватера, Яна ван Скорела и др. Влияние северных источников в определенной степени создало условия для существенных изменений в рамках венецианской школы живописи начала XVI в. Наравне с распространившейся техникой письма маслом внимание местных художников привлекли и колористические, а также композиционные приемы заальпийских мастеров. Л. Слэйткс указывает на «стилистическую очевидность, что работы Босха были известны в Италии в самом начале XVI столетия» [6, р. 339].

Вазари отмечает влияние северного искусства на Тициана, ошибочно полагая, что пейзаж в раннем произведении Тициана «Бегство в Египет» (Эрмитаж) исполнен немецкими «мастерами ландшафтов и листовы» [1, с. 1152]. Вопреки точке зрения биографа, пейзажный мотив в этой картине является собствен-

норучной работой венецианца. Это подтверждается сравнением картины из Эрмитажа с другими произведениями мастера («Сельский концерт», Лувр, Париж; «Праздник Венеры», Прадо, Мадрид; «Вакх и Ариадна», Национальная галерея, Лондон), относящимися к различным периодам творчества, а также высоким уровнем исполнения пейзажа «Бегства в Египет» и колористическим единством в проработке крупных пятен цвета.

Иконографические и живописные особенности в исполнении второго плана «Орфея и Эвридики» также представляют исключительный интерес как пример ассимиляции и претворения влияний заальпийского искусства в контексте венецианской школы живописи.

В колористической системе картины Тициан отказывается от использования единого источника освещения. Первый план наполнен приглушенным рассеянным светом, панорама на горизонте озарена лучами заходящего солнца, в то время как второй план погружен в сумрак, сквозь который пробиваются языки адского пламени и отблески огня в проемах сооружений. Искусственное освещение не играет существенной роли в пластической и цветовой системе картины, однако само обращение к подобному мотиву представляет собой новшество в итальянской живописи. Введение в картину искусственных источников света имело место в некоторых сценах религиозного содержания – Рождество, поклонение пастухов, моление о Чаше. В композициях такого рода приобретал значение мистический свет, излучаемый фигурой Христа или ангелами. В начале чинквеченто предпринимались попытки использования такого рода освещения как важного композиционного компонента, в частности, в «Освобождении апостола Петра из темницы» Рафаэля (Станца д'Элиодоро, Апостолический дворец, Ватикан), где светом выделены композиционные доминанты.

Предпочтение, отдаваемое темной, «сумеречной» гамме оттенков, и объединение деталей в обобщенные объемы посредством введения крупного пятна тени не характерны для венецианского и итальянского искусства XV – начала XVI вв. Однако подобный прием является одним из типичных в творчестве Босха (угловой медальон с изображением Ада в «Семи смертных грехах»; правые створки триптихов «Воз сена» и «Сад наслаждений» – все – Прадо, Мадрид; infernalная сцена из полиптиха посмертных видений, Дворец Дожей, Венеция). В указанных примерах Босх отказывается от использования равномерного, интенсивного освещения, которое преобладало в произведениях европейской живописи XV в. Нидерландский мастер уделял большое внимание эффектам искусственного освещения в наполненной сумраком среде. Данная черта стиля нидерландца является существенным нововведением в контексте развития европейской живописи XV столетия. Световые акценты, создающие композиционный ритм и живописные эффекты, играют важную роль в ряде работ великого северного мастера. Как представляется, Тициан в определенной мере опи-

рался на опыты Босха, сосредотачиваясь на разработке самоценных живописных эффектов, к чему располагало сопоставление в картине погруженных в тень участков и пробивающегося света. Тональный строй второго плана «Орфея и Эвридики», принцип использования контрастов света и тени имеет существенные параллели с наследием Босха. В Венеции при жизни Тициана, как уже было указано, находились отдельные работы Босха – некоторые из них пребывают там и поныне.

Отсеивая гротескные, экстравагантные образы Босха, восходящие к средневековой культуре, Тициан перенимает опыт нидерландца в области создания эмоционально-выразительного пейзажа и в методе колористического разбора пятен через использование сближенных цветов.

Манера Босха характеризуется новаторской, более гибкой и свободной по сравнению с его современниками техникой письма. В противовес господствовавшему в европейской живописи второй половины XV в. методу гладкого, тщательного и равномерного наложения мазка, Босх разрабатывает приемы передачи объема ограниченными средствами. Манера наложения мазков краски призвана выявить основные особенности строения формы, объема. Вместо равномерной светотеневой моделировки применяются обособленные касания кисти, акцентирующие основные пластические моменты; живописная фактура отличается разнообразием. Обнаруживается параллель в трактовке крон деревьев в работах Босха и в «Орфее и Эвридики» Тициана. В обоих случаях поверх общего приглушенного колера, обозначающего полутьму, наносятся обособленные мазки непрозрачной краски, передающие блики света на листве. Посредством варьирования плотности верхнего красочного слоя достигается эффект цветового перехода от бликов к полутеням. Достижение переходов цвета путем варьирования плотности мазков и приемов работы кистью представляет собой редкое явление в живописи XV – начала XVI вв., поскольку распространением в данный период времени пользовалась гладкая манера письма, нивелирование касаний кисти в живописной поверхности.

Тициан развивает и дополняет метод письма Босха. Если нидерландский мастер всецело опирается в моделировке и построении колорита на приемы наложения слоев краски один поверх другого, то венецианец обыгрывает также тон имприматуры для достижения живописных эффектов. В результате неравномерности наложения краски тональность грунта частично проступает в правой половине композиции, приобретая существенное значение в колористической организации пространства второго плана. Тональное звучание изображенных в картине скал и земли задается посредством комбинирования тона имприматуры и мазков краски. Тициан значительно варьирует манеру письма, сочетая тонкое, тщательное наложение краски при написании листвы деревьев и выраженный, свободный мазок при написании холмов и скал.

Обращение Тициана к наследию живописи север-

ного Возрождения стало одним из важных факторов в процессе формирования творческой манеры художника. Опыт нидерландских мастеров был адаптирован Тицианом для решения собственных композиционных и живописных задач, что нашло отражение в раннем периоде творчества. Как представляется, проблема передачи материальности живописными средствами – посредством вариаций фактуры письма и благодаря характеру взаимодействия красочных слоев и проступающего тонированного грунта – разрабатывалась венецианским мастером, в том числе, под влиянием образцов северного искусства.

Литература

1. *Вазари, Дж.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих / Дж. Вазари. – М., 2008.

2. *Вельфлин, Г.* Классическое искусство / Г. Вельфлин. – М., 2004.

3. *Buzzati, D.* L'opera completa di Bosch / D. Buzzati. – Milano, 1966.

4. *Gibson, W.S.* Bosch's Dreams: A Response to the Art of Bosch in the Sixteenth Century / W.S. Gibson // The Art Bulletin. – 1992. – V. 74. – № 2. – P. 205 – 218.

5. *Joannides, P.* Titian to 1518. The Assumption of Genius / P. Joannides. – New Haven-London: Yale University Press, 2001.

6. *Slatkes, L.J.* Hieronymus Bosch and Italy / L.J. Slatkes // The Art Bulletin. – 1975. – V. 57. – № 3. – P. 335 – 345.

7. *The Anonimo.* Notes on Pictures and Works of Art Made by an Anonymous Writer in the XVIth Century. – London, 1903.

8. *Valcanover, F.* L'opera completa di Tiziano / F. Valcanover. – Milano, 1969.

УДК 7.034(460)7

Н.А. Беляева

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, доцент Ю.И. Арутюнян

РОЛЬ ИТАЛЬЯНСКОЙ ШКОЛЫ ЖИВОПИСИ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ Ж.О. ФРАГОНАРА

Статья посвящена влиянию итальянской культуры и природных ландшафтов на творчество Жана Оноре Фрагонара, французского художника XVIII в. Основная задача статьи – проследить эволюцию изменений интересов художественных воззрений Жана Оноре Фрагонара на примере первой поездки в начале его творческого пути и второй, значительно изменяющей выбор тематики и приемы художественной передачи. Рассматривается вопрос о влиянии особенностей итальянских впечатлений мастера на изменение его творческой манеры в вопросе художественных связей Италии и Франции.

Итало-французские художественные связи, пейзаж, XVIII в., Жан Оноре Фрагонар.

The article is devoted to the influence of Italian culture and natural landscapes on the works of Jean Honore Fragonard, French artist XVIIIth century. The main purpose of the article is to trace the evolution of artistic attitudes of Jean Honore Fragonard on the example of his first trip at the beginning of his career and the second one changing the choice of themes and the artistic methods. The paper considers the issue how the master's Italian impressions influenced his creative manner in the artistic links between Italy and France.

Italian-French artistic links, landscape, XVIII century, Jean-Honore Fragonard.

Проблема взаимодействия художественных традиций и школ по праву считается одним из наиболее интересных и перспективных вопросов в контексте современных социо-гуманитарных и искусствоведческих исследований, благодаря чему тему итальянских влияний в формировании творчества Ж.О. Фрагонара следует признать актуальной и востребованной.

Время творчества художника пришлось на вторую половину XVIII в., годы правления короля Людовика XVI и Марии Антуанетты, период Великой французской революции. Эволюционируя от стиля рококо к неоклассицизму, творчество Фрагонара отразило собой изменения в художественной жизни Франции.

Фрагонар, будучи современником Ф. Буше, Г. Робера и Ж.-Б.С. Шардена с одной стороны, и старшим современником Ж.-Л. Давида и О.Д. Энгра

– с другой, в живописи словно перекинул мостик из эпохи изящного рококо к бурным годам Французской революции. Переживший период правления двух Людовиков, якобинский режим, Директорию, Империю Наполеона I, Фрагонар всегда оставался верен своим разносторонним художественным принципам. Важнейшей областью приложения творческих усилий Жана Оноре Фрагонара, как и его современников и последователей в Италии, было изображение пейзажей – античных руин и идеальных итальянских ландшафтов.

Формирование восприятия Италии обуславливалось классицистическим подходом в живописи, тенденциями в мировоззренческой системе эпохи – Италия становится историческим источником воспоминаний о героическом, прекрасном и возвышенном античном прошлом, колыбелью искусств. Характерной приметой века, наряду с поездками ху-

дожников в Италию, оказываются путешествия молодых европейских аристократов. Европейская традиция «Grand Tour» [2, с. 10 – 14] возникает уже в конце XVII в., неизменно дополняющим элементом путешествий становятся путеводители, популярные в среде европейских и русских аристократов.

Творчеству живописца присуща особая многоликость и изменчивость. Он работал почти во всех жанрах XVIII столетия, с одинаковой виртуозностью писал маслом, рисовал карандашом, бистром, тушью, сангиной, акварелью, владел техникой офорта. На протяжении всего творческого пути он испытывал разнообразные влияния, и его работы выполнены в разной технике. Именно в Италии он становится неповторимым самобытным мастером.

Талант живописца и рисовальщика был замечен у будущего художника в совсем юном возрасте, родственники отправили Фрагонара в мастерскую Буше, однако азы обучения он получил у Шардена за шесть месяцев пребывания в его мастерской, что значительно сказалось на его творчестве впоследствии. Вскоре главным наставником художника снова стал Буше – творчество первой половины 1750-х гг. развивалось под сильным влиянием его манерной, декоративной живописи. Также Фрагонар посещал «Школу покровительствуемых искусств», которая привила академические навыки и сыграла немаловажную роль в становлении художника. В 1752 г. Фрагонар принял участие в конкурсе Королевской Академии живописи и скульптуры на Grand Prix и получил Римскую премию за представленную композицию «Иеровоам, поклоняющийся идолам» (1752, Париж, Школа изящных искусств). Выигранный конкурс и поездка в Италию в 1756 г. во многом изменила художественные принципы начинающего живописца. Пятилетняя учеба во Французской Академии в Риме, подробное знакомство с классикой вдохновляли и плодотворно сказались на его творчестве. Академия, основанная в 1666 г., была расположена в палаццо Манчини на Корео в самом сердце Рима. Для отчета иностранным учащимся полагалось посылать в Париж свои работы. Копирование произведений старых мастеров занимало значительное место в формировании и совершенствовании живописи и рисунка. Фрагонар изучал итальянских художников прошлого и своего столетия. Немалую роль в его развитии сыграло творчество Рубенса и Тьеполо. Также его внимание привлекали голландцы XVII в., в особенности Рембрандт.

«Энергия Микеланджело меня потрясла, при виде красот Рафаэля я был растроган до слез, и карандаш выпал из моих рук; на несколько месяцев я погрузился в апатию, которую не в состоянии был преодолеть, пока не обратился к изучению художников, которые оставляли мне надежду, что я смогу вступить с ними в соперничество: Бароччи, Пьетро да Кортоне, Солимена, Тьеполо приковали мое внимание» [4, с. 419 – 421]. В статье, опубликованной через десять лет после смерти Фрагонара, А. Ленуар приводит слова, которые, по его мнению, принадлежат самому мастеру. Отчетных работ художника, к

сожалению, не сохранилось, однако из рисунков, выполненных им во время поездки, можно понять всю значимость путешествия.

Из переписки директора Французской Академии в Риме Шарля Жозефа Натуара с директором королевских строений герцогом де Мариньи известно, что первый ценил талант Фрагонара и просил продлить его пребывание в Италии: «Наш молодой художник делает очень хорошие этюды, которые приносят ему честь» [2, с. 25], – писал в письмах 1758 г. Шарль Жозеф Натуар. При этом его беспокоило, что, обладая большим талантом, Фрагонар склонен очень легко менять живописную манеру. Оригинальные зарисовки собора и баптистерия в Пизе, двора палаццо Питти во Флоренции, лестницы и террасы палаццо Бальби в Генуе свидетельствуют о разнообразных интересах молодого художника.

Близкими друзьями живописца во время первой поездки становятся пейзажист Гюбер Робер (1733 – 1808) и пригласивший их сюда французский аристократ, коллекционер и меценат аббат Сен-Нон.

Виды Италии побудили обратиться к пейзажному рисунку. В период пребывания в Италии (1756 – 1761) были исполнены виды виллы д'Эсте. Фрагонар совершает путешествие в Неаполь и Венецию, знакомясь с памятниками античности и наследием великих колористов. Уроки последних проявились в раннем полотне «Прачки» (ок. 1756 – 1767, Амьен, Музей изящных искусств). Зрелище заинтересовывает художника, контраст между сегодняшним днем и величием прошлого становится основным мотивом полотна. Тени, рефлексии, легкие мазки, сопоставление теплых и холодных тонов – Фрагонар удивительно фиксирует действительность с неожиданной непосредственностью и смелостью.

Гюбер Робер, знаменитый «живописец руин», приехал в Рим раньше Фрагонара, он был связан с соотечественниками на вилле Манчини. В 1756 г. он встретился с Фрагонаром, и с тех пор их связывала тесная дружба. Восхищение Робера вызывала античная и ренессансная архитектура.

Рисунки «Храм Весты или Сивиллы в Тиволи» (1760 – 1761, рисунок, Музей искусств, Безансон), «Фонтан Помоны и аллея де Сен-Фонтан на вилле д'Эсте» (1760 – 1761, рисунок, Музей искусств, Безансон), «Большие кипарисы виллы д'Эсте» (1760 – 1761, рисунок, Музей искусств, Безансон), по которым были выполнены картины «Большой каскад в Тиволи» (1756 – 1761) и «Большая лестница виллы д'Эсте» (1760 – 1761) интересны для рассмотрения в подобном контексте.

Значительное влияние на творчество Фрагонара оказала итальянская живопись, преимущественно XVII – XVIII вв. Он создавал импровизации на античные темы – вакхические сцены 1760-х гг., например, на полотне «Диана и Эндимион» (1753 – 56, х.м., Национальная галерея искусства, Вашингтон). В эти годы возникли замечательные пейзажные рисунки Фрагонара, полные воздуха и света. Передавая атмосферную дымку, игру солнечных лучей в аллеях, он вводил в рисунок нежные светотеневые переходы,

обогащая технику сангины, бистра или туши с размывкой.

В рисунке Фрагонара обычно использовал сангину, предпочитая достигать разнообразных оттенков красновато-коричневого цвета. Также он работал в технике рисунка пером, коричневым бистром и лависом (отмывка кистью по бистру). Работы художника, выполненные во время его первого итальянского путешествия, полны неподражаемой легкости и очарования. Градация пышной зелени, аллея со стройными кипарисами, античных построек в окрестностях вилл, открывающихся в окружении деревьев, водопадов и фонтанов – тема пейзажей художников многих поколений.

Особенность, определяющая работы первой поездки Фрагонара, заключается в том, что он вводит в пейзаж изображения фигур людей. По-видимому, первые изображения бытовых сцен из крестьянской жизни в интерьере были выполнены именно в период первой поездки в Италию: «У очага» (1756 – 1761), «Увязшая повозка» (1756 – 1761) (Париж, Лувр).

«Сады виллы д'Эсте» (1760 – 1761, Вена, Галерея Альбертина), «Вход в Фантаноне» (1760 – 1761, Музей искусств, Безансон); «Фонтан у полуциркульной лестницы» (1760 – 1761, Безансон, Музей искусств), «Большие кипарисы д'Эсте» (1760 – 1761, Музей искусств, Безансон) – это виртуозно исполненные композиции Жана Оноре Фрагонара, созданные в конце первого путешествия в Италию в 1760 г. Картины несут в себе некий «романтический» реализм в сочетании с традиционным топографическим видом.

Вторая поездка в Италию состоялась в 1773 г. Путешествующие европейские аристократы, желая сохранить в памяти красоты увиденных итальянских местностей, обращались к художникам, поэтому вкусы и представления заказчиков могли косвенно оказать влияние на общий характер пейзажного образа. Французский коллекционер, богатейший чиновник Бержере де Гранкур, пригласил Фрагонара в сопровождении жены в качестве рисовальщика в Grand Tour по Италии. Фрагонар начал делать дорожные зарисовки еще в пределах Франции. Одно из знаменитых произведений той поры – «Общественная печь близ Негрпелиса» (1773, Альбертина, Вена) – интересно выбранной тематикой. На другом рисунке, выполненном сангиной, изображена остановка дорожных карет, расположенных под увесистыми деревьями, ветви которых, то бликующие, то сияющие солнечными пятнами, заполняют всю поверхность работы. В Генуе Фрагонар делает замечательный набросок бистром, изображающий нависшую над морем скалу. Италия во время второй поездки предстает перед взором художника с другой стороны. Чаще его интересуют уличные постановки и изображение простых людей. Помимо избираемых мотивов замечательно изменение в передаче пейзажа.

Бержере де Гранкур вел записи во время их пребывания в Италии, благодаря чему годами позже они были опубликованы в книге «Voyage d'Italia» в Париже (1895 г.). Опираясь на эти данные дневника,

можно судить о продуктивной, постоянной работе художника. В отличие от ранней поездки Жана Оноре Фрагонара сам его творческий процесс преобразился. Примером чему может служить «Вид моста Сан Стефано около Генуи» (1773 – 1774, Безансон, Художественный музей) и «Вид побережья в окрестностях Стефано» (1773 – 1774, Безансон, Художественный музей). В Риме и его окрестностях художник исполняет зарисовки парков – «Римский парк с кипарисами», «Римский парк с фонтаном» (оба 1773 – 1774, Альбертина, Вена), «Тенистая аллея» (1773 – 1774), «Вид итальянского парка» (1773 – 1774, частное собрание).

Уличные сценки, пейзажи разных городов и их окрестностей, архитектура привлекали его внимание, однако, в большей степени художника интересовали портретные зарисовки: «Голова монаха» (1773 – 1774, бистр на картоне, Нью-Йорк, частная коллекция), «Голова восточного человека» (1774, бистр на картоне, Нью-Йорк, частная коллекция), «Молодой римлянин с бутылкой» (1773 – 1774, бистр на картоне, Нью-Йорк, частная коллекция).

Рисунки, исполненные сангиной или в технике итальянского карандаша, «Тележка с быками» (1773 – 1774, частное собрание), «Вид склепа, открытого в Помпеях около Везувия» (1773 – 1774, Музей декоративного искусства, Лион) – декоративны, особенное внимание художник уделяет передаче световоздушной среды.

К 1770-м гг. пейзаж Фрагонара меняется. Подчеркнуто реалистичные работы приходят на смену помпезным, вычурным пейзажам, изображающим «яркость» природы. Все чаще место украшенной природы занимает природа обычная («Берег моря близ Генуи», сепия; 1773, Безансон, Музей изящных искусств и археологии). Художественная атмосфера в Италии в эти годы была уже новой. На вилле Медичи в Риме учились молодые классицисты – Венсан, Сюве, Менажо. Но Фрагонар привез из Италии не произведения, основанные на жестких требованиях принципов классицизма, а реалистические пейзажи и бытовые сцены.

Итальянские впечатления сформировали уникальную творческую манеру Ж.О. Фрагонара, этот период стал временем развития его дара художника-графика, мастера живого этюда, обогатил как живописную манеру, так и жанровую структуру его творческого наследия.

Классическая пейзажная система была своего рода готовой универсальной формой видения окружающего мира, идеальным природным объектом оставалась Италия. Ее абстрактная красота, отраженная в пейзажах, основывалась на представлениях о величии исторического прошлого. В натуральных рисунках художника, отличающихся разнообразием изобразительных мотивов, наряду с техническим мастерством проявляется непосредственность восприятия итальянской природы, стремление к передаче ее своеобразия. На основе натуральных впечатлений Фрагонар писал сочиненные пейзажи, в которых художественное совершенство в сочетании с абстракт-

ностью изображения поражают восприятие абсолютной и универсальной красотой итальянской природы.

Хочется отметить выдающуюся роль итальянских работ живописца в расцвете французской живописи в XVIII столетия. Основные, постулировавшиеся классической эстетикой художественные критерии пейзажного образа – ясность и целостность – находили отражение в пейзажах мастера. Мировую славу принесли Жан Оноре Фрагонару пейзажные произведения, образы парков и аллей, созданные за время двух поездок по Италии.

1. *Муратов, П.П.* Образы Италии / П.П. Муратов. – СПб., 2009. – Т. 2: Рим. Лациум. Неаполь и Сицилия.
2. *Федорова, Е.* Жан Оноре Фрагонар / Е. Федорова. – СПб., 2004.
3. *Grand Tour. The Lure of Italy in the Eighteenth Century* / Edited by Andrew Wilton Paria Bignamini. – Tate Gallery Publishing. – 1996 – 1997.
4. *Lenoir, A.* Fragonard. Biographie Universale. Michaud t XV / A. Lenoir. – Paris, 1816.

УДК 75.01:004

С.А. Прохоров

ЖИВОПИСЬ И КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК НЕОБХОДИМЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ АРХИТЕКТУРНОЙ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается место компьютерных технологий при создании живописи в составляющей архитектурного проектирования. Анализируется, как этот процесс сопровождается постоянным поиском новых методов архитектурного творчества, а также развитием новых технических возможностей в живописи.

Живопись, искусство, история искусств, архитектура, архитектурное проектирование.

The article considers the place of computer technologies in creating art in architectural design component. The paper analyses how this process is accompanied by the constant search for new methods of architectural creativity and the development of new technical possibilities in painting.

Painting, art, art history, architecture, architectural design.

В систему современной проектной культуры активно внедряются цифровые технологии. Использование мощного компьютерного инструментария в цифровой живописи и 3D-моделировании в проектировании позволяет художникам, архитекторам и дизайнерам решать творческие задачи, в основе которых лежат одинаковые технологии, но предоставляются разные наборы электронных инструментов. Эти технологии прочно вошли в процесс создания живописных произведений художников и дали новый импульс в проектировании для архитекторов. Мультимедийный дизайн рассматривается специалистами как современная ступень в архитектурно-художественном мышлении профессионала. Именно в этом процессе проявляется синтез живописи и компьютерных технологий, что позволяет активизировать креативное мышление архитектора, адекватно подойти к решению архитектурных задач [5].

Другой вопрос каково: место компьютерных технологий в создании живописи в составляющей архитектурного и дизайнерского проектирования. Какую роль они играют в подготовке архитектора? Обучение студентов навыкам активного использования компьютера, как нового инструмента для решения цветографических, колористических задач декоративных преобразований в живописи, необходимо для развития индивидуального проектного языка, а также для раскрытия роли развития колористического и

пространственно-цветового мышления в процессе обучения декоративной живописи в высшей школе архитектуры и дизайна [2]. Для взаимодействия с цифровой техникой художнику и дизайнеру необходимо средство, отражающее в понятных категориях эту нетипичную для него сферу деятельности. Формирование такого языка возможно на базе мультимедийных технологий. Их значимость в труде дизайнера на сегодняшний день невозможно недооценивать.

В течение последних 20 лет компьютер в архитектурном проектировании превратился из машины, применяемой для аналитических и количественных вычислений, в машину, генерирующую динамические изображения, позволяющие создавать фотореалистические изображения и даже, более того, моделировать мир в виде виртуальной реальности (рис. 1). Этот процесс сопровождается постоянным поиском новых методов и теории архитектурного творчества, а также развитием новых технических возможностей. Возникновение компьютеров коренным образом изменило жизнь человека [1].

В том, что архитекторы, создавая архитектурные объекты на стадии проектирования, рассматривали живописные произведения как составную художественную часть – это исторически сложившаяся эстетическая традиция. Эта традиция прослеживается в творчестве человека с древнейших времен до на-

стоящего времени, которому свидетельствуют примеры станковых произведений художников от пейзажа до исторических сюжетных картин, монументальная живопись интерьеров и фасадов общественных сооружений, мозаик, декоративных скульптур. Из истории зодчества можно привести примеры решений архитектурных пространств, в которых живопись решала не только пластическую, а еще эмоциональную, духовную, эстетическую часть среды обитания.

Рис. 1. Проект здания.
3D визуализация создающая иллюзию реальности проектируемого объекта

Существует определенная человеческая потребность в эстетическом восприятии действительности, это своего рода «заказ красоты». Такое проявление в архитектуре на данный «заказ» – это дополнение художественными произведениями окружающего нас архитектурного пространства. В этой связи архитектору, художнику-архитектору, архитектору-дизайнеру на уровне идеи-концепции в проектировании есть необходимость закладывать живописную часть в целях реализации своего замысла. Из истории известно, что правители государств всех времен уделяли огромное внимание художественным произведениям, художественно-образной составляющей жизни человека. Они обращались к художникам и архитекторам с разными целями, например: усилить свою власть, отразить свое величие как правителя, воспитать покорность в народе посредством создания монументальных, давящих на сознание объектов архитектуры. В современных условиях архитектурные задачи в целом носят гуманистический характер и направлены на благо человека, на создание состояния комфортности архитектурной среды. Эту сложную задачу позволяют решать специалисту, в том числе, и компьютерные технологии.

Компьютерные программы Photoshop, Corel Draw, Artlantis и др. новые технологии используются при создании современной станковой и монументальной живописи 3D-art, Art-strit, Спрей-арт. Современным художникам необходимо владеть компьютерными технологиями в процессе проектирования архитектурного пространства: зданий, интерьеров жилых и общественных сооружений. Компьютерная живопись в архитектуре выступает как важная часть формирования эстетической культуры в части инженерно-художественного подхода к объек-

там урбанистической среды и предметного мира, как важная часть компьютерного визуального 3D-проектирования с использованием программ ArchiCAD, 3DS Max, AutoCAD, Sketchup, Artlantis, V-Ray. Компьютерная живопись рассматривается в научной литературе как новая ступень эстетического опыта дизайнера [4]. В последнее время современные компьютерные технологии все более активно проникают в художественные процессы создания живописных произведений, связанных с архитектурой (рис. 2). Рост интереса к компьютерной живописи происходит благодаря поискам художниками новых изобразительных форм, творческих идей и возможностей в соответствии с возрастающими темпами развития технологий архитектурного проектирования. Живопись способствует организации художественно-эстетического архитектурного пространства, его цветового решения, гармонизации элементов архитектурной среды. Феномен живописи состоит в «очеловечивании» архитектурных и урбанизированных сооружений. Живопись создает неповторимую, оригинальную среду, используя в своем арсенале как новые технологии, так и средства накопленных знаний в сфере синтеза художественных произведений предыдущих эпох.

Рис. 2. Дизайн-студия «Арт-Стиль».
Живопись в интерьере, выполненная при помощи компьютерных технологий зданий

Совершенствование живописных технологий в архитектуре происходило поэтапно в течение многих веков. Поиски художников по модернизации технических средств для создания более долговечных произведений, поиска более новых, более совершенных приемов живописи происходили постоянно. Из века в век, поэтапно совершенствовалась технология живописи, создавались новые более стойкие краски, грунты. За это время в художественном мире возникали новые течения, стили и направления, новые творческие требования к живописным монументально-декоративным произведениям. Опосредованность «социальным заказом» отражалась в создании архитектурных сооружений, городских ансамблей, в решениях новых инженерных, творческих и эстетических задачах. Архитектурный облик городской среды – это очень динамичная конструкция, а его художественная составляющая всегда отражает социальные изменения в обществе, его эстетические пред-

почтения и технический прогресс. Динамика происходит и внутри самих электронных технологий. Новые современные компьютерные программы, их технические возможности в большей степени соответствуют новым конструктивным и эстетическим и требованиям архитектурного проектирования, чем программы конца XX в.

Достижению высоких творческих результатов в монументальной и станковой живописи, связанной с архитектурой, способствуют современные компьютерные программы, позволяющие создавать объекты посредством компьютерного моделирования на новом уровне – посредством визуализации, геометрических построений, фрактальной геометрии. Живописные произведения могут не только «украшать» стены интерьеров в виде росписей различных сюжетов, но и менять их геометрию, расширять и изменять пространство, отодвигать стены, делать выше потолки, создавать иллюзии путем изображения на плоских стенах фасадов и интерьеров образов, давно минувшего или будущего времени (рис. 3). Использование произведений живописи в решении архитектурных целей при проектировании объектов расширяет возможности архитектора, помогает решать дополнительные, цветовые, изобразительные и пластические задачи, создавать иллюзии несуществующей реальности. Отсюда следует то, что вопрос о значении и роли живописи в архитектурном проектировании остается всегда актуальным.

Рис. 3. Иллюзии реальности изменения архитектурного пространства. Живопись выполненная на плоских стенах фасадов

Современная живопись, как и архитектурное проектирование, все чаще ассоциируется с понятием «компьютерные технологии» и приобретает огромную популярность во всем мире. Новые, передовые компьютерные технологии в живописи используются как на стадии архитектурного замысла и создания

эскизов, так и в процессе воплощения произведения в реальной архитектуре. Исходя из этого, можно с уверенностью говорить, что роль живописи в архитектурной подготовке специалистов не утратила своей значимости как в профессионально-техническом, так и художественном плане.

Взаимодействие живописи и электронных технологий перешло на новый технический уровень в учебном процессе при подготовке архитекторов и в реальном проектировании, а также при создании живописных произведений, связанных с архитектурным пространством, для удовлетворения эстетической и эмоциональной потребностей человека. В настоящее время существует необходимость создания условий для подготовки поколения творческой, интеллектуально мыслящей личности, с учетом современных тенденций в архитектурно-художественном творчестве [5]. Именно посредством архитектурно-художественного образования происходит внедрение процесса синтеза живописи и компьютерных технологий в архитектурно-художественной практике. Требуется активное внедрение инновационных технологий как нового инструмента профессионального образования, их непрерывное изучение с художественной и методической точек зрения. Проблема развития художественного творчества в архитектурно-дизайнерской подготовке с использованием компьютерных технологий, на наш взгляд, является важным звеном в сфере профессионального образования.

Литература

1. *Асанович, А.* Компьютерные средства и эволюция методологии архитектурного проектирования / А. Асанович // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat. – 2007.
2. *Прохоров, С. А.* Живопись для архитекторов и дизайнеров / С. А. Прохоров, А. В. Шадури. – Барнаул, 2008.
3. *Шадури, А.В.* Компьютерная техника как новый инструмент в декоративной живописи / А.В. Шадури // Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. – 2010. – № 1. – С. 87 – 88.
4. *Яцюк, О.Г.* Компьютерное проектирование как новая ступень эстетического опыта // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда / О.Г. Яцюк // Вестник МГХПУ. – 2008. – № 2. – С. 123 – 127.
5. *Яцюк, О.Г.* Мультимедийные технологии в проектной культуре дизайн: гуманитарный аспект: автореф. дис. ... д-ра искусствоведения / О.Г. Яцюк. – URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-iskusstvovedenie/a42.php>

УДК 159.9

Н.А. Канаева

Научный руководитель: доктор психологических наук, профессор К.Б. Мальшев

РОЛЬ МОТИВАЦИОННОГО И ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТОВ В СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТЕХНИКУМА

Рассматриваются два основных компонента профессиональной идентичности: мотивационный и ценностный. Анализируются результаты эмпирических исследований, основная цель которых – изучение влияния этих компонентов на становление профессиональной идентичности студентов железнодорожного техникума.

Профессиональная идентичность, идентичность, мотивационная сфера, ценностные ориентации, профессиональное становление личности.

The two main components of professional identity are considered in the paper: motivational and value. The results of empirical research, the main purpose of which is to study the influence of these components on the formation of professional identity of railway technical school students are analysed in the article.

Professional identity, identity, motivation, values, professional formation of a person.

На сегодняшний день востребованность специалистов железнодорожных специальностей достаточно велика. Важную роль в их подготовке играют средние специальные учебные заведения. Техникум, также как и другие образовательные учреждения среднего профессионального образования, располагает особыми возможностями для становления личностной и профессиональной идентичности студентов.

Отечественные исследователи представляют в своих работах различные конструкты операционализации понятия «профессиональная идентичность»: тождественность с профессиональной группой (Ю.А. Кумырина, Л.Б. Шнейдер); часть профессионального «Я» («Я-концепции») (Э.Ф. Зеер, И.Ю. Хамитова); основа для прогнозирования профессионального будущего (Н.Л. Иванова, Ю.А. Кумырина); принятие ценностей профессиональной деятельности (Е.П. Ермолаева, Н.Л. Иванова, Е.В. Конева, Ю.П. Поваренков, Л.Б. Шнейдер) [2, с. 10]. В связи с этим профессиональная идентичность рассматривается как комплекс представлений о себе как профессионале, обеспечивающий последовательное и оптимальное прохождение всех стадий профессионального становления [3, с. 9]. Таким образом, проявляется актуальность профессиональной идентичности в научном и практическом плане современного психологического исследования. В этом интегративном понятии выражается взаимосвязь когнитивных, мотивационных и ценностных характеристик личности, обеспечивающих ориентацию в мире профессий [1, с. 98].

Областью нашего исследования стало изучение влияния мотивационного и ценностного компонен-

тов на становление профессиональной идентичности студентов железнодорожного техникума. На наш взгляд, студенческие годы, совпадающие с периодом юношеского возраста, имеют для формирования личности и становления профессионала особое значение. На этом возрастном этапе формируются жизненные планы, складывается собственное мировоззрение. Именно правильно сформированная ценностно-мотивационная сфера задает устойчивую мотивацию к дальнейшему развитию, к выполнению своих профессиональных функций, обеспечивает становление профессиональной идентичности.

Обратимся к анализу результатов по мотивационному компоненту, полученные по методике В. Ядова «Факторы привлекательности профессии» (в модификации Н.В. Кузьминой, А.А. Реана). Результаты исследования показали, что количество выборов факторов привлекательности профессии больше количества выборов факторов непривлекательности. Отсюда можно наблюдать явную динамику выборов факторов привлекательности профессии. С 1 по 3 курс происходит плавное возрастание средних значений факторов привлекательности профессии. Следует также отметить, что у первокурсников присутствует меньше факторов привлекательности профессии ($\bar{X} = 28,00$), чем у остальных курсов. Но именно у 3 курсов присутствует больше факторов привлекательности ($\bar{X} = 43,91$) и непривлекательности профессии ($\bar{X} = 28,55$). Данная динамика объясняется тем, что, имея определенные представления о профессии на 1 курсе и обучаясь в техникуме, они приобретают больше знаний о своей будущей профессии, о своем месте в социальной структуре обще-

стве. Следует отметить и скачок в динамике факторов непривлекательности профессии на 3 курсе. Это можно объяснить тем, что при столкновении с реалиями многие меняют свои представления о будущей профессии, что отражается при трудоустройстве после окончания учебы.

Рассматривая данные, полученные по методике К. Замфир «Изучение мотивации профессиональной деятельности» (в модификации А. Реана), которая показывает содержание такого критерия профессиональной идентичности, как отношение человека к условиям, содержанию профессиональной деятельности, можно отметить следующее. Внешняя положительная мотивация имеет высокие средние значения на 1 курсе ($\bar{X} = 4,04$), на 2 курсе она значительно снижается ($\bar{X} = 3,84$), а на 3 курсе снова поднимается ($\bar{X} = 4,00$). Внешняя отрицательная мотивация имеет уже невысокие средние значения на 1 курсе ($\bar{X} = 3,63$), затем значительно снижается на 2 курсе ($\bar{X} = 3,48$) и поднимается на 3 курсе ($\bar{X} = 3,69$), превышая средние значения 1 курса. Снижение результатов внешней отрицательной и положительной мотивации на 2 курсе можно объяснить несформированным представлением учащихся о своей будущей профессии. Результаты нашего исследования показывают резкий спад внутренней мотивации на 2 курсе, что можно расценивать как проявление кризиса. Наступление кризиса может быть обусловлено целым рядом факторов: постепенными качественными изменениями способов выполнения деятельности, социально-профессиональной активностью личности, социально-экономическими условиями жизнедеятельности, возрастными психофизиологическими изменениями. Практика на 3 курсе способствует лучшему пониманию основ своей профессии, что сказывается на средних показателях. Но именно переживание кризиса на 2 курсе у многих студентов вызывает перестройку психологической структуры личности и способствует изменению социально-психологической направленности. Поэтому многие к 3 курсу утвердились в своем выборе профессии. Рассматривая мотивационный комплекс, мы наблюдаем, что оптимальное соотношение мотивов, то есть $ВМ > ВПМ > ВОМ$ (где $ВМ$ – внутренняя мотивация, $ВПМ$ – внешняя положительная мотивация, $ВОМ$ – внешняя отрицательная мотивация) наблюдается только на 3 курсе. Это свидетельствует о том, что именно в этот период отмечается удовлетворенность студентов выбранной профессией.

Рассмотрим основные мотивы учебной деятельности, которые можно выделить при обучении в техникуме по методике А.А. Реана, В.А. Якунина «Изучение мотивов учебной деятельности». В данной методике представлены следующие мотивы учебной деятельности:

- 1 – Стать высококвалифицированным специалистом.
- 2 – Получить диплом.
- 3 – Успешно продолжить обучение на последующих курсах (в вузе).

4 – Успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично».

5 – Постоянно получать стипендию.

6 – Приобрести глубокие и прочные знания.

7 – Быть постоянно готовым к очередным занятиям.

8 – Не запускать изучение предметов учебного цикла.

9 – Не отставать от сокурсников.

10 – Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности.

11 – Выполнять педагогические требования.

12 – Достичь уважения преподавателей.

13 – Быть примером для сокурсников.

14 – Добиться одобрения родителей и окружающих.

15 – Избежать осуждения и наказания за плохую учебу.

16 – Получить интеллектуальное удовлетворение.

Рассматривая средние показатели мотивов учебной деятельности, можем отметить, что большие значения имеет 2 мотив – получить диплом, далее 1 мотив – стать высококвалифицированным специалистом и 10 мотив – обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности. Эти мотивы относятся к группе профессиональных и свидетельствуют о том, что большинство студентов стремятся самоутвердиться, получить профессию как необходимую предпосылку для профессиональной деятельности. Не менее важными являются мотивы: успешно продолжить обучение на последующих курсах и успешно учиться, сдавать экзамены на «хорошо» и «отлично». Эти мотивы интеллектуально-познавательного плана особенно важны. Они осознаваемы, характеризуют стремление личности к расширению кругозора, углублению, систематизации знаний. Следуя таким мотивам, студенты настойчиво и увлеченно работают с учебным материалом, активны при прохождении производственной практики. Наиболее низкие показатели у 16 мотива – получить интеллектуальное удовлетворение, 11 – выполнить педагогические требования и 12 – достичь уважения преподавателей.

Итак, проанализируем полученные результаты по мотивационному компоненту профессиональной идентичности. Анализ полученных результатов исследования позволяет увидеть следующую динамику. Особенно выражено проявление мотивационного компонента на 1 курсе, что показывают показатели типов мотивации, факторов привлекательности профессии. У первокурсников имеют высокие показатели факторы привлекательности профессии, внутренняя мотивация, базирующаяся на мотивационной сфере личности и внешняя положительная мотивация. В этот период имеют высокие показатели также мотивы: «стать высококвалифицированным специалистом», «обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности», «получить диплом», «приобрести глубокие и прочные знания». На 2 курсе происходит спад, снижение показателей мотивационного компонента. Это связано с несовпадением субъективных представлений о своей будущей про-

фессиональной деятельности с реальностью, и, как было замечено, приводит к резкому ухудшению отношения к будущей специальности. Как показывают результаты исследования, это, в свою очередь, приводит к снижению интеллектуально-познавательных мотивов по отношению к данной деятельности. На 3 курсе отмечается повышение показателей факторов привлекательности профессии, типов мотивации. Следует также отметить, что важным мотивом становится мотив «получить диплом», а мотив «стать высококвалифицированным специалистом» становится менее актуальным. Таким образом, на 2 и 3 курсе отмечаются кризисы профессионального становления личности. В связи с этим является значимой организация работы по формированию у студентов активного интереса к избранной профессии, начиная с 1 курса, и поддержка и развитие внутренней мотивации в период всего обучения в техникуме. Ведь именно интерес является одним из постоянных и сильнодействующих мотивов деятельности человека. Очень важно, чтобы у студента сформировалось правильное понимание сущности профессионального самоопределения и мотивации профессиональной деятельности.

Немаловажную роль играет и ценностный компонент, рассмотрим полученные результаты по данному компоненту профессиональной идентичности. Как было установлено, ценности носят социальный характер и прививаются обществом. Поэтому в формировании ценностных ориентаций важное значение играют те из них, которые присущи социальному окружению подростка. Рассмотрим данные, полученные по методике М. Рокича «Ценностные ориентации». Среди терминальных ценностей высокие показатели имеют такие ценности, как: «здоровье» на всех курсах обучения, на 1 курсе преобладают ценности: – «здоровье» ($\bar{X} = 14,09$), «счастливая семейная жизнь» ($\bar{X} = 13,71$), «наличие хороших и верных друзей» ($\bar{X} = 13,56$), «уверенность в себе» ($\bar{X} = 12,94$). Средние показатели: «любовь» ($\bar{X} = 12,57$), «активная деятельность жизни» ($\bar{X} = 11,2$), «познание» ($\bar{X} = 10,44$), «творчество» ($\bar{X} = 9,35$), «материально обеспеченная жизнь» ($\bar{X} = 9,25$). Низкие показатели: «свобода» ($\bar{X} = 6,2$), «продуктивная жизнь» ($\bar{X} = 5,99$), «развлечения» ($\bar{X} = 4,23$).

На 2 курсе высокие результаты имеют следующие ценности: «здоровье» ($\bar{X} = 11,21$), «развитие» ($\bar{X} = 10,7$), «активная деятельность жизни» ($\bar{X} = 10,38$), «интересная работа» ($\bar{X} = 10,32$), «уверенность в себе» ($\bar{X} = 10,27$), «наличие хороших и верных друзей» ($\bar{X} = 10,21$), «любовь» ($\bar{X} = 10,0$). Средние показатели: «красота природы и искусства», «жизненная мудрость», «свобода», «счастье других и общественное признание». Низкие показатели у ценностей: «творчество» ($\bar{X} = 8,47$) и «развлечения» ($\bar{X} = 8,1$).

На 3 курсе высокие показатели у ценностей: «здоровье» ($\bar{X} = 13,42$), «любовь» ($\bar{X} = 12,56$), «уверенность в себе» ($\bar{X} = 12,19$), «активная дея-

тельность жизни» ($\bar{X} = 12,16$), «наличие хороших и верных друзей» ($\bar{X} = 12,04$), «материально обеспеченная жизнь» ($\bar{X} = 10,9$), «интересная работа» ($\bar{X} = 10,64$). Средние показатели: «счастливая семейная жизнь» ($\bar{X} = 10,26$), «жизненная мудрость» ($\bar{X} = 10,1$), «свобода» ($\bar{X} = 9,24$). Низкие показатели: «развлечения» ($\bar{X} = 6,55$) и «счастье других» ($\bar{X} = 3,87$).

Анализируя иерархию ценностей, следует обратить внимание на то, что уже на 2 курсе высокие результаты имеют ценности профессиональной самореализации в личной жизни. А на 3 курсе ценности первых мест связаны с реализацией себя в жизни, и не только в профессии. Также, судя по результатам, такая ценность как «познание» имеет невысокие значения.

Рассмотрим иерархию инструментальных ценностей. На 1 курсе высокие показатели имеют ценности: «воспитанность», «аккуратность», «жизнерадостность», «терпимость», «независимость». Средние показатели – «честность», «образованность», «исполнительность». Низкие показатели – «эффективность в делах», «непримиримость к недостаткам в себе и других».

На 2 курсе высокие показатели у ценностей: «аккуратность», «воспитанность», «исполнительность», «жизнерадостность», «независимость», «терпимость». Средние результаты – «образованность», «высокие запросы», «непримиримость к недостаткам в себе и других». Низкие показатели – «честность», «чуткость».

На 3 курсе высокие показатели у ценностей: «воспитанность», «аккуратность», «образованность», «жизнерадостность», «исполнительность», «независимость». Средние показатели наблюдаются у ценностей – «ответственность», «честность», «терпимость», «смелость в отстаивании своего мнения, своих взглядов». Низкие показатели: «высокие запросы» и «непримиримость к недостаткам в себе и других».

Анализ результатов показывает, что доминируют этические ценности на всех курсах обучения, высокие результаты имеют на 3 курсе ценности самоутверждения. Важно отметить, что высоко ценятся такие ценности, как: «образование», «исполнительность», «ответственность», что важно как в жизни, так и в будущей профессии.

Далее рассмотрим полученные результаты по методике И.Г. Сенина «Опросник терминальных ценностей». Следует отметить, что почти все показатели имеют равные значения. Наиболее высокие показатели на 1 курсе у ценностей: «достижения», «высокое материальное положение», «духовные удовлетворения», «развитие себя». Далее располагаются: «активные социальные контакты», «сохранение собственной индивидуальности», «собственный престиж» и «креативность». На 2 курсе – «достижения», «развитие себя», «высокое материальное положение», «духовные удовлетворения». На 3 курсе первое место занимают «достижения», на втором месте – «высокое материальное положение», на третьем мес-

те – «развитие себя». Низкие результаты у креативности. Такие данные свидетельствуют о наличии ценностно-ориентационного единства студентов железнодорожного техникума.

Анализ показателей жизненных сфер показал, что на 1 курсе высокие значения имеет «сфера обучения и образования», что говорит о мотиве поступления в техникум – получить образование. Динамика жизненных сфер выглядит следующим образом. После «сферы обучения и образования» следует «сфера профессиональной жизни», что опять же указывает о профессиональной направленности первокурсников. Сфера профессиональной жизни имеет схожую динамику развития на 2 и 3 курсе. Третье место занимает «сфера семейной жизни», затем «сфера увлечений» и на последнем месте – «сфера общественной жизни». Рассматривая полученные результаты на 2 курсе, мы видим, что первое место у «сферы обучения и образования», хотя по значениям по сравнению с 1 курсом они значительно снижены. Далее – «сфера профессиональной жизни», «сфера семейной жизни», «сфера увлечений» и «сфера общественной жизни». На 3 курсе мы наблюдаем похожую динамику, на первом месте также «сфера обучения и образования», а на последнем – «сфера общественной жизни».

Отметим, что самые высокие средние показатели по сферам наблюдаются у первокурсников, далее происходит резкий спад на 2 курсе и некоторая стабилизация результатов на 3 курсе. Полученные результаты говорят о наличии кризиса на 2 курсе обучения, что связано со столкновением идеальных представлений первокурсников о своей будущей специальности и реальных на 2 курсе обучения. Можно выделить динамику «сферы увлечений», где ее высокие показатели отмечены на 1 курсе, затем на 2 курсе снижены, а на 3 курсе снова приобретают актуальность. «Сфера семейной жизни» более значима на 1 курсе, затем идет тенденция к снижению на 2 курсе и далее на 3 курсе. Менее актуальна в сравнении с другими сферами по курсам «сфера общественной жизни».

При рассмотрении данных, полученных по методике М. Рокича и Г. Олпорта «Не стандартизированное интервью», можно отметить следующие тенденции. Данная методика направлена на выявление принятия школьных, студенческих и профессиональных ценностей.

Проанализируем полученные результаты и рассмотрим динамику принятия школьных, студенческих и профессиональных ценностей. На первом курсе в большей степени представлены школьные ценности, затем располагаются студенческие и меньше всего профессиональные. На втором курсе снова на первом месте школьные ценности, затем профессиональные и меньше студенческие. Расхождения между профессиональными и студенческими ценностями незначительны. На третьем курсе по-прежнему первое место у школьных ценностей, затем незначительно уступают профессиональные, на третьем месте – студенческие. На первом курсе самые высокие значения совпадений собственных и школьных ценностей, на втором – собственных и студенческих.

Таким образом, мы видим, что учащиеся не ощущают себя в полной мере профессионалами и студентами, особенно на 1 курсе. Для многих близки школьные ценности, и лишь со 2 курса они начинают приобретать больше информации о своей будущей профессии, что способствует формированию реальных представлений о ней. Также на 2 курсе появляется больше специальных дисциплин, а прохождение производственной практики на 3 курсе помогает многим осознать свою принадлежность к данной профессии или, наоборот, разочароваться в своем выборе.

Рассматривая ценности по курсам, можно отметить наиболее актуальные из них для студентов. У первокурсников по частоте встречаемости можно отметить такие ценности, как: «дружба», «физическое здоровье», «активная деятельная жизнь», «воспитанность». На 2 курсе чаще встречаются: «дружба», «физическое здоровье», «активная деятельная жизнь», «физическая любовь». У третькурсников лидирующее положение занимают: «дружба», «физическое здоровье», «активная деятельная жизнь», «воспитанность», «уверенность в себе», «развлеченность», «образованность».

Результаты, полученные по данной методике, подтверждают результаты, полученные по методике М. Рокича «Ценностные ориентации». А это помогает сформировать ценностно-ориентационный портрет студента железнодорожного техникума, где приоритетными являются такие ценности, как: «здоровье», «активная деятельная жизнь», «достижения», «уверенность в себе», «образованность», «исполнительность», «жизнерадостность», «интересная работа», «любовь».

Учитывая все полученные результаты, мы можем сделать вывод, что именно мотивационная сфера и система ценностей, которая формируется в период обучения в техникуме, играют важную роль в профессиональном становлении личности. В связи с этим является актуальным организация работы по формированию у студентов активного интереса к избранной профессии, начиная с 1 курса, и поддержка и развитие внутренней мотивации в период всего обучения в техникуме. Ведь именно интерес является одним из постоянных и сильнодействующих мотивов деятельности человека. Очень важно, чтобы у студента сформировалось правильное понимание сущности профессионального самоопределения и мотивации профессиональной деятельности, а также правильная система ценностей.

Литература

1. *Иванова, Н.Л.* Профессиональная идентичность в социально-психологических исследованиях / Н.Л. Иванова // Вопросы психологии. – 2008. – № 1. – С. 89 – 96.
2. *Родыгина, У.С.* Психологические особенности развития профессиональной идентичности студентов – будущих психологов: автореф. дис. ... канд. псих. наук / У.С. Родыгина. – Курск, 2007.
3. *Скибо, Т.Ю.* Педагогические условия становления профессиональной и личностной идентичности студентов колледжа: дис. ... канд. псих. наук / Т.Ю. Скибо. – Воронеж, 2004.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЕНЗИТИВНОСТИ К ОПАСНОСТЯМ

*Работа выполнена в рамках реализации Государственного задания
Министерства образования и науки РФ на 2013 г.
«Психологические факторы и условия формирования безопасного типа личности»*

Статья посвящена выявлению и описанию психологической структуры сензитивности к опасностям у старших школьников и студентов. На основе корреляционного анализа выявлены статистически значимые связи между общим индексом сензитивности и отдельными ее проявлениями в различных сферах жизнедеятельности. Установлено, что психологическую структуру сензитивности к угрозам составляют способности к контролю ситуации и прогнозированию последствий своих действий и действий других людей с позиций безопасности. Непременным условием развития названных способностей является высокая нормативность поведения личности в ситуациях угрозы.

Отношение к опасностям, сензитивность к угрозам, способы реагирования в ситуациях опасности, психологическая структура сензитивности, старшие школьники, студенты.

The article is devoted to the identification and description of the psychological structure of the sensitivity to threats of senior pupils and students. Based on correlation analysis we identified the statistical association between the index of sensitive and its demonstration in different spheres of life. Also we found out that the sensitivity to threats consists of ability to control the situation and forecasting of the consequences of their actions and the actions of others in terms of security. High normative behavior of the individual in situations of threats is an indispensable condition for development of abilities listed above.

Attitude to dangers, sensitivity to threats, ways to respond to situations of danger, psychological structure of sensitivity, senior pupils, students.

В настоящее время термин «сензитивность» достаточно широко используется в современной науке, в том числе и в психологии. Говорят о сензитивности как черте характера, о сензитивности к человеку как профессиональном качестве психолога, педагога, медицинского или социального работника. В возрастной психологии существует понятие сензитивных периодов развития и др.

Применительно к заявленной теме «сензитивность к опасностям» не является распространенным термином, хотя в житейской психологии данное понятие зафиксировано в языке достаточно четко. Например, существуют выражения: «чувство опасности», «нюх на опасность», «интуиция к угрозам» и т.п. В науке «сензитивность к опасностям» употребляется, но специального обоснования и описания, как правило, не дается. В то же время ряд ученых, не раскрывая содержания данного понятия, тем не менее, говорят о нем, как о существующей реальности. Например, В.П. Соломин с сотрудниками пишет о чувствительности к опасностям, понимая под ней способность человека к обнаружению сигналов опасности, которая зависит от индивидуально-типических особенностей личности [6]. В содержательном плане наиболее полно феномен сензитивности к опасностям раскрыл М.А. Котик [1]. На основе серии экспериментальных исследований им было установлено, что восприятие события как угрожающего определяется его отрицательной валентностью (значимостью для личности) и оценкой вероятности его наступления. Таким образом, чтобы жизненное событие воспринималось как угрожающее и обраща-

ло на себя внимание человека, оно должно обладать высокой отрицательной валентностью. Индивидуальные же варианты проявления этого закона очень вариативны. Для одного человека получение небольшой царапины даже при невысокой вероятности наступления события воспринимается как угроза жизни. Для другого – возможность серьезной травмы при высокой вероятности – факт не стоящий, чтобы на него обращать особого внимания.

Попытаемся охарактеризовать данный феномен более подробно. Прежде всего, следует констатировать, что под *опасностью* в широком смысле следует понимать любое воздействие (или изменившееся состояние объекта), способное нанести вред или ущерб природе, человеку, группе людей, обществу, живому существу, механизму, системе. *Угроза*, в свою очередь, – это опасность, наступление которой носит вероятностный характер. Любое событие, ситуация, обстоятельство, процесс при определенных условиях могут расцениваться как опасность, если их воздействие наносит вред или ущерб. Факторы, способные нанести вред или ущерб личности, располагаются на некоторой временной оси: настоящее – будущее – прошлое. Кроме того, они могут быть ожидаемыми и неожиданными. Чаще неожиданными являются события настоящего. Угрозы будущего – всегда ожидаемы, если они как таковые зафиксированы в сознании личности. События прошлого – ретроспективны, если они нанесли вред, изменить ничего нельзя. В то же время они позволяют личности приобрести уникальный опыт, что дает возможность избегать подобных ситуаций в будущем.

Представление об опасности у человека формируется постепенно и связано с приобретаемым опытом. У дошкольников и младших школьников (первоклассники и второклассники), по нашим данным, представления об опасности еще четко не сформированы [4]. Дети опасным считают то, о чем предупреждают их взрослые или отражают конкретные ситуации, где они пережили отрицательные эмоции. Например: «испугался собаки», «глубоко зашел в воду», «болел», «упал с лестницы», «нельзя зажигать спички», «нельзя бегать по стройке» и т.д. Однако, начиная с подросткового возраста, такие представления становятся более четкими и дифференцированными. Опасными считаются ситуации ДТП, ограбления, избиения, пожар, болезни, то есть в основном – это ситуации, связанные с угрозой жизни и здоровью. И только постепенно, по мере взросления все больший вес, точки зрения осознания значимости набирают угрозы психологического и социального характера. Здесь на первый план выдвигаются переживания, связанные с конфликтами с другими людьми, отрицательными последствиями невыполненных дел, социальное неблагополучие: бедность, отсутствие или боязнь потерять работу и т.д.

Поскольку существуют опасности, то у человека формируется и определенное отношение к ним. Одну из сторон такого отношения и составляет *сензитивность к угрозам*, другую – *способы реагирования*, которые могут быть как адекватными, то есть в наибольшей степени способствовать позитивному разрешению ситуации, так и неадекватными, связанные либо с преувеличением значения опасности, либо с преуменьшением ее, вплоть до полного игнорирования.

В настоящей статье нас интересует сам феномен сензитивности и его психологическая структура. Под *сензитивностью к опасностям* мы будем иметь в виду способность человека из множества воздействующих на него внешних (или внутренних) факторов, выделять такие, которые являются угрожающими для его жизни, здоровья, психологического или социального благополучия или наносят ущерб его окружению. Идентификация того или иного фактора как угрожающего определяется его негативной валентностью и вероятностью наступления. Чем выше негативная значимость фактора и ниже вероятность наступления события, при которой возникает тревога, тем сензитивнее человек. В предыдущих наших исследованиях при изучении старших школьников и студентов было установлено, что чувствительность к опасностям с возрастом повышается, связана определенным образом с удовлетворенностью или неудовлетворенностью потребностей в безопасности. Высокий ее уровень создает благоприятные предпосылки для выбора адекватных способов реагирования в ситуациях опасности [2], [4].

Целью настоящей работы является определение некоторых процессуальных и содержательных характеристик сензитивности человека к угрозам. Нас интересует два момента. Один теоретический – каким образом человек эмоционально или рационально

идентифицирует определенные признаки как опасные для себя или для ближайшего окружения. Другой – содержательно-практический – какова психологическая структура и проявления сензитивности к опасностям.

Обратимся к первой проблеме. Распознавание опасности может осуществляться либо на рациональном, либо на эмоциональном уровнях. Однако известно, что генетически более ранней формой распознавания является действие. Например, животное на любое неожиданное воздействие раздражителя реагирует либо движением от опасности (убегание), либо замиранием, либо движением в сторону опасности (защита). Такой способ обнаружения опасности обусловлен инстинктом самосохранения. У человека мы также сталкиваемся с подобным способом обнаружения угрозы. Например, неожиданный сильный звук заставляет человека вздрогнуть или отпрыгнуть в сторону, а только потом он «пугается» и оценивает его с позиций опасности или безопасности.

В то же время люди в своей жизни чаще сталкиваются не только и не столько с опасностями непосредственной угрозы жизни, сколько с угрозами своему психологическому и социальному благополучию. В этих случаях действия, способы реагирования на опасность удалены во времени и опосредованы либо эмоциональной, либо рациональной оценкой воспринимаемой угрозы. Иногда сложно в своих оценках выделить приоритеты, все происходит практически одновременно: испугался и осознал опасность, или осознал опасность и поэтому испугался. Многое зависит от источника опасности, готовности к встрече с ней, ожиданий, прошлого опыта, личностных особенностей и многого другого. В психологии имеются попытки описать эмоциональное реагирование человека в зависимости от потребностей, наличной информации и информации, необходимой для совершения действия. Как мы помним – это известная информационная теория эмоций П.В. Симонова [5]. С позиций когнитивно-эмотивной психологии рациональная оценка события первична, и от нее уже зависит характер эмоциональных переживаний (А. Эллис [7]). Все же реальный опыт и практика показывают, что здесь возможны различные сочетания. В одних ситуациях доминирует рациональная оценка, и только потом возникают (а могут и не возникать) эмоции. Нередки и такие ситуации, когда мы первоначально реагируем на воздействующий раздражитель эмоционально, и только затем осознаем меру его опасности для себя.

Обратимся к другой значимой проблеме: как человек распознает сигналы угрозы, какова психологическая структура сензитивности? Человек, попадая в ситуацию взаимодействия с каким-либо фактором, событием и т.п. и опираясь на определенные признаки, осуществляет его оценку как опасного или безопасного для себя и других людей (или объектов, процессов). Если воздействие оценивается как опасное, то тут же оценивается и степень, мера такой опасности. Понятно, что сензитивный к угрозам человек уже по незначительным признакам способен

оценить опасность и ее меру. Правда, это не означает, что он будет действовать адекватно ситуации. Он может, обнаружив опасность, проигнорировать ее или существенно преувеличить. Обладание таким качеством как чувствительность к угрозе еще не гарантирует и того, что личность будет вести себя адекватно ситуации и принятым нормам. Несензитивных к угрозам людей не существует. Явные признаки опасности, особенно жизни и здоровью, фиксируются всеми людьми, если они не подвержены выраженным отклонениям в развитии и психическим заболеваниями. В реальности же существуют люди с пониженной чувствительностью к опасностям, и таких немало. Они либо просто не замечают признаки надвигающейся угрозы, либо, замечая, не придают им должного значения и тут же забывают. Чтобы такой человек начал реагировать на раздражитель, неважно, адекватно или неадекватно, он (раздражитель) должен быть достаточно сильным, интенсивным, длительным, с высокой вероятностью негативного исхода.

С целью выявления содержательных и структурных компонентов сензитивности к угрозам нами был разработан и апробирован специальный опросник на выявление сензитивности к угрозам [3]. Он дает возможность определять как общий индекс, характеризующий уровень сензитивности, так и выявлять конкретные содержательные ее стороны. В исследовании, предпринятом нами, приняло участие 67 старшеклассников ряда школ г. Череповца Вологодской области и 64 студента Череповецкого государственного университета, всего 131 человек. На основе несложных процедур были выделены группы испытуемых только с высоким и низким уровнем проявления сензитивности, и, используя дихотомический коэффициент, был осуществлен корреляционный анализ взаимосвязи общего индекса сензитивности с частными ее проявлениями, зафиксированными в отдельных положениях опросника. В результаты были выделены шесть наиболее значимых (на 1 % уровне значимости) связей, которые отражены на рис. 1.

В результате оказалось, что общий индекс сензитивности положительно коррелирует с такими показателями, как «способность держать ситуацию под контролем», «способность в процессе общения с другими людьми определить моменты, связанные с возможными психологическими переживаниями и угрозами», «способность в процессе деятельности определять моменты, когда откладывание дел приведет к нежелательным последствиям», «умение вовремя заметить признаки своего заболевания», «способность к прогнозированию своих действий и поступков с позиций обеспечения безопасности», «способность замечать беспечные и необдуманные действия других людей, которые приводят к нежелательным последствиям». Необходимо констатировать тот факт, что студенты отличаются от школьников по трем факторам. У студентов с общим индексом сензитивности в большей мере связано умение распознавать в процессе общения с другим челове-

ком признаки его угрозы себе, а также моменты времени, когда откладывание дел приведет к нежелательным последствиям. У школьников более тесной оказалась связь между общим индексом сензитивности и способностью держать ситуацию под контролем, что, скорее всего, является преувеличением, выражением некоторого стремления выдавать желаемое за действительное.

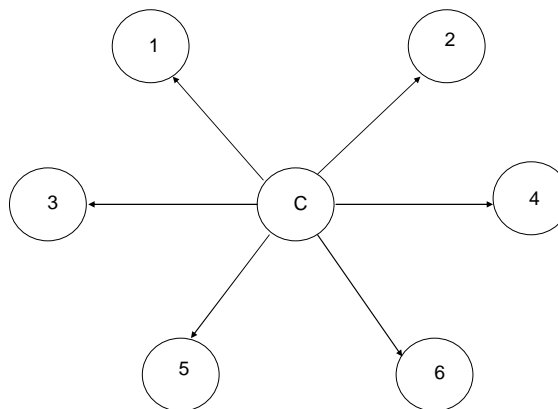

Рис. 1. Связь общего индекса сензитивности к опасностям с ее частными психологическими характеристиками

Примечание: С – общий индекс сензитивности; 1 – способность держать ситуацию под контролем; 2 – способность в процессе общения с другими людьми определить моменты, связанные с возможными психологическими переживаниями и угрозами; 3 – способность в процессе деятельности определять моменты, когда откладывание дел приведет к нежелательным последствиям; 4 – умение вовремя заметить признаки своего заболевания; 5 – способность к прогнозированию своих действий и поступков с позиций обеспечения безопасности; 6 – способность замечать беспечные и необдуманные действия других людей, которые приводят к нежелательным последствиям.

Установленные закономерности дают нам возможность выстроить некоторую обобщенную теоретическую модель, раскрывающую суть психологической структуры сензитивности к опасностям. Эта модель приведена на рис. 2.

Сделаем необходимые пояснения. В основе сензитивности к опасностям лежит способность к контролю ситуации. Это означает, что параметры ситуации постоянно находятся в поле внимания личности. Как только наблюдаются отклонения от некоторых нормативных показателей в разных сферах жизнедеятельности человека, это воспринимается как возможная угроза, что идентифицируется личностью на эмоциональном и рациональном уровнях. Обследованные нами школьники и студенты с высоким уровнем сензитивности отмечают, что, благодаря контролю, они редко попадают в нелепые (неожиданные) обстоятельства, где выглядят не лучшим образом. Испытуемые же с пониженной сензитивностью указывают, что они в таких ситуациях оказываются достаточно часто.

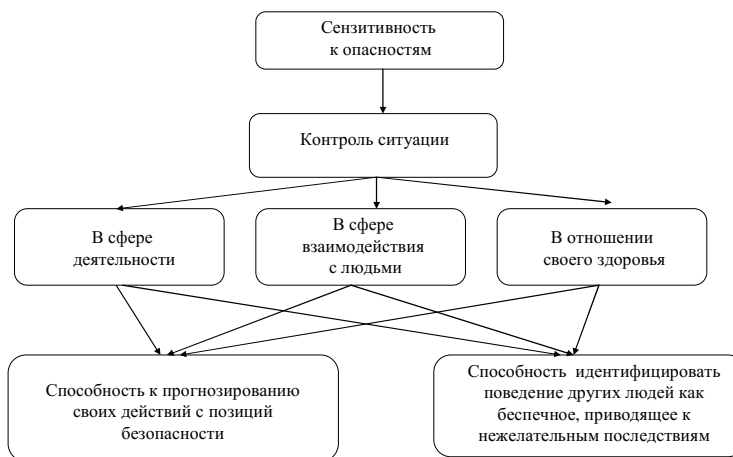

Рис. 2. Психологическая модель сензитивности к опасностям

Наше исследование показало, что в сфере деятельности способность к контролю проявляется в умении вовремя определить тот момент времени, когда невыполнение задания, дела из-за лени, прокрастинации (откладывание дел на потом) приводит к нежелательным последствиям и негативным переживаниям, отрицательным оценкам других. А учитывая тот факт, что для школьников и студентов таким «делом» является учеба, то суть контроля как раз и будет состоять в том, чтобы вовремя обнаружить момент, когда нужно подготовиться к урокам, не откладывать на потом написание курсовой работы и многое другое. Правда, это еще не гарантирует, что «дело» будет выполнено, но это уже, как мы отмечали, другая проблема, связанная с выбором адекватных или неадекватных способов реагирования. Попутно следует отметить, что такая способность, когда нужно «взяться за ум», чтобы избежать неприятностей, гораздо ярче выражена у студентов, чем у старшеклассников.

Для молодых людей особую значимость имеет сфера человеческих взаимоотношений. Поэтому сензитивные и старшеклассники, и студенты под особым контролем держат процессы общения со сверстниками, педагогами, родителями. Они способны вычленять признаки поведения, состояния окружающих людей, которые сигнализируют о возможных агрессивных действиях, назревающих конфликтах, то есть угрозах для своего эмоционального благополучия. При этом умение понять состояние другого человека, когда он «не в духе» проявляется как у сензитивных школьников, так и у сензитивных студентов, а вот умение распознать, представляет ли он угрозу для психологического благополучия личности, в большей степени выражено у студентов.

Наконец, как показало исследование, важнейшей характеристикой сензитивности к опасностям является способность молодых людей держать под контролем сферу собственного здоровья. То есть вовремя обнаруживать признаки собственного заболевания или ухудшения состояния здоровья. В то же время необходимо констатировать, что и школьники, и студенты в большей мере чувствительны к призна-

кам вероятной опасности в области взаимоотношений и выполнения учебных обязанностей, чем к признакам ухудшения своего самочувствия и физического состояния. Различия между сензитивными и несензитивными молодыми людьми здесь хотя и имеются, но они не столь существенны, как в первых двух случаях.

Итак, первой структурной характеристикой сензитивности к опасностям является способность контролировать ситуации в разных сферах жизнедеятельности.

Второй структурной характеристикой является способность к прогнозированию своих действий и поступков, а также действий и поступков других людей, которые могут привести к отрицательным эмоциональным переживаниям, неприятностям, т.е. нарушению психологического благополучия. Необходимо констатировать тот факт, что такая способность выгодно отличает как сензитивных школьников, так и сензитивных студентов от молодых людей с пониженной сензитивностью. Иными словами, обнаружение признаков угрозы, как результат контроля ситуации, сопровождается тут же прогнозом возможных вариантов развития событий. Сензитивный человек в итоге прогнозирования знает, какие последствия его ожидают, если в ситуацию не будут вноситься коррективы.

Вероятно, одним из условий развития умения контролировать ситуацию и прогнозировать последствия, если она будет осуществляться по неблагоприятному сценарию, является достаточно высокая нормативность поведения, знание правил и способов действий в опасных для здоровья, психологического и социального благополучия обстоятельствах. Не случайно наши испытуемые, отвечая на вопрос «Когда я вижу, что мои друзья ведут себя беспечно (неосмотрительно, не задумываются о последствиях)», чаще всего отмечают, что «их поведение крайне удивляет меня». По этому параметру они также существенно отличаются от сверстников с пониженной сензитивностью к угрозам.

В заключение следует отметить, что сензитивность к угрозам является важнейшей составляющей

отношения к опасностям, хотя наличие лишь сензитивности еще не гарантирует того факта, что личность в угрожающей ситуации будет выбирать адекватные способы поведения, предотвращающие, снижающие или нивелирующие опасность. Тем не менее, уже наличие только сензитивности позволяет человеку сделать существенный шаг к обеспечению своей безопасности. По нашим данным, сензитивные юноши и девушки реже испытывают трудности взаимодействия с педагогами, родителями, сверстниками, чаще выбирают адекватные способы реагирования в ситуациях опасности. Поэтому развитие сензитивности есть неперемное условие формирования адекватного отношения людей к опасностям. Мы полагаем, что практическая работа должна включать в себя, наряду с формированием общей нормативности поведения в угрожающих ситуациях и соответствующих ценностей, развитие способности к контролю ситуации, прогнозированию последствий своих действий и действий других людей.

1. *Котик, М.А.* Новый метод экспериментальной оценки отношения людей к волнующим их событиям / М.А. Котик // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 97 – 104.
2. *Маралов, В.Г.* Психологические особенности взаимосвязи сензитивности к угрозам и потребностей в безопасности у старших школьников и студентов / [В.Г. Маралов и др.] // Вестник ЧГУ. – 2012. – № 3 (40). – Т. 1. – С. 146 – 150.
3. *Маралов, В.Г.* Разработка теста-опросника по выявлению способов реагирования в ситуациях опасности в юношеском возрасте / [В.Г. Маралов и др.] // Альманах современной науки и образования. – 2012. – № 12. – Ч. 1. – С. 92 – 96.
4. Развивающаяся личность в зеркале угроз / под ред. В.Г. Маралова. – Череповец, 2013.
5. *Симонов, П.В.* Эмоциональный мозг / П.В. Симонов. – М., 1981.
6. *Соломин, В.П.* Психологическая безопасность / [В.П. Соломин и др.]. – М., 2008.
7. *Эллис, А.* Гуманистическая психотерапия: Рационально-эмоциональный подход / А. Эллис. – СПб., 2002.

УДК 159.99

А.А. Самойлик

Научный руководитель: кандидат психологических наук, доцент И.В. Галактионов

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ – АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В данной статье описывается вид зависимого поведения, набирающий все большие обороты в современном обществе. В веке компьютерных технологий и Интернета актуальным становится вопрос Интернет-зависимости. Данная проблема становится все более важной в связи с ростом количества пользователей сети во всем мире. Интернет забирает все больше времени у своих пользователей и становится настолько доминирующим, что с годами у них прогрессирует снижение способности к волевому контролю над посещением сети.

Интернет, зависимость, аддиктивное поведение, аддикция.

The paper describes the type of addictive behavior in modern society. The Internet addiction becomes more and more popular in the century of Computer Technology and Internet. Increase of Internet users around the world makes this problem more current and urgent. Internet is becoming dominant in people's lives. Internet overusing lead to reduced ability to voluntary control over the visiting Network (Web).

Internet, dependence, addictive behavior, addiction.

Возрастающая компьютеризация и интернетизация современного общества привели к появлению новой психологической зависимости – Интернет-зависимость. Все больше людей предпочитают уходить с головой в виртуальный мир, не желая противостоять жизненным трудностям, выстраивать отношения с окружающим миром и обществом. Заключившись на каких-либо видах деятельности в Интернете, они получают субъективно приятные эмоции, которые помогают «убежать» им от реального мира или которые они могут испытать, находясь в Интернете. Вопрос о ее выявлении и профилактике весьма актуален на данный момент, так как чрезмерное ув-

лечение Интернетом разрушающе воздействует на психику человека, снижает его работоспособность, пагубно влияет на механизмы межличностной перцепции. Данная проблема имеет широкий научный резонанс в работах зарубежных авторов. Особую актуальность она носит в США и Китае. Но по мере повышения уровня развития Интернет-технологий и их доступности для широкого круга пользователей и в России мы так же столкнулись с проблемой Интернет-зависимости, которая может крайне деструктивно повлиять на все сферы жизни человека. При этом данный тип зависимого поведения относится к одной из форм деструктивного поведения, наносящий

большого всего ущерб сфере межличностных отношений.

Термин «Интернет-зависимость» предложил доктор И. Голдберг в 1995 г. для описания патологической, непреодолимой тяги к использованию Интернета. И. Голдберг характеризует Интернет-зависимость как «оказывающую пагубное воздействие на бытовую, учебную, социальную, рабочую, семейную, финансовую или психологическую сферы деятельности» [7, с. 51].

В более широком понимании к зависимости от Интернета относят не только зависимость от применений Интернета в социальной сфере, а именно, опосредствованного общения, но и зависимость от онлайн игр, пристрастие к просмотру сайтов, содержащих информацию сексуального характера, интернет-магазинам.

Зависимость от Интернета приводит к изменению поведения: человек пытается искусственным путем изменить свое психическое состояние, и это дает ему ложное чувство безопасности. Данный тип зависимого поведения представляет собой серьезную опасность для здоровья как физического, так и психического и самого аддикта, и тех, кто его окружает. Наибольший вред наносится сфере межличностных отношений [2, с. 85 – 89].

Интернет-зависимое поведение – одна из форм деструктивного поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности путем постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности, что сопровождается сильными эмоциями [4, с. 73]. Этот процесс настолько захватывает человека, что начинает управлять его жизнью. Человек становится беспомощным перед своим пристрастием. Волевые усилия ослабевают и не дают возможности противостоять зависимости.

Адаптационный ресурс аддикта нарушается. Главным признаком этих нарушений является ощущение психологического дискомфорта. Психологический комфорт может быть нарушен по разным причинам: внутренним и внешним. В жизни всегда случаются перепады настроения, но каждый отдельный человек по-разному воспринимает эти состояния и по-разному на них реагирует. Один готов противостоять трудностям, брать на себя ответственность и принимать решения, а другой с трудом переносит даже незначительные изменения настроения и психофизического тонуса. Такие люди обладают низкой переносимостью фрустраций [5, с. 120 – 127]. И для того чтобы восстановить психологический комфорт, они «погружаются» в зависимость, стремясь к искусственному изменению психического состояния, получению субъективно положительных эмоций. В итоге создается иллюзия решения проблемы. Такой способ борьбы с реальностью закрепляется в поведении человека и становится постоянной стратегией взаимодействия с окружающим миром и обществом.

Причина зависимого поведения чаще всего состоит в том, что оно является путем наименьшего сопротивления. Складывается субъективное впечатление, что таким образом можно уйти от своих про-

блем, не думать о тревогах, избежать трудных ситуаций, используя различные варианты аддиктивного поведения [6, с. 82].

Разрушительный характер зависимости заключается в следующем: способ аддиктивного поведения из средства постепенно превращается в цель. Периодически отвлечься от жизненных трудностей необходимо всем, но в случае аддиктивного поведения оно становится образом жизни, в процессе которого человек попадает в ловушку постоянного ухода от реальности [9, с. 73 – 82], со временем начиная терять свое «Я-реальное» и обретать свое «Я-виртуальное».

Аддиктивная реализация заменяет дружбу, любовь, другие виды активности. Она отнимает время, силы, энергию, эмоции. Человек теряет способность поддерживать равновесие в жизни, включаться в различные формы активности, получать удовольствие от общения с людьми, отдыхать, развиваться как личность, проявлять симпатии, оказывать эмоциональную поддержку даже наиболее близким людям. В результате у аддикта возникают трудности в общении и взаимодействии с другими людьми [3, с. 56].

Вместе с дисфункциональными процессами в общении нарушаются, искажаются и теряют ценность такие значимые механизмы межличностной перцепции, как идентификация, эмпатия, рефлексия. Следовательно, утрачивается способность ставить себя на место партнера, сопереживать, представлять, каким воспринимают тебя окружающие.

Интернет-зависимость обладает некоторыми характеристиками уже известных и изученных аддикций [1, с. 25]:

- пренебрежение важными вещами в жизни из-за аддиктивного поведения;
- разрушение отношений аддикта со значимыми людьми;
- раздражение или разочарование значимых для аддикта людей;
- скрытность или раздражительность, когда люди критикуют это поведение;
- чувство вины или беспокойства относительно этого поведения;
- безуспешные попытки бороться с аддиктивным поведением.

На наш взгляд, особый интерес представляет описание поведенческих характеристик предложенное А.Е. Войскунским [4, с. 105 – 109]. Можно согласиться со следующими из них:

- готовность лгать друзьям и членам семьи, преуменьшая длительность и частоту работы в Интернете;
- стремление и способность освободиться на время работы в Интернете от ранее возникших чувств вины или беспомощности, от состояний тревоги или депрессии, обретение ощущения эмоционального подъема и своеобразной эйфории;
- готовность мириться с разрушением семьи, потерей друзей и круга общения из-за поглощенности работой в Интернете.

Изучение данной проблемы в литературе отечественных и зарубежных авторов дает основание полагать, что в зависимости от мотивации, целей и условий деятельности Интернет может быть использован для ухода в некий виртуальный мир, в котором трудности и проблемы реального мира отсутствуют. И это может привести к формированию виртуальной личности.

Согласно исследованиям А. Жичкиной формирование виртуальной личности выступает как компенсация недостатков реальной социализации. Такая виртуальная личность может существовать как «для себя», осуществляя идеал «Я» или, наоборот, реализуя деструктивные тенденции пользователя, так и «для других», с целью произвести определенное впечатление на окружающих [7].

А. Жичкина указывает, что в особенностях прелюбляемых «виртуальных личностей» могут отражаться отличительные черты, связанные с протеканием процессов самоопределения, самоверификации, изменения структуры идентичности человека, выражающие тенденцию к множественности идентичности [7, с. 73]. Следствием этого является характерное для Интернет-зависимости отрицательное влияние на профессиональную, социальную, психологическую и физическую стороны жизни человека.

Следует помнить, что негативное влияние Интернета находится в прямой зависимости от личности пользователя. Зачастую Интернет-зависимость – это следствие гиперкомпенсации внутриличностных проблем. В первую очередь, это эмоциональная нестабильность, ведомость, низкий самоконтроль, робость, сдержанность. Следовательно, Интернет-зависимость является одним из способов аддиктивной реализации, характерной для лиц, имеющих личностные особенности, такие как замкнутость, тревожность, напряженность, истероидный или сензитивный тип акцентуации характера, способствующие формированию собственно аддиктивной личности. Неспособность противостоять жизненным трудностям, сопровождающаяся низкой самооценкой, плохая переносимость жизненных трудностей, неуверенность в себе – важные факторы, формирующими избегающее поведение. В данном случае Интернет служит средством самозащиты от чувства боли, унижения, плохого настроения.

Исходя из этого, при выстраивании профилактической работы или работы уже с Интернет-зависимым поведением нужно уделять особое внимание следующим аспектам: психологическому сопровождению в преодолении различных жизненных ситуаций, психологической поддержке реализации своего «Я», помощи близких.

Развитие способности самоуправления является необходимым фактором профилактики Интернет-зависимости. Остановимся на описании данного феномена и его «роли» в работе с Интернет-аддикцией. Феномен самоуправления подробно рассматривался учеными в Казанском университете под руководством Н.М. Пейсахова в 80-е гг. XX в. Была разра-

ботана концепция самоуправления, на основе которой выделены четыре формы активности личности как субъекта: субъективные переживания, деятельность, общение, поведение. Эти формы активности объединяются в единое целое благодаря их способности к самоизменению. Н.М. Пейсахов подчеркивал, что «самоуправление следует рассматривать как процесс, а не застывшую структуру связанных между собой звеньев». Цикл самоуправления включает в себя восемь звеньев, а именно: анализ противоречий или ориентировка в ситуации, прогнозирование, целеполагание, планирование, принятие решений, критерии оценки, самоконтроль, коррекция.

Ключевым в понимании феномена самоуправления как операционального механизма управления деятельностью является проявление субъектности как способности личности самостоятельно управлять деятельностью, обеспечивающей ее самоизменение через проявление разных форм активности, что позволяет ей самореализоваться адекватно субъективным и объективным потребностям. Именно психологическое сопровождение в развитии личностного самоуправления, на наш взгляд, является важным фактором профилактики Интернет-зависимости, так как при развитии данной способности акцент делается на субъектность, на умение человека управлять своей жизнью, адекватно разрешать свои жизненные трудности, самореализовываться, расти как личность. И проблемы, описанные нами выше, в данных личностных аспектах, в свою очередь, являются факторами, влияющими на формирования Интернет-зависимости. Это дает основание рассматривать специально организованную деятельность в форме социально-психологического тренинга, направленного на развитие такого операционального механизма самоуправления, как фактор профилактики Интернет-зависимого поведения.

Литература

1. *Арестова, О.Н.* Мотивация пользователей Интернета. Гуманитарные исследования в Интернете / О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, А.Е. Войскуновский. – М., 2000.
2. *Бабаева, Ю.Д.* Интернет: воздействие на личность. Гуманитарные исследования в Интернете / Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскуновский, О.В. Смыслова. – М., 2000.
3. *Войскуновский, А.Е.* Актуальные проблемы зависимости от интернета / А.Е. Войскуновский // Психологический журнал. – 2004. – Т. 25. – № 1. – С. 90 – 100.
4. *Войскуновский, А.Е.* Исследования Интернета в психологии / А.Е. Войскуновский // Интернет и российское общество / под ред. И. Семенова. – М. – 2002 – С. 235 – 250.
5. *Егоров, А.Ю.* Нехимические зависимости / А.Ю. Егоров. – СПб., 2007.
6. Интернет в общественной жизни. – М., 2006.
7. *Кузнецова, Ю.М.* Психология жителей Интернета / Ю.М. Кузнецова, Н.В. Чудова. – М., 2011.
8. *Малыгин, В.Л.* Интернет-зависимое поведение у подростков. Клиника, диагностика, профилактика / [В.Л. Малыгин и др.]. – М., 2012.
9. *Старшенбаум, Г.В.* Аддиктология: психология и психотерапия зависимостей / Г.В. Старшенбаум. — М., 2006.

**ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ,
И ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ОБЩЕНИЯ У СТУДЕНТОВ
СРЕДСТВАМИ АРТ-ТЕХНОЛОГИЙ**

В статье рассмотрена коммуникативная компетентность личности в системе понятий социальной коммуникации. Освещена уровневая концепция общения. Описаны способы измерений коммуникативной компетентности участников тренинга. Приведены результаты проведения тренингов с применением арт-технологий.

Социальная коммуникация, коммуникация, общение, коммуникативная компетентность, арт-технологии, тренинг.

The article considers the communicative competence of a person in the system of concepts of social communication. The layered concept of communication is covered in the paper. The methods of measurement of communicative competence of the participants are described. The results of the training using the-art technology are presented in the article.

Social communication, communication, communication competence, art-technology training.

Понятие «коммуникативная компетентность» было введено в научный оборот социолингвистикой (Р. Белл) и первоначально использовалось в свете коммуникативного подхода к изучению иностранных языков. На современном этапе область его применения значительно увеличилась, и оно обозначает степень готовности к социальному взаимодействию, гарантирующую личности соответствующее ее способностям и социальному статусу функционирование в обществе. При этом коммуникативная компетентность обусловлена не только свойствами личности, но и теми процессами, которые протекают в обществе, и предъявляемыми ими требованиями к своим членам.

Становление коммуникативной компетентности личности необходимо для эффективной самореализации и адаптации индивида, что объясняется восприятием понятия «коммуникация» в рамках психологической науки как функции, осуществляющей фактическую, эмотивную и информационную функцию и являющуюся смысловым актом социального взаимодействия.

Коммуникативная компетентность личности является интегративным личностным образованием, которое соединяет в систему умения и навыки поведения, знания личности о себе и обществе, отношения, которые проявляются в личностных качествах, ценностные ориентации и мотивацию. Это актуальная успешность, в рамках которой время и место, т.е. внешние условия, соответствуют внутренним предпосылкам достижения максимальной эффективности в процессе коммуникативного взаимодействия.

Изучение коммуникативной компетентности личности в рамках деятельностного подхода позволяет прийти к следующим выводам:

1. Под компетентностью следует понимать знания, умения и навыки, а так же пути осуществления деятельности с максимальной степенью квалификации в рамках определенных условий и в интересах

удовлетворения определенных потребностей (Л.А. Петровская [4], [11] и др.)

2. С точки зрения человеческого общества, коммуникация – это общение (что подтверждается синонимичностью этих слов в большинстве языков), обмен чувствами, знаниями, мыслями, а так же схемами поведения и др.

Коммуникативная компетентность взаимосвязана со способностью трансляции – приемом информации, с умением использовать невербальные и вербальные средства, с личностным воздействием, получением идентичного восприятия ситуации коммуникации и может проявляться как в виде актуальных успехов на операциональном плане, так и в виде потребности в общении на внутриличностном плане.

Каждую из характеристик сформированности коммуникативной компетентности личности можно определить следующими критериями.

Когнитивная характеристика определяется способностью демонстрировать интерес к общению (коммуникации), поддерживать и помогать партнерам по общению (коммуникации), принимать во внимание их советы, иметь критическую точку зрения на итоги общения (коммуникации), адекватно оценивать замечания партнеров по общению (коммуникации), ориентироваться в рамках процесса общения (коммуникации), демонстрировать способность к самоактуализации.

Поведенческий самоконтроль выражается в способности располагать к себе участников общения (коммуникации), чувстве юмора во время общения (коммуникации) [13], независимости принятия решения, ориентации на успех, умении невербально выразить свою позицию в процессе общения (коммуникации), понимании своего поведения в рамках процесса общения (коммуникации), которое выражается в адекватных формах поведения.

Эмотивность находит отражение в способности вести себя уверенно и спокойно, контролировать

свои чувства, способности регулировать силу голоса, а так же темп речи в соответствии с коммуникативной ситуацией, саморегуляции в конфликтных ситуациях.

На наш взгляд, особого внимания заслуживает уровневая концепция общения, разработанная Г.В. Акоповым [2]. Ученый отмечает, что в большинстве структурных описаний общения (Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, А.А. Бодалев, А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, Г.М. Андреева и др.) мы не находим уровневой градации актов общения, за исключением работы Б.Д. Парыгина [1].

Основой нашего исследования стала трехуровневая система, представленная в работах Г.В. Акопова. Согласно его позиции [3], контакт является минимально необходимым условием общения, позволяющим реализовать общение на самом поверхностном уровне. Контакт может обеспечиваться как в знаковой (речевой) форме, так и с использованием тех или иных незнаковых (невербальных) средств. Ни в том, ни в другом случае нет передачи какой-либо содержательной информации, а всего лишь имеет место быть некий аналог сигнализации в характерных для человека выразительных средствах. Во всех случаях неотъемлемым атрибутом контакта является психологический момент (интенция, мотив, установка, направленность и т.д.). На информационном уровне осуществляется передача и прием определенной информации. Смысловое общение обусловлено многомерностью мышления, ситуативностью поведения и речевого высказывания, эмоциями и личностными смыслами общающихся. Наконец, рефлексивное общение (коммуникативная рефлексия) предполагает глубокие осознанные размышления, вдумчивый анализ своего коммуникативного поведения.

Таким образом, уровневая градация (структура) общения складывается из общения-контакта, общения-коммуникации и смыслового общения (раскрытие смысла). Первый и третий уровни в этой структуре могут носить случайный характер, не оформляясь в деятельность, в то время, как на уровне коммуникации (передача информации) общение невозможно без деятельностных компонентов. Такое структурирование общения, не отменяя другие подходы (функциональный, динамический и т.д.), позволяет разрешить проблему соотношения категорий деятельности и общения [2].

Необходимо отметить, что как на общественном, так и на личностном уровне коммуникативная компетентность личности – один из базовых параметров, востребованных социальной ситуацией в настоящее время. В связи с этим необходимо увеличить представление о факторах, обуславливающих ее реализацию, а так же приобрести возможность ориентировать и развивать коммуникативную компетентность личности.

Среди способов развития коммуникативной компетентности личности наиболее оптимальным представляется использование психологических арт-технологий. Под арт-технологией в данном исследовании понимается инновационное направление в

психологии, которое позволяет при помощи искусства решать многие педагогические, социально-психологические задачи, а также метод профилактики, реабилитации, коррекции, досуга, социализации и развития личности посредством творчества. Становление и развитие арт-технологических методов органично связано с социально-экономическим и культурным контекстом, а потому имеет свою специфику в различных странах.

Основная особенность арт-технологий в том, что они ориентируются на присущий каждому человеку внутренний потенциал здоровья и силы, делают акцент на естественном проявлении мыслей, чувств и настроений в творчестве, способствует принятию человека таким, какой он есть.

Арт-технологии во всех своих видах (танцевально-двигательные, музыкальные, драматические, голосовые, художественные) способствуют корректировке поведенческих моделей человека, структуры и характера его межличностных коммуникаций. Изучение социально-психологических характеристик влияния арт-технологий на личностные особенности и межличностные коммуникации позволяет грамотно использовать арт-технологические методики в педагогической, социально-психологической и коррекционной работе.

Мы полагаем, что развитие коммуникативной компетентности целесообразно осуществлять в русле уровневой концепции общения при помощи арт-технологий. Для развития коммуникативной компетентности мы создали программу тренинга, состоящую из 10 блоков занятий, включающих в себя модифицированные нами упражнения, разработанные В.В. Козловым [6], В.И. Петрушиным [12], А.Е. Гришом [6], Н.И. Веремеенко [6], Е.И. Тарасовой [14]. В тренинге принимали участие студенты высших и средне-специальных образовательных учреждений РФ в возрасте от 18 до 21 года.

В программу тренинга входили:

1. Художественные техники: «Интервью партнера», «Наиболее яркие воспоминания детства», «Линия жизни», «Полярности», «Разговор в рисунках», «Кто я?», «Символический портрет», «Коммуникативное рисование», «Мой герб», «Работа с глиной», «Рисунок на свободную тему».

2. Танцевально-двигательные техники: «Зеркало», «Страсть и нежность», «Актер / режиссер», «Человек и его тень», «Танец противоположностей», «Любовь и ярость».

3. Музыкальные техники: «Зеркало», «Снятие напряжения», «Преодоление чувства стыда и застенчивости», «Стремление к совершенству», «Самосознание», «Самоконтроль», «Радость жизни», «Музыкант и музыкальный инструмент».

4. Голосовые упражнения: «Цвет», «Состояние», «Индивидуальность», «Восприятие».

5. Драматические: «Изображение животного», «Выражение состояний, эмоций, чувств», «Техника круговых движений», «Границы», «Энергия», «Кто Я?», «Встречи и расставания», «Разговор по душам».

Каждое упражнение сопровождалось рефлексией.

Для определения имеющегося уровня коммуникативных навыков и умений мы использовали четыре специализированных теста: «Оценка уровня общительности» [10], «Оценка самоконтроля в общении» [9], «Оценка коммуникативных умений» [8], «Выявление и оценка коммуникативных и организаторских способностей» [5]. Таким образом, нами протестировано до и после проведения тренинга 112 человек.

Немаловажной частью нашего исследования стала структурно-уровневая система общения, представленная в работах Г.В. Акопова. Для целенаправленного развития коммуникативной компетентности следовало определить уровень общения студентов. Для решения этой задачи мы использовали разработанный нами «Алгоритм определения уровня общения (АО УО) методом включенного наблюдения».

Следующим шагом было введение в оценку результатов тренинга самотестирование участников, проводимое после первого и последнего блоков программы «Методикой экспертной оценки невербальной коммуникации» А.А. Кузнецовой.

Представим результаты четырех тестов – «Оценка уровня общительности», «Оценка самоконтроля», «Оценка коммуникативных умений» и «Выявление и оценка коммуникативных и организаторских способностей» до и после тренинга (см. табл. 1).

Таблица 1

Уровень коммуникативной компетентности студентов до и после тренинга

До тренинга			После тренинга		
Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
37 человек (33,04 %)	74 человека (66,07 %)	1 человек (0,89 %)	-	98 человек (87,5 %)	14 человек (12,5 %)

Проанализировав данные «Методики экспертной оценки невербальной коммуникации» 88 участников тренинга, мы получили следующие показатели, изложенные ниже (табл. 2).

Оценка невербальной коммуникации студентов до и после тренинга

Оцениваемое качество	До тренинга	После тренинга
Общая оценка невербального ресурса	3,38	4,89
Чувствительность, сензитивность к поведению другого человека	18,97	21,78
Способность к управлению своим невербальным поведением	13,25	16,05

Наблюдая за участниками тренинга, опираясь на «Алгоритм определения уровня общения (АО УО) методом включенного наблюдения», мы выявили различные модели поведения участников. В соответствии с практическими потребностями нами выделены четыре уровня коммуникативной компетентности:

- 1) контактный;
- 2) информационный;
- 3) смысловой;
- 4) рефлексивный (коммуникативная рефлексия).

Наблюдения за изменением уровня коммуникативной компетенции осуществлялись у 200 студентов во время каждого из 10 блоков тренинга. Представим данные в процентном соотношении (табл. 3).

Для того чтобы охарактеризовать различные типы студентов, принимавших участие в тренинге, и проследить динамику развития их коммуникативной компетентности, мы провели кластерный анализ. В результате исследования выявлено 5 кластеров.

Кластер 1 включает в себя 26,5 % студентов. На первых пяти занятиях данные студенты демонстрировали информационный уровень коммуникативной компетентности, а на последующих постепенно приближались к смысловому.

Кластер 2 охватывает 11,5 % испытуемых. На первых восьми занятиях они стабильно демонстрировали информационный уровень коммуникативной компетентности, на двух заключительных – смысловой.

Таблица 3

Уровень коммуникативной компетенции

Уровень	Номер занятия									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Контактный	41	36,5	33	30	23	16,5	10,5	5	-	-
Информационный	59	63,5	60	54,5	56	57,5	58,5	47,5	45	41
Смысловой	-	-	7	15,5	21	26	24	35,5	39,5	38
Рефлексивный	-	-	-	-	-	-	7	12	15,5	21

Кластер 3 объединяет собой 11 % студентов. Первые два занятия выявили, что они находились на контактном уровне, но постепенно перешли на информационный.

Кластер 4 включает в себя 30 % студентов: в течение первых пяти занятий они общались на контактном уровне, и лишь потом, постепенно, перешли на информационный.

Кластер 5 охватывает 21 % испытуемых. Первые два занятия позволили определить их уровень как информационный, а с каждым последующим тренингом данные студенты овладевали коммуникативной компетентностью все более уверенно: от пятого к десятому занятию их уровень стабильно смещался от смыслового к рефлексивному.

Анализируя и обобщая полученные результаты, мы пришли к следующему выводу.

В процессе тренинговых занятий все студенты, но в разной степени, овладели навыками активного слушания, приобрели умение устанавливать эмоциональный контакт и «климат общения» (мотивирующий партнера на продолжение общения), распознавать эмоциональное состояние участников общения по внешним характеристикам (позе, мимике, жестикуляции), контролировать поведение, высказывать и аргументировать свою точку зрения. При общении между собой внутри группы создавалась обстановка делового сотрудничества, снималась некоторая напряженность в поведении студентов, устанавливались доброжелательные, деловые отношения. Обмен мнениями между участниками тренинговой группы развивал способность грамотно оформлять свои суждения, слушать и слышать собеседника, аргументировано высказывать собственные идеи, делать выводы. Таким образом, приведенные нами данные убедительно свидетельствуют: психологические арт-технологии позволяют успешно развивать коммуникативную компетентность личности.

Литература

1. *Акопов, Г.В.* Блок контакта: саногенное общение / Г.В. Акопов // Сознание в актуальных измерениях: академический проект / отв. ред. Г.В. Акопов, Т.В. Семенова. – Самара, 2010. – С. 61 – 66.
2. *Акопов, Г.В.* Психология общения: уровневый подход / Г.В. Акопов // Социальная психология сегодня: наука и практика: Материалы Межвузовской научно-практической конференции (15 июня 2006 г.). – СПб, 2006. – С. 5 – 7.
3. *Акопов, Г.В.* Психология сознания. Вопросы методологии, теории и прикладных исследований / Г.В. Акопов. – М., 2010.
4. *Болотова, А.К.* Социальная коммуникация / А.К. Болотова, Ю.М. Жуков, Л.А. Петровская. – М., 2008.
5. Выявление и оценка коммуникативных и организаторских способностей // Большая энциклопедия психологических тестов / под ред. А. Карелина. – М., 2007. – С. 290 – 291.
6. *Козлов, В.В.* Интегративная танцевально-двигательная терапия / В.В. Козлов, А.Е. Гиршон, Н.И. Веремеенко. – СПб., 2010.
7. *Конецкая, В.П.* Социология коммуникации / В.П. Конецкая. – М., 1997.
8. Оценка коммуникативных умений // Большая энциклопедия психологических тестов / под ред. А. Карелина. – М., 2007. – С. 293 – 295.
9. Оценка самоконтроля в общении // Большая энциклопедия психологических тестов / под ред. А. Карелина. – М., 2007. – С. 292 – 293.
10. Оценка уровня общительности (тест В.Ф. Ряховского) // Большая энциклопедия психологических тестов / под ред. А. Карелина. – М., 2007. – С. 290 – 291.
11. *Петровская, Л.А.* Общение – компетентность – тренинг / Л.А. Петровская. – М., 2007.
12. *Петрушин, В.И.* Музыкальная психотерапия: Теория и практика / В.И. Петрушин. – М., 1999.
13. *Семенова, Т.В.* «Юморобика» (тренинг компетентного общения) / Т.В. Семенова // Социальная психология комического. – Самара, 2009.
14. *Тарасова, Е.Г.* Целительные силы искусства: Арт-педагогические техники и приемы / Е.Г. Тарасова. – Тамбов, 2006.

Сведения об авторах

<p>АРТАМОНОВ Юрий Сергеевич / ARTAMONOV Yuri Sergeevich</p>	<p>Аспирант кафедры зарубежного искусства, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. Репина / Postgraduate student, department of Foreign Art History, Saint Petersburg state academic institute of painting, sculpture and architecture named after Repin. E-mail: artamonovyuri@yandex.ru</p>
<p>БАСОВА Екатерина Андреевна / BASOVA Ekaterina Andreevna</p>	<p>Аспирант кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Russian philology and applied communication, Cherepovets state university. E-mail: katty_basova@mail.ru</p>
<p>БАЯНДИН Дмитрий Владиславович / BAYANDIN Dmitry Vladislavovich</p>	<p>Кандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей физики, Пермский национальный исследовательский политехнический университет / Candidate of Science (Physics and Mathematics), associate professor, department of general physics, Perm national research polytechnic university. E-mail: baya260861@yandex.ru</p>
<p>БЕЛАНОВСКАЯ Елена Вячеславовна / BELANOVSKAYA Elena Vyacheslavovna</p>	<p>Кандидат технических наук, заведующий кафедрой дизайна архитектурной среды, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), head of the department of Design of architectural environment, Cherepovets state university. E-mail: DAS@chsu.ru</p>
<p>БЕЛЯЕВА Наталия Андреевна / BELYAEVA Natalia Andreevna</p>	<p>Искусствовед, аспирант кафедры зарубежного искусства, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина / Arts critic, Postgraduate student, Foreign Art History Department, Saint Petersburg state academic institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin. E-mail: nb87@yandex.ru</p>
<p>ВЕТРОВ Филипп Алексеевич / VETROV Philip Alekseevich</p>	<p>Кандидат филологических наук, ведущий специалист по связям с общественностью, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), Public relations specialist, Cherepovets state university. E-mail: tacher@mail.ru</p>
<p>ВЕТРОВА Татьяна Александровна / VETROVA Tatyana Alexandrovna</p>	<p>Кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of public relations, journalism and advertising, Cherepovets state university. E-mail: tacher@mail.ru</p>
<p>ВЛАДИМИРОВ Александр Владимирович / VLADIMIROV Alexander Vladimirovich</p>	<p>Аспирант кафедры автоматизации и вычислительной техники, Вологодский государственный технический университет / Postgraduate student, department of Automation and Computer Engineering, Vologda state technical university. E-mail: iclever7@yandex.ru.</p>
<p>ГОНЧАРЕНКО Дмитрий Викторович / GONCHARENKO Dmitry Victorovich</p>	<p>Аспирант кафедры истории, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of history, Cherepovets state university. E-mail: dv_goncharenko@mail.ru</p>
<p>ДЕМЕНТЕЙ Сергей Валерьевич / DEMENTEY Sergey Valerievich</p>	<p>Магистрант кафедры промышленной теплоэнергетики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Undergraduate of the department of industrial heat and power engineering, Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov. E-mail: s.dementey@gmail.com.</p>
<p>ДЕРКАЧ Татьяна Владимировна / DERKACH Tatyana Vladimirovna</p>	<p>Аспирант кафедры отечественной истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина / Postgraduate student, department of Russian History, Leningrad state university named after A.S. Pushkin. E-mail: tatiannaegorova@rambler.ru</p>

ДИДКОВСКАЯ Виктория Генриховна / DIDKOVSKAJA Victoria Genrikhovna	Доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого / Doctor of Science (Philology), professor, Novgorod state university named after Yaroslav The Wise. E-mail: Pobeda.49@yandex.ru
ДОМРАЧЕВ Дмитрий Александрович DOMRACHEV Dmitry Alexandrovich	Аспирант кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Heat and power engineering, Cherepovets state university.
ЕРМИЛОВ Владимир Витальевич / ERMILOV Vladimir Vitalievich	Кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой техно-сферной безопасности, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), associate professor, head of the department of technosphere security, Cherepovets state university. E-mail: vladimir-ermilov@yandex.ru
ЗАВАРКИНА Марина Владимировна / ZAVARKINA Marina Vladimirovna	Аспирант кафедры русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет / Postgraduate student, department of Russian literature and journalism, Petrozavodsk state university. E-mail: mvnikulina@mail.ru
ИВАНОВА Ирина Ивановна / IVANOVA Irina Ivanovna	Учитель информатики, Муниципальное образовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 41» г. Вологды / Teacher of Informatics, Municipal educational institution "Secondary comprehensive school № 41", Vologda. E-mail: ivanova_iriv@mail.ru
КАБАКОВ Зотей Константинович / KABAKOV Zotey Konstantinovich	Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor, department of Metallurgy, machine building and technological equipment, Cherepovets state university. E-mail: mt@chsu.ru
КАНАЕВА Надежда Анатольевна / KANAeva Nadezhda Anatolievna	Аспирант кафедры психологии, Вологодский государственный педагогический университет, педагог-психолог, Няндомский железнодорожный техникум / Postgraduate student, department of Psychology, Vologda state pedagogical university, teacher and psychologist, Nyandom railway technical school. E-mail: kannad10@mail.ru
КОЧНЕВ Александр Олегович / KOCHNEV Alexander Olegovich	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of general and social pedagogy, Cherepovets state university. E-mail: KochnevAO@yandex.ru
КУДИНОВА Наталия Леонидовна / KUDINOVA Natalia Leonidovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры специальной лингвистической подготовки, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of the special linguistic training, National Research Nuclear University. E-mail: nataliakudinova@mail.ru
ЛОСЕВА Анастасия Петровна / LOSEVA Anastasia Petrovna	Аспирант кафедры современного русского языка и методики его преподавания, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина / Postgraduate student, department of modern Russian language and methods of its teaching, Ryazan state university named after S.A. Esenin. E-mail: a_loseva@mail.ru
ЛЮБОВ Виктор Константинович / LYUBOV Victor Konstantinovich	Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой промышленной теплоэнергетики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Doctor of Science (Technology), professor, head of the department of Industrial heat and power engineering, Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov. E-mail: vk.lubov@mail.ru

МАЛЫГИН Петр Владимирович / MALYGIN Peter Vladimirovich	Аспирант кафедры промышленной теплоэнергетики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Post-graduate student, department of Industrial heat and power engineering, Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov. E-mail: PeterPen13@rambler.ru.
МАЛЫШЕВ Дмитрий Александрович / MALYSHEV Dmitry Alexandrovich	Аспирант кафедры автоматизации и вычислительной техники, Вологодский государственный технический университет / Postgraduate student, department of Automation and Computer Engineering, Vologda state technical university. E-mail: Dmitry.A.Malyshev@gmail.com
МАРАЛОВ Владимир Георгиевич / MARALOV Vladimir Georgievich	Доктор психологических наук, профессор, директор Института педагогики и психологии, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Psychology), professor, department of Psychology, director of the Institute of Pedagogy and Psychology, Cherepovets state university. E-mail: maralovvg@chsu.ru
МЕЛЬНИЧУК Ирина Николаевна / MELNICHUK Irina Nikolaevna	Преподаватель кафедры иностранных языков, Подольский государственный аграрно-технический университет, Украина / Lecturer of the department of foreign languages, Podolsk state agrarian engineering university, Ukraine. E-mail: irenem72@mail.ru
МИНЕЦ Диана Владимировна / MINETS Diana Vladimirovna	Кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), specialist on educational and methodical work, department of Russian philology and applied communication, Cherepovets state university. E-mail: nietzsche666@mail.ru
МЮЛЛЕР Оскар Давыдович / MULLER Oscar Davydovich	Кандидат технических наук, доцент кафедры океанотехники и энергетических установок, докторант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Candidate of Science (Technology), associate professor, department of Ocean engineering and Power Generation Systems, doctoral candidate, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: oskar@mail.ru
ПЛЕШАКОВ Владимир Андреевич / PLESHAKOV Vladimir Andreevich	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии факультета педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of Social Pedagogy and Psychology, faculty of Pedagogy and Psychology, Moscow state pedagogical university. E-mail: dionis-v@yandex.ru
ПЛЕШАКОВ Павел Сергеевич / PLESHAKOV Pavel Sergeevich	Младший научный сотрудник отдела инновационной экономики, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук / Junior Researcher at the department of Innovative economy, Institute of social and economic development of territories of the Russian Academy of Science. E-mail: pleshakov.pavel@mail.ru
ПОПОВ Анатолий Николаевич / POPOV Anatoly Nikolaevich	Аспирант кафедры промышленной теплоэнергетики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Post-graduate student, department of Industrial heat and power engineering, Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov. E-mail: wav1@inbox.ru.
ПОПОВА Евгения Игоревна / POPOVA Evgenia Igorevna	Аспирант кафедры промышленной теплоэнергетики, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Post-graduate student, department of Industrial heat and power engineering, Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov. E-mail: ev.popova@narfu.ru.
ПРОХОРОВ Сергей Анатольевич / PROKHOROV Sergey Anatolievich	Кандидат психологических наук, профессор, заведующий кафедрой изобразительного искусства, Заслуженный работник культуры РФ, член Союза художников России, Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова (г. Барнаул) / Candidate of Science (Psy-

	<p>chology), professor, head of the department of Fine Arts, an honored worker of culture of Russia Federation, the member of the Union of artists of Russia, Altai state technical university named after I.I. Polzunov, Barnaul. E-mail: prokh64@mail.ru</p>
САМОЙЛИК Александр Александрович / SAMOYLIK Alexander Alexandrovich	<p>Аспирант кафедры психологии, Дальневосточный государственный гуманитарный университет (г. Хабаровск) / Postgraduate student, department of psychology, Far Eastern state humanitarian university. E-mail: s_moll@mail.ru</p>
СИГОВА Вера Леонидовна / SIGOVA Vera Leonidovna	<p>Старший преподаватель кафедры теории истории музыки и музыкальных инструментов, соискатель кафедры педагогики, Вологодский государственный педагогический университет / Senior lecturer, department of theory, history of music and musical instruments, applicant of the department of Pedagogy, Vologda state pedagogical university. E-mail: vsigova@list.ru</p>
СЕНИЦЫН Николай Николаевич / SINITSYN Nikolay Nikolaevich	<p>Доктор технических наук, профессор кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor of the department of Heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: sinitsyn@chsu.ru</p>
ТАБУНОВ Иван Александрович / TABUNOV Ivan Alexandrovich	<p>Аспирант кафедры психологии, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Psychology, Cherepovets state university. E-mail: tabunovivan@gmail.com</p>
ТИЧИНСКАЯ Ольга Викторовна / TICHINSKAYA Olga Viktorovna	<p>Преподаватель кафедры практики иностранного языка и методики преподавания, Хмельницкий национальный университет / Lecturer, department of Foreign language practice and methods of teaching, Khmelnytsky national university. E-mail: olga-tychinska@rambler.ru</p>
ТРОФИМОВА Анастасия Игоревна / TROFIMOVA Anastasia Igorevna	<p>Аспирант кафедры отечественной истории, Вологодский государственный педагогический университет / Postgraduate student, department of Russian history, Vologda state pedagogical university. E-mail: makhova.a@rambler.ru</p>
ФЕДОСОВ Антон Олегович / FEDOSOV Anton Olegovich	<p>Аспирант кафедры менеджмента, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of Management, Cherepovets state university. E-mail: fedosov.anton@gmail.com</p>
ФРОЛОВА Ирина Викторовна / FROLOVA Irina Viktorovna	<p>Аспирант кафедры истории, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of History, Cherepovets state university. E-mail: rybakovaa@chsu.ru</p>
ЦЫРЕМПИЛОВА Екатерина Андреевна / TSYREMPILOVA Ekaterina Andreevna	<p>Специалист по учебно-методической работе, Восточно-Сибирский государственный университет технологии и управления / Specialist on educational and methodical work, East-Siberian state university of technology and management, Institute of economy and law. E-mail: ekabr2000@mail.ru</p>
ШКИЛЬ Ирина Ефимовна / SHKIL Irina Efimovna	<p>Аспирант кафедры социальной психологии, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (г. Самара) / Postgraduate student, department of social psychology, Povolzhsk state socio-humanitarian Academy (Samara). E-mail: shkilka@yandex.ru.</p>
ШУТОВА Юлия Николаевна / SHUTOVA Julia Nikolaevna	<p>Аспирант кафедры литературы, Вологодский государственный педагогический университет / Postgraduate student, department of literature, Vologda state pedagogical university. E-mail: gnomik8787@mail.ru</p>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском языке по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. Научные статьи принимаются в течение года и при условии положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@yandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О. научное направление статьи** (при наличии двух и более авторов указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

4. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение трех дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

5. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

6. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

7. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную его подписью и печатью организации, и справку из отдела аспирантуры, подтверждающую обучение, с указанием срока его окончания.

8. Корректур авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

9. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

10. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

162600 Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., 8, к. 302, Веселова Валентина Александровна, тел. 8(8202) 51-72-40, e-mail: vestnik-chsu@yandex.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	<ol style="list-style-type: none">1. Формат страницы – А4 (книжный).2. Поля – все по 20 мм.3. Абзацный отступ – 0,5 см.4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей.5. Междустрочный интервал – полуторный.6. Номер страницы располагается внизу справа.
<i>Объем статьи</i>	7 – 8 страниц
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	<p>Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы:</p> <ol style="list-style-type: none">1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья.2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме.3. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на русском языке.4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора пишется: <i>Научный руководитель: степень, звание, И.О. Фамилия.</i>5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке.6. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на английском языке.7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке.8. Аннотация (до 6 строк) и ключевые слова (5 – 10 слов) обычным шрифтом на русском языке.9. Аннотация и ключевые слова обычным шрифтом на английском языке.10. Текст статьи.11. Список литературы – по центру обычным шрифтом. <p>Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.</p>
<i>Библиографический список</i>	<ol style="list-style-type: none">1. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. <p>Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: если идет указание на работу без прямого цитирования – [2], если идет отсылка к работе для сопоставления (обычно в работах историков) – [см.: 2], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на одной странице – [7, с. 22] или [5, л. 22 об.], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на двух страницах [5, с. 53 – 54]. Если цитата не прямая (цитируется по другому изданию) – [Цит. по: 8, с. 22].</p>

	<p>2. Для раздела «Исторические науки»: Источники и литература указываются с общей нумерацией в алфавитном порядке по первому слову или фамилии автора. Если в перечне источников и литературы указаны архивы, то далее должна следовать расшифровка. Например: ГАВО (Государственный архив Вологодской области). – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 9 об.</p> <p>Образец оформления:</p> <p style="text-align: center;">Литература (для историков – Источники и литература)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 7. 2. ГАРФ. – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 5. 3. <i>Каваками, К.</i> Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии / К. Каваками // Черные металлы. – 1988. – № 13. – С. 3 – 12. 4. <i>Масловский, М.В.</i> Современная западная теоретическая социология / М.В. Масловский. – Н. Новгород, 2005. – URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html 5. <i>Платова, Е.</i> Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты / Е. Платова // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. – М., 2003. – С. 39 – 53. 6. <i>Протт, В.Я.</i> Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Протт. – Л., 1986. 7. <i>Салахетдинов, Э.Р.</i> Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной около-спортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Э.Р. Салахетдинов. – М., 2008. 8. <i>Волков, Н.Д.</i> Труды и дни нашего края / Н.Д. Волков // Северное эхо. – Вологда. – 1917. – 17 января. 9. <i>Третьяков, А.В.</i> Расчет и исследование прокатных валков / А.В. Третьяков, Э.А. Гарбер, Г.Г. Давлетбаев. – М., 1976. 10. <i>Чиршева, Г.Н.</i> Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Чиршева. – Л., 1986. 11. <i>Weber, M.</i> The Rationalization of Education and Training / M. Weber // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. – N.Y., 1946. 12. <i>Cross, A.G.</i> An Anglo-Russian Medley / A.G. Cross // The Slavonic and East European Review. – 1992. – V. 70. – P. 708 – 721.
<p><i>Примечания и комментарии</i></p>	<p>Нумерация сносок постраничная.</p>
<p><i>Иллюстрации (схемы, диаграммы, фотографии и т.д.)</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0 или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
<p><i>Таблицы</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Таблицы (не более трех) должны быть выполнены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
<p><i>Единицы физических величин</i></p>	<p>Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.</p>
<p><i>Формулы</i></p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Набор формул осуществляется в редакторе формул Math Type версии 5.2. (закладка «вставка» – «объект» – набор формулы) или в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007). 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами справа в конце строки в круглых скобках. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются только те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 3. Номер ставится посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 4. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 5. Пронумерованные формулы выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста: $\begin{cases} \tau'_{xy}(\tau) = \tau'_{xz}(\tau) = \tau'_{yz}(\tau) = \sigma'_x(\tau) = 0, \\ \sigma'_y(\tau) = \sigma'_z(\tau) = \sigma'(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$

<i>Сведения об авторе (авторах)</i>	<p>После статьи в таблице приводятся сведения об авторе (авторах). В 1-м столбце указывается Ф.И.О. полностью. Во 2-м столбце указывается:</p> <ol style="list-style-type: none">1. Ученая степень (при наличии) полностью.2. Ученое звание (при наличии) полностью.3. Место работы (организация, структурное подразделение, должность).4. АСПИРАНТАМ: место работы (организация, структурное подразделение, должность) научного руководителя.5. Контактная информация для переписки по каждому автору: полный почтовый адрес с указанием индекса, телефон, e-mail. <p>Все сведения, кроме п. 4, приводятся на русском и английском языках.</p>
-------------------------------------	---

Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 13.07.13. Зак.
Тир. 300 (1 з-д – 50). Уч.-изд. л. 20. Усл. п. л. 19.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.